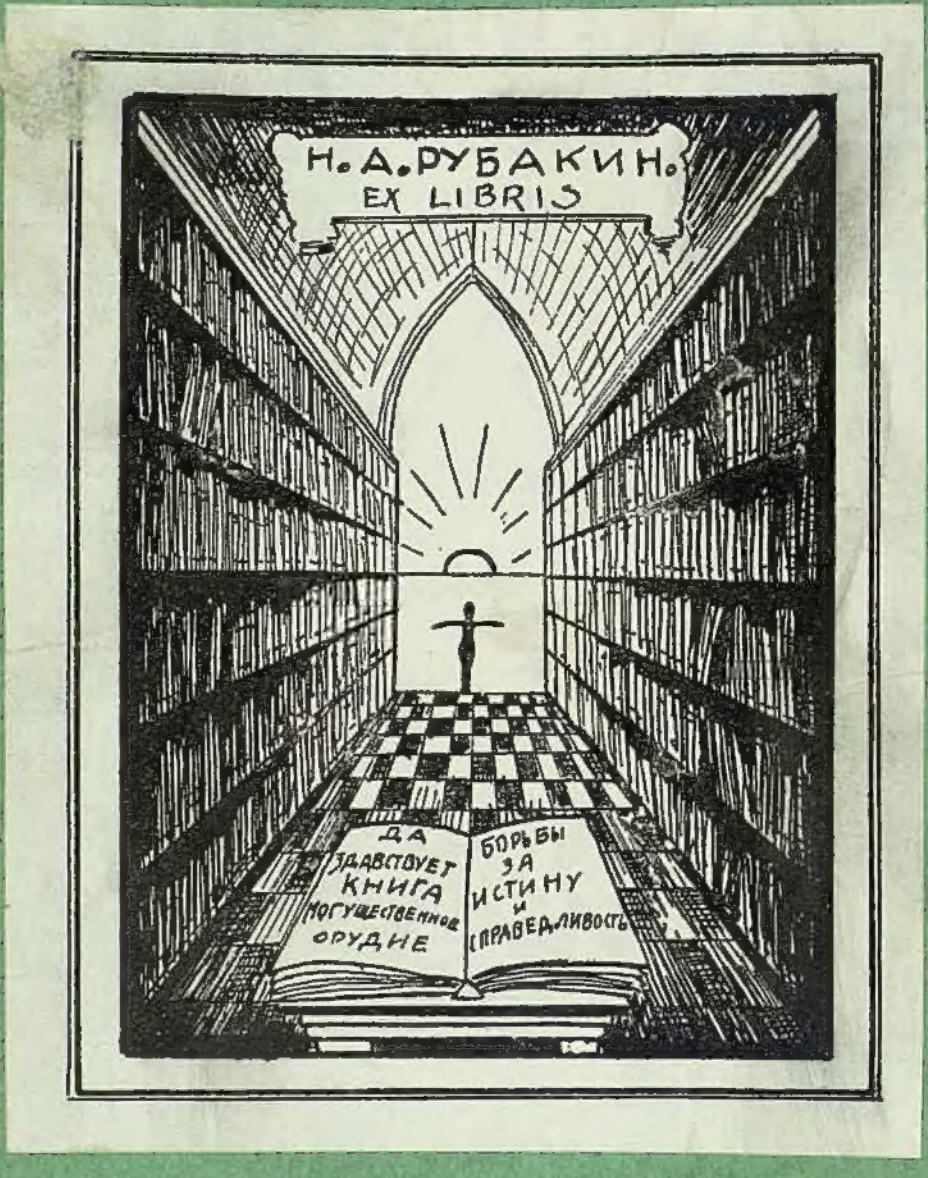
Pg 14/133 т. 4

Р 14
133


Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
КНИГА
МОГУЩЕСТВЕННОЕ
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

№397 ср.
М. А. НАГОВСКОЙ
Р 14/133
801-96
5066-1

Книга Русской Скорби.

Изданіе Русскаго Народнаго Союза имени Михаила Архангела.

Томъ IV.

„Они не будутъ уже ни алкать, ни жаждать и не будетъ палить ихъ солнце и никакой зной: ибо Агнецъ, который среди престола, будетъ пасти ихъ и водить ихъ на живые источники водъ, и отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ“.

(Апокалипсисъ Гл. VII, стихъ 16 и 17).

8510

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Невскій, 136.
1910.

Государственная Ленинская
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
86790-48

Вмѣсто предисловія.

Народъ! Когда въ годину бѣдъ,
Внималъ ты голосамъ проклятья
Толпы стремившейся вослѣдъ
Вождямъ, плоды далекихъ лѣтъ,
Съ плеча ломавшимъ безъ изъятья,
Народъ! Когда вокругъ Тебя
Другой орды и не татарской,
Все подмывая, все губя
Волна рвалась къ порфирѣ Царской,
Народъ, когда, оторопѣвъ,
Ты видѣлъ безпощадный гнѣвъ
Десницы Божьей надъ Россіей—
Скажи, кто въ этотъ страшный часъ
Возсталъ, и заслонилъ, и спасъ
Ея устои вѣковые?
Народъ, когда подъ шумъ рѣчей
Въ дыму, подъ заревомъ пожара
Ты видѣлъ сотни палачей

И вопіялъ: „то Божья кара!“
Когда, отчаяньемъ томимъ,
Ты отдавалъ, въ безумьи, имъ
На поруганье честь и славу,
Завѣты стародавнихъ лѣтъ,
И, заметая къ предкамъ слѣдъ,
Они бросали на забаву
Толпѣ за стягомъ русскій стягъ,
Народъ! Кто духомъ былъ не нагъ
Въ часы всеобщаго развала?
Кто голой дланью уберегъ
ЦАРЯ, Россію, твой порогъ
Отъ озвѣрѣвшаго вандала?
Народъ! Неужто позабылъ
Ты цвѣтъ своихъ духовныхъ силъ,
Разсѣявшихъ туманъ угарный
И, жизни буднями томимъ,
Дашь умереть на вѣки имъ
Въ твоей душѣ неблагодарной?..

В. Пуришкевичъ.

13 ноября
1909 года.

Иванъ Васильевичъ Шереметовъ.
Жандармскій ротмистръ г. Керчи.

Наталья Семеновна Шереметова.
Убиты въ гор. Керчи 9-го іюня 1906 года.

Слышны нѣвучіе, грустные звуки скрипки... Безъ начала, безъ конца льется мелодія; въ ней звучитъ тоска, неразгаданный вопросъ, тревога; въ ней отражается настроеніе души играющаго, силящейся что-то понять, что-то рѣшить. Долго, долго льется грустная импровизація, все больше и больше прорывается въ ней тонъ недоумѣнія и тревоги. Вся душа напрягается, сосредоточивается въ какомъ-то молчаливомъ вопросѣ, рука все нервнѣе сжимаетъ смычекъ, звуки усиливаются, крѣпнутъ, растутъ, тревожный вопросъ вырисовывается все яснѣе и яснѣе... Сейчасъ, сейчасъ онъ будетъ понять...

Протяжный, дрожащій звукъ лопнувшей струны рѣзко оборвалъ пѣсню. Точно предсмертное, сдавленное рыданіе и затѣмъ—тишина.

Тамъ въ мірѣ недоступномъ для очей смертнаго, гдѣ время, въ своемъ

вѣчномъ движеніи впередъ, считаетъ часы жизни каждаго изъ этихъ смертныхъ, рука холодной безжалостной судьбы— рѣзко оборвала нить молодой, человѣческой жизни...

Иванъ Васильевичъ Шереметовъ положилъ скрипку на мѣсто и, весь подъ впечатлѣніемъ страннаго, рыдающаго звука оборвавшейся струны, сталъ собираться на службу.

Онъ былъ страстнымъ любителемъ музыки и каждую свободную отъ работы минуту посвящалъ игрѣ на скрипкѣ. Игралъ и утромъ, и вечеромъ, когда время позволяло. Игралъ какъ любитель, но вкладывалъ въ игру всю свою душу, малѣйшія настроенія которой отражались въ его, то веселыхъ, то грустныхъ импровизаціяхъ.

И сегодня, (9-го іюня) онъ игралъ съ утра, пока жена занималась по хозяйству, а маленькая, единственная дочь Ирина возилась съ игрушками въ своей дѣтской. Онъ игралъ; было что-то грустно, хотя то, чѣмъ полна была душа— свободно и легко изливалось въ звукахъ, но... струна лопнула, квинта... Надо купить новую и попробовать вспомнить опять, вечеромъ, ту-же мелодію, которая выходила такъ хорошо. Отчего только такъ жалобно задрожала и точно заплакала эта оборванная струна? Какъ будто кто-то невидимый бросилъ страстный и рѣзкій протестъ противъ готоваго свершиться ужаса и тутъ-же горько заплакалъ, сознавая неизбѣжность этого грядущаго ужаса, надвинувшагося совсѣмъ близко.

Но тайна ближайшаго будущаго была скрыта отъ Ивана Васильевича Шереметова. Онъ только чувствовалъ неясную тревогу, грусть. Смерть, уже протянувшая къ нему свои ненасытныя руки, осѣнила его своей тѣнью, онъ ощущалъ холодъ ея, но ея самой не видѣлъ еще.

Въ теченіи дня И. Шереметовъ занимался своими дѣлами по службѣ, работалъ, ходилъ покупать струну. Но ничто не могло разсѣять его тревожнаго и гнетущаго настроенія. Встрѣтивъ въ городѣ нѣсколько человѣкъ своихъ знакомыхъ, онъ каждому изъ нихъ, невольно, разсказывалъ о томъ, что у его скрипки утромъ лопнула струна и о тяжеломъ впечатлѣніи, которое на него произвелъ ея звукъ.

— Когда она лопнула, — говорилъ онъ,—то звукъ получился такой жалобно-ноющій, что у меня какъ-бы оборвалось что-то внутри; до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ впечатлѣнія этого звука.

Вечеромъ, послѣ обѣда, Иванъ Васильевичъ отправился на бульваръ.

Многимъ людямъ, вѣротно, приходится наблюдать въ жизни необъяснимую человѣческимъ разумѣніемъ, таинственную и сильную связь двухъ близкихъ, любящихъ душъ. Одинъ чувствуетъ грусть, огорченъ и — настроеніе его тотчасъ-же, иногда на очень далекомъ растояніи, передается другому, близкому и любимому. Одному угрожаетъ опасность, а другой, ничего не зная объ этой опасности, чувствуетъ безпричинную тоску, безпокойство.

Послѣ ухода Ивана Васильевича на бульваръ, жена его Наталья Семеновна Шереметова почувствовала именно такое необъяснимое безпокойство и тоску. Тяжелое настроеніе мужа передалось ей.

Часы шли, непонятное безпокойство Натальи Семеновны все возрастало и вылилось, наконецъ, въ твердое убѣжденіе, что мужу ея грозитъ какая-то опасность. Не въ силахъ справиться съ охватившими ее наконецъ, всецѣло, страхомъ и волненіемъ, она точно повинуясь гипнотическому внушенію, быстро одѣлась и пошла на бульваръ, съ цѣлью уговорить мужа вернуться домой.

Несчастная женщина, вся отдавшись порыву любящаго сердца, спѣшила къ своему мужу, чтобы увести его, оградить отъ какой-то, невѣдомо откуда, угрожающей опасности и не подозрѣвала, что сама идетъ навстрѣчу этой опасности, что смерть уже распростерла надъ нею свое черное крыло.

Неясное, но постоянное опасеніе за жизнь мужа, положимъ, никогда не покидало ее и раньше, съ того времени, когда разразившаяся революціонная гроза рѣзко разграничила все русское общество на вѣрныхъ сыновъ Россіи и враговъ ея. Враговъ было больше, друзья Россіи и вѣрныя ея дѣти еще были разрознены, еще не собрались на одолѣ-

ніе врага и работали въ одиночку каждый на своемъ мѣстѣ, подъ вѣчной опасностью и угрозой со стороны враговъ.

Иванъ Васильевичъ Шереметовъ, какъ русскій и честный офицеръ, во время всеобщаго разгрома очутился въ меньшинствѣ, т. е. въ числѣ вѣрныхъ дѣтей Россіи. Видя вокругъ измѣну, поруганіе народныхъ святынь и національныхъ русскихъ устоевъ, видя усиливающуюся толпу внутреннихъ враговъ, поднявшихъ руку на родину-мать, И. В. Шереметовъ, въ числѣ другихъ, подобныхъ ему вѣрныхъ чести людей изготовился, насторожился и твердо, ревностно сталъ оберегать отъ вражьяго натиска то небольшое, но отвѣтственное дѣло, которое ему довѣрили и поручили.

Его жена знала и понимала, что одна только принадлежность Ивана Васильевича къ „меньшинству“ уже навлекаетъ на него опасность. Она видѣла, какъ твердо давалъ онъ, гдѣ только и въ чемъ могъ, отпоръ революціонному сброду и знала, что этимъ самымъ онъ заслуживаетъ ихъ ненависть и вызываетъ мщеніе. Каждый день приносилъ новыя и новыя жертвы, каждый день одинъ за другимъ падали вѣрные слуги Россіи и, конечно, Наталія Семеновна не могла думать, что мужъ ея не раздѣлитъ общей участи этихъ жертвъ.

Но объ этомъ было такъ страшно думать, въ сердцѣ жила такая крѣпкая надежда: „а можетъ быть, Богъ помилуетъ“. Опасенія и страхъ по временамъ утихали, оставалось только смутное безпокойство.

И вотъ сегодня, съ новой силой сердце ея охватилъ страхъ и погналъ ее изъ дому. Надо найти мужа, увести его домой; тамъ онъ, хотя на время, на сегодня — въ безопасности.

Наталья Семеновна на бульварѣ быстро нашла своего мужа и взявъ его подъ руку, отправилась съ нимъ домой. Чѣмъ ближе подходили они къ дому, тѣмъ спокойнѣе становилось на сердцѣ молодой женщины. Еще немного и они будутъ у своего очага, гдѣ ихъ ждетъ маленькая Ирина.

Они подошли къ калиткѣ дома, во дворѣ котораго занимали квартиру, и Наталья Семеновна вынула ключъ, чтобы отпереть калитку, но не смотря на всѣ усилія, не могла попасть ключемъ въ замочную скважину. Въ эту минуту они

и ея мужъ услышали за собой топотъ бѣгущихъ ногъ, оглянулись—и были внезапно осыпаны градомъ пуль. Шестеро убійцъ подбѣжали почти вплотную и начали буквально разстрѣливать Шереметовыхъ изъ браунинговъ.

Иванъ Васильевичъ тутъ-же у калитки упалъ мертвый, пронизанный восемью пулями, изъ которыхъ одна попала въ голову надъ правымъ глазомъ и вышла въ затылокъ.

Наталья Семеновна, смертельно раненая въ животъ, продолжала стучать въ калитку и отчаянно звала на помощь. Ея крикъ услыхали два унтеръ-офицера, занимавшіеся въ канцеляріи Шереметова въ его квартирѣ, выскочили во дворъ, и подбѣжавъ къ калиткѣ, стали ее отворять. Но это имъ удалось не сразу, такъ какъ злодѣи, подготовившіе убійство, позаботились о томъ, чтобы намѣченнымъ ими жертвамъ некуда было скрыться, и забили въ замочную скважину калитки кусочекъ дерева.

Когда, только спустя 2—3 минуты, калитку удалось отворить, то прибѣжавшіе на помощь нашли уже бездыханный трупъ ротмистра Шереметова, подняли его и понесли въ домъ. Наталья Семеновна Шереметова сгоряча пробѣжала сама весь дворъ, но у подъѣзда своей квартиры упала.

Ее также подняли на руки и понесли вслѣдъ за тѣломъ мужа въ домъ. Къ утру она скончалась.

Въ этомъ же дворѣ, въ квартирѣ рядомъ, жилъ и отецъ Натальи Семеновны, генералъ Трубниковъ, страдавшій порокомъ сердца. Когда ему сказали о смерти дочери и зятя, онъ упалъ въ обморокъ и послѣ этого, промучившись нѣсколько дней, умеръ. Его жена, Софья Петровна Трубникова, въ день катастрофы находившаяся въ Чокракѣ, гдѣ оканчивала курсъ лѣченія, тотчасъ пріѣхала и, похоронивъ трехъ близкихъ и дорогихъ ея сердцу людей—сама еле пережила ихъ трагическую смерть. Ее спасло сознаніе, что есть еще одно близкое и родное ей существо, маленькая сиротка Ирина, для которой она должна жить.

Но, увы! Ребенокъ, видѣвшій какъ вносили окровавленныя тѣла отца и матери, видѣвшій, какъ черезъ нѣсколько дней хоронили любимаго дѣдушку—прожилъ не долго. Перепесенное потрясеніе подточило дѣтскій организмъ и убило

жизнедѣятельность слабаго сердечка. Дѣвочка стала чахнуть и къ концу года умерла отъ скарлатины. Докторъ сказалъ, что сердце дѣвочки было такъ слабо, что не могло выдержать повышенной температуры.

Оборвалась послѣдняя нить, привязывавшая къ жизни престарѣлую Софью Петровну Трубникову. Похоронивъ внучку, она вскорѣ сошла съ ума и недолго пробывъ въ Тифлисѣ въ лѣчебницѣ—умерла.

Итакъ, одинъ предательскій ударъ сразилъ всю семью, всѣхъ пятерыхъ ея членовъ, связанныхъ между собою узами

Генераль Трубниковъ.

любви и кровнаго родства. Одинъ, какъ самъ И. В. Шереметовъ, погибъ сразу, на мѣстѣ; его жена — отбѣжавъ нѣсколько десятковъ шаговъ и промучившись нѣсколько часовъ; агонія ея старика отца, пораженнаго въ сердце скорбью — длилась нѣсколько дней; страдальческое прозябаніе ребенка, этого безвременно подкошеннаго косой и медленно увядающаго цвѣтка—тянулось нѣсколько мѣсяцевъ, а постепенное, трагическое умираніе тѣла и духа старушки Трубниковой—цѣлый годъ!

На этотъ разъ мы не можемъ сказать: „послѣ злодѣйски сраженнаго вѣрнаго сына родины И. В. Шереметова осталась убитая горемъ семья“; мы не можемъ сказать: «миръ, да сойдетъ въ сердца оплакивающихъ его близкихъ, а время— да осушитъ ихъ слезы“.

О Шереметовѣ плакать некому. Никто близкій, родной не склоняется въ скорби надъ его могилой. Онъ ушелъ и какъ бы увелъ съ собою всѣхъ, кого любилъ, всѣхъ, кто могъ плакать о немъ.

Они ушли, но мы остались. Мы, родные убитому не по крови, а по духу, связанные съ нимъ единствомъ идей, общей работой на пользу и благо Россіи, оставшіеся въ живыхъ работники того дѣла, за которое онъ погибъ—что скажемъ мы? Какъ отомстимъ убійцамъ?

Увы! Они не найдены, эти убійцы. Они скрылись всѣ шестеро и, какъ обыкновенно у насъ говорятъ: „не разысканы, не смотря на принятыя мѣры“.

Безсильный гнѣвъ и горечь охватываютъ душу. Да будутъ-же прокляты убійцы, погубившіе цѣлую семью. Когда нибудь, Господь справедливый, да пошлетъ ихъ душамъ удесятеренныя муки ихъ жертвъ и воздастъ имъ за все принесенное ими страданіе.

Иванъ Васильевичъ Шереметовъ — помощникъ Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Керчь-Еникальскомъ градоначальствѣ и Ѳеодоссійскомъ уѣздѣ. Родился 16 апрѣля 1872 г. Получилъ образованіе въ Михайловскомъ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ и 2 военномъ Константиновскомъ училищѣ по 1 разряду. По выходѣ въ офицеры 4 авг. 1892 года поступилъ на службу въ 187 пѣхотный резервный Каменецкій полкъ, откуда, 8 января 1898 г. перевелся въ Отдѣльный Корпусъ Жандармовъ. Жена его Наталья Семеновна была дочерью бывшаго начальника Таврическаго Губернскаго Жандармскаго Управленія генерала-лейтенанта Семена Васильевича Трубникова.

Сергѣй Николаевичъ Поддубный.

Кондукторъ Екатерининской желѣзной дороги, павшій отъ руки злодѣя освободительнаго времени 8 Іюля 1908 года при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Сергѣй Поддубный происходилъ изъ крестьянъ Курской губерніи, села Черняпки. Какъ и каждый бѣднякъ, Поддубный долго искалъ себѣ и своему семейству кусокъ насущнаго хлѣба и наконецъ, послѣ усиленныхъ просьбъ ему удалось поступить на должность кондуктора Екатерининской ж. д.

Почти 10 лѣтъ, Поддубный состоялъ на этой должности и ѣздилъ на пассажирскихъ поѣздахъ, курсировавшихъ между г. г. Бердянскъ-Екатеринославъ; квартировалъ же онъ въ городѣ Бердянскѣ и его знали не только пассажиры, но почти каждый житель Бердянска въ Поддубномъ видѣлъ самаго честнаго и достойнаго слугу. Онъ и средп своихъ сослуживцевъ считался однимъ изъ лучшихъ товарищей. Сергѣй Поддубный всегда отличался кротостью и смиреніемъ, къ каждому онъ относился снисходительно, исключая жидовъ, которые, какъ клопы залѣзающіе въ щели отъ дневного свѣта, прячутся въ вагонахъ поѣзда, ѣдучи безъ билета. На моихъ глазахъ, неоднократно, происходили столкновенія Поддубнаго съ пассажирами-жидами безъ билета. Поддубный считалъ, что лучше ѣсть черствый кусокъ хлѣба, чѣмъ имѣть не чистую совѣсть и, дѣйствительно, онъ всегда былъ покоенъ при сопровожденіи поѣзда; но и для него наступилъ роковой часъ и Сергѣй Поддубный отходитъ въ вѣчность.

Обстоятельства преждевременной кончины Поддубнаго слѣдующія: 8 Іюля 1908 года, Поддубный сопровождаетъ поѣздъ № 8-ой изъ Екатеринослава въ Бердянскъ, и между ст. Синельниково и разъѣздомъ Вышневецкое, проходя по вагону 1-го класса, въ коррпдорѣ, наталкивается на двухъ неизвѣстныхъ пассажировъ, изъ которыхъ одинъ пытался отворить дверь купэ, въ которомъ ѣхалъ крупный домовладѣлецъ Янценъ. Поддубный, не подозрѣвая опасности, съ присущимъ ему добродушіемъ обращается къ этому пассажиру со словами: „Что вамъ тамъ надо“? но не успѣлъ окончить фразы, какъ другой, стоявшій около тогоже купэ, такъ же незнакомый субъектъ, произвелъ изъ браунинга два выстрѣла и несчастный Поддубный замертво падаетъ на полъ не произнеся ни одного слова. Убійцы на ходу соскочили съ поѣзда и, благодаря ночной темнотѣ, скрылись.

Богачъ нѣмецъ Янценъ спокойно пріѣзжаетъ въ Бердянскъ съ 15000 руб. денегъ, за которые Поддубный поплатился своей жизнью. Остается несчастная вдова Поддубная съ тремя малолѣтними дѣтками безъ куска насущнаго хлѣба.

Съ быстротой молніи разнесся по городу Бердянску слухъ объ этомъ кровавомъ произволѣ жидовской свободы, и 10-го Іюля на станцію Бердянскъ, къ приходу поѣзда, прибыло до 5000 душъ встрѣтить трупъ знакомаго всѣмъ Сергѣя Поддубнаго.

Бердянскій Отдѣлъ Союза Русскаго Народа принялъ горячее участіе въ торжественной встрѣчѣ и проводахъ на могилу достойнаго слуги Царя и Отечества, Сергѣя Поддубнаго; имъ исходатайствована торжественность похоронъ: приготовленъ катафалкъ, знамя, хоругви, собранъ любительскій хоръ пѣвчихъ, приготовленъ вѣнокъ съ подобающей надписью и т. п. но кадетствующее желѣзнодорожное начальство почему-то не захотѣло перевозить трупъ въ Бердянскъ и похоронило его въ глуши, на ст. Синельниково.

Несчастная вдова Поддубнаго съ тремя малютками и теперь голодаетъ; она не только не получила до сего времени ни какого пособія, но даже не можетъ добиться изъ банка скопленныхъ полсотни рублей, потому что эти деньги положены на имя покойнаго ея мужа, а богачъ нѣмецъ Янценъ за то, что Поддубный своей жизнью спасъ ему 15000 руб. и, можетъ быть, и жизнь его, расщедрился и выдалъ на оставшихся сиротъ сколько бы вы думали?—25 рублей! Вотъ какъ цѣнится жизнь честныхъ русскихъ тружениковъ, не щадя своего живота исполняющихъ долгъ службы.

Павелъ Александровичъ Слѣпцовъ

Тверской губернаторъ, убитъ въ городѣ Твери 25 марта 1906 года.

По всей великой Россіи не осталось, кажется, ни одного города, который не сохранилъ-бы на себѣ слѣдовъ и воспоминаній „освободительнаго времени“, т. е. времени, когда часть людей „освободила“ въ себѣ звѣря, такъ часто таящагося на днѣ человѣка съ давнихъ временъ и въ наши дни, несмотря на всю внѣшнюю утонченность современной культуры...

Есть города, гдѣ слѣды разрушеній и злодѣяній уже изглажены заботливыми руками времени и жителей, есть и

такіе, которые до сихъ поръ хранятъ нѣмыхъ, но краснорѣчивыхъ, свидѣтелей пережитаго. Повсюду живы еще нерукотворные памятники въ разсказахъ очевидцевъ...

Въ Москвѣ вамъ покажутъ мѣсто, съ воздвигнутымъ на немъ памятникомъ, гдѣ пролита Царственная кровь сына, брата и дяди—трехъ Русскихъ Императоровъ.

Въ Петербургѣ, на его прекрасныхъ островахъ, вы увидите страшное мѣсто, гдѣ разрушенный бомбой домъ похоронилъ подъ своими обломками трупы нѣсколькихъ десятковъ, ни въ чемъ неповинныхъ, случайныхъ людей, гдѣ несчастная дѣвочка—дочь министра—вынесена была съ растерзанными ногами изъ развалинъ отцовскаго жилища... „Что это, сонъ?“ кажется, еще звучитъ до сихъ поръ ея недоумѣвающій нѣжный голосокъ, не вѣрящій въ ужасную, кровавую дѣйствительность...

Въ Севастополѣ вы пойдете на площадь, гдѣ изъ членовъ такихъ несчастныхъ истерзанныхъ дѣтей составились цѣлыя груды, въ которыхъ матери отыскивали дорогія имъ останки... Въ Кіевѣ, у зданія городской думы, вамъ напомнятъ, какъ сорвана была здѣсь и брошена на площадь, къ ногамъ гогочущей толпы, Императорская Корона, какъ изорваны были, въ безумномъ и нагломъ изступленіи, изображенія великихъ русскихъ царей...

Вотъ маленькая Ѳеодосія—и здѣсь на площади пустыми, полуразрушенными окнами глядитъ на васъ обгорѣвшее зданіе, какъ-бы погруженное въ угрюмую мрачную думу о прошломъ, о томъ, что случилось.—Оно вспоминаетъ тѣ святотатственныя кощунственныя рѣчи, что потрясали его каменныя стѣны—до тѣхъ поръ, пока въ этомъ, почти инородческомъ городѣ не собралась кучка мстителей за поруганную и оскорбленную Россію, и оскорбленнаго царя... Тогда-то, вокругъ каменныхъ стѣнъ, запылалъ веселый огонь и разсѣялъ возмутительное скопище, гонимое клубами чернаго дыма.

И такъ—по всему лицу земли Русской. Тяжело говорить и вспоминать объ этомъ. Тяжело будить страшныя воспоминанія... Тяжело сводить кровавые счеты, подводя роковые итоги...

Одно изъ самыхъ страшныхъ воспоминаній хранитъ Тверь... Тамъ находится домъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, до самой кровли обрызганный человѣческой кровью; вокругъ него деревья, съ вѣтвей которыхъ снимали части человѣческаго мозга и осколки черепа; тамъ еще ходятъ люди по тѣмъ самымъ камнямъ, гдѣ валялись куски растерзанныхъ человѣческихъ членовъ...

Вотъ слова священника, произнесшаго слово на отпѣваніи убитаго въ Твери губернатора П. А. Слѣпцова:

„Смерть твоя внесла кровавую страницу въ исторію нашего города и будетъ лежать на насъ неизгладимымъ кровавымъ пятномъ, которое смерть твоя положила на насъ, будетъ постоянно лежать на нашей душѣ, на нашемъ сердцѣ, на нашей совѣсти тяжелымъ камнемъ“...

„И мы косвеннымъ образомъ повинны въ крови сей, потому-что люди, жаждущіе крови ближняго и посягающіе на жизнь его—наши—они плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ... Мы дали возможность сравнительно небольшой кучкѣ людей расшириться, тѣсно сплотиться, организоваться и возрасти въ такую силу, которая въ настоящее время уже смѣло подняла голову и начала дѣйствовать... И вотъ передъ нами кровавые плоды этой дѣятельности“...

Да... „кровь, это совсѣмъ особый сокъ“... сказалъ Мефистофель, приглашая Фауста кровавою подписью закрѣпить свой договоръ съ дьяволомъ и до сихъ поръ—прошли вѣка—а злобному духу все еще удается соблазнять людей на пролитіе этого „сока“ въ особенности тогда, когда человѣкъ, въ безумномъ и высокомѣрномъ ослѣпленіи, собирается насаждать на кровавой жизненной нивѣ какую-то особенную „свободу“—гуманность, счастье и благоденствіе для ближнихъ...

По иронія судьбы, первымъ актомъ „свободы“ обыкновенно является обагреніе рукъ въ потокахъ человѣческой крови... Недаромъ „великій“ народъ ознаменовалъ свое „освобожденіе“—изобрѣтеніемъ особой машины, спеціально приспособленной для наиболѣе удобнаго выпусканія „сока“ изъ

человѣческихъ жилъ... и гильотина стала эмблемой французской революціи...

Вотъ краткое описаніе служебной дѣятельности и мученической, трагической кончины Павла Александровича Слѣпцова:

Павелъ Александровичъ Слѣпцовъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода Пензенской губерніи и получилъ высшее образованіе въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, который окончилъ въ 1881 году по первому разряду. Служебное поприще его прошло по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, въ которомъ онъ послѣдовательно занималъ должности: чиновника особыхъ порученій, сначала при саратовскомъ губернаторѣ (1882—1883 г.), а затѣмъ при одесскомъ генералъ-губернаторѣ (1884—1888), и, наконецъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ (1889—1893). Въ этотъ періодъ времени на него былъ возложенъ цѣлый рядъ порученій по продовольственному вопросу въ качествѣ сотрудника кн. Долгорукаго и ген. Цеймерна, командированныхъ въ эпоху голода, охватившаго Россію въ 90-хъ годахъ, въ Пермскую, Саратовскую, Тамбовскую и Воронежскую губерніи.

Въ 1893 году П. А. Слѣпцовъ назначается Кіевскимъ вице-губернаторомъ съ пожалованіемъ въ камергеры Высочайшаго Двора, а въ 1898 г. воронежскимъ губернаторомъ каковую должность занимаетъ съ ноября 1902 года.

Въ 1904 году П. А. Слѣпцовъ назначается Плоцкимъ губернаторомъ, а въ іюнѣ 1905 г. переводится въ Тверь, гдѣ трагически оканчиваетъ жизнь, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

25 марта 1906 года, около трехъ часовъ дня, Павелъ Александровичъ, послѣ открытія чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія, созваннаго для избранія члена Государственнаго Совѣта, возвращался по Милліонной улицѣ, отъ зданія дворянскаго собранія во дворецъ. При поворотѣ съ Милліонной ко дворцу, противъ зданія, занимаемаго квартирою губернскаго предводителя дворянства, подъ губернаторскій экипажъ была брошена бомба. Раздался оглушительный взрывъ. Когда разсѣялся дымъ, глазамъ прибѣжавшихъ представилась ужасная картина: въ разныхъ мѣстахъ на

довольно большомъ пространствѣ валялись ноги, внутренности, части тѣла и клочья платья убитаго взрывомъ Слѣпцова, слышались стоны сильно раненаго губернаторскаго кучера и лицъ, случайно проходившихъ здѣсь, въ моментъ взрыва; экипажъ былъ разбитъ вдребезги. Раненыя лошади убѣжали.

Сила взрыва, подобнаго пушечному выстрѣлу, была такъ велика, что гулъ былъ слышенъ въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ города, а отъ сотрясенія воздуха, въ ближайшихъ, къ мѣсту катастрофы, зданіяхъ не осталось въ окнахъ ни одного цѣлаго стекла. Фасадъ дворянскаго дома, занимаемаго губернскимъ предводителемъ дворянства, обезображенъ прилипшими къ нему кусками мяса и сгустками крови. Весь тротуаръ около дворянскаго дома сплошь покрытъ слоемъ мелкихъ осколковъ стекла...

На мѣсто происшествія прибыла полиція и собрала останки губернатора. Между прочимъ, около реальнаго училища, нашли скальпъ съ осколкомъ черепной кости. Вскорѣ на мѣсто убійства былъ доставленъ и окровавленный преступникъ, задержанный драгуномъ на Волжскомъ мосту; онъ отказался назвать себя и давать какія-либо объясненія.

Впослѣдствіи онъ заявилъ только, что ему выпалъ жребій убить Слѣпцова и что онъ принадлежитъ къ соціалъ-демократической партіи. Еще дней 10 назадъ покойный П. А. Слѣпцовъ былъ предупрежденъ о готовящемся на него покушеніи...

За что же былъ П. А. Слѣпцовъ приговоренъ къ смерти соціалъ-демократической партіей? Какъ видимъ, онъ вовсе не принадлежалъ къ тому ненавистному соціаламъ типу людей, которыхъ принято называть „черносотенными“?— Во времена Плеве онъ впалъ даже въ немилость и былъ устраненъ отъ должности губернатора... За что же онъ былъ убитъ, не случайной пулей случайнаго ненавистника и завистника, а такъ сказать офиціальнымъ палачемъ партіи, добивающейся отмѣны смертной казни для своихъ членовъ и безжалостно казнящей ненавистныхъ ей лицъ?..

Если мы внимательнѣе вглядимся въ жизнь П. А. Слѣпцова, если мы вслушаемся въ воспоминанія о немъ близкихъ ему лицъ—мы несомнѣнно уловимъ въ этой фигурѣ тѣ черты, которыя роднятъ его съ другими жертвами долга, мученическими призраками, скользящими по кровавымъ страницамъ Книгъ Русской Скорби... Эти то черты и заставили враговъ, стремящихся уничтожить въ ненавистныхъ имъ рядахъ все честное, доброе, выдающееся, неподкупное—возненавидѣть его до произнесенія и исполненія смертнаго приговора...

Возьмите любую біографію представителей „Черной сотни", которыхъ такъ безжалостно истребляла и истребляетъ „Красная сотня" и вы, отъ простого стражника и городового, до высшихъ представителей администраціи, до самаго Вѣнценоснаго Мученика увидите и уловите все тѣ-же основныя черты характера—глубокую, врожденную, такъ сказать, религіозность, вѣру, ничѣмъ непоколебимую въ Промыслъ Божій, доблестную отвагу, мужество, заставляющее не прятаться, а идти навстрѣчу опасности; стойкое и неуклонное исполненіе служебнаго и патріотическаго долга и, наконецъ, кроткую незлобивую душу, заставляющую всѣхъ близкихъ съ особою болью оплакивать ихъ утрату и возмущаться низостью, погубившаго ихъ, преступленія.

Вотъ картинка изъ лицейской жизни П. А. Слѣпцова, какъ она сохранилась въ памяти одного изъ близкихъ его товарищей:

„Раннее зимнее утро. Въ дортуарѣ полусумракъ. На постеляхъ лежатъ фигуры, укутанныя въ сѣрыя байковыя одѣяла. Кое гдѣ что-то бѣлѣетъ—это пустыя постели, съ которыхъ одѣяла сняты и перенесены на другія. Раздается дружное пыхтѣніе и сопѣніе. Въ корридорѣ трескъ—топятся печи. Истопники, обутые въ валенки, безшумно движутся по корридору. Дядька дремлетъ, примостившись на ларѣ. Холодно. Хочется спать. Дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Подымешь голову, увидишь, что никто еще изъ раннихъ вставальщиковъ не всталъ и юркнешь подъ одѣяло. Наконецъ съ лѣст-

ницы слышится бой часовъ. Надо вставать и будить товарищей, но Слѣпцова будить еще рано. За часъ, а иногда, за полчаса до звонка къ общему вставанью, положенному въ 7 часовъ, подымается съ постели Слѣпцовъ. Раннее вставаніе дѣйствуетъ и на него, онъ угрюмъ, неразговорчивъ. Одѣвшись, онъ неторопливо проходитъ черезъ классъ, рекреаціонную залу и скрывается за дверью, ведущею на лѣстницу. Съ нашей площадки былъ входъ въ церковь. Въ церкви почти темно. Изъ алтаря слышатся какіе-то звуки— церковный сторожъ занетъ уборкой... При слабомъ свѣтѣ начинающагося дня еле видны лики Спасителя и Божьей Матери. Дверь щелкаетъ и входитъ Слѣпцовъ. Онъ становится у стѣнки и погружается въ молитву. Проходитъ нѣсколько минутъ полнѣйшей тишины. Молитва окончена. Слѣпцовъ крестится, кладетъ поклонъ и тихо выходитъ изъ церкви...

И эта религіозность навсегда остается отличительной чертой этого характера съ самаго дѣтства сложившагося во всѣхъ своихъ способностяхъ... Какъ мальчикомъ подросткомъ, вмѣсто столь частаго въ эти переходные годы невѣрія и глумленія надъ церковными обрядами—онъ трогательно просто и смиренно вѣритъ, какъ вѣритъ смиренный простой русскій народъ, такъ и превратившись въ аристократическаго чиновника, красавца собой, баловня и льва свѣтскихъ салоновъ, онъ не забываетъ послать деньги для опусканія въ кружку особо чтимаго, имъ святого, онъ готовъ отправиться въ паломничество, чтобы повидать какого нибудь старца-отшельника онъ никогда, ни въ дорогѣ, ни въ гостиницахъ, ни на временныхъ случайныхъ бивуакахъ не разстается съ небольшимъ овальнымъ образомъ Спасителя въ золоченой ризѣ. Онъ не можетъ заснуть, если этой иконки нѣтъ у него въ изголовьѣ.. Ни одного дѣла онъ не начинаетъ безъ молитвы и для себя и для всѣхъ, кто близокъ ему, основой жизни считаетъ упованіе на милосердіе Божіе и Его Святую помощь, чтобы „стойко“, по его выраженію, переносить жизненныя невзгоды и испытанія.

Второй любимой эмблемой П. А. Слѣпцова, съ которой онъ никогда не разставался, была картина, такъ-же неизмѣнно сопровождавшая его при всѣхъ перемѣщеніяхъ, какъ и образокъ Спасителя. Вотъ какъ описываетъ эту картину его товарищъ, слова котораго мы приводили выше:

„Кто бывалъ у Павла Александровича Слѣпцова, не могъ не обратить вниманія на картину, которой отводилось всегда самое видное мѣсто въ его кабинетѣ. На большомъ холстѣ изображена поляна среди лѣса; идетъ перестрѣлка русскихъ пѣхотинцевъ съ горцами. Генералъ, на бѣломъ конѣ, окруженный казачьимъ эскортомъ, осаживаетъ коня и хватается рукою за грудь. Генералъ этотъ Николай Павловичъ Слѣпцовъ—родной дядя Павла Александровича—смертельно раненый въ сраженьи съ чеченцами на р. Гехи 10 Декабря 1851 г. Лицо, бывшее при его кончинѣ пишетъ: „послѣднія его слова были: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“. Онъ былъ глубоко религіозенъ и умиралъ съ твердой вѣрою въ будущую жизнь; ни одного стона и крика не вырвалось изъ его устъ!...

Съ изображеніемъ этого-то героя не разставался никогда, съ юныхъ лѣтъ П. А. Слѣпцовъ и немудрено что оно воспитало въ немъ ту отвагу, которая дала ему возможность, какъ выразился, отпѣвавшій смертные его останки, священникъ—„оказаться вполнѣ достойнымъ потомкомъ своего достойнѣйшаго и славнѣйшаго предка“... И ты грудью стоялъ за честь родины и сражался, если и не въ рядахъ арміи и не подъ воинскомъ знаменемъ, и не въ качествѣ солдата, то, какъ проводникъ въ жизнь и исполнитель, съ одной стороны, велѣній высшаго правительства, а съ другой—желанія народнаго, въ столь страшное и тяжелое время.

Эти слова вполнѣ заслуженно прозвучали надъ истерзаннымъ въ клочья трупомъ племянника Кавказскаго героя...

Одною изъ симпатичныхъ и трогательныхъ чертъ П. А. Слѣпцова, тоже съ дѣтства проходящею черезъ всю его жизнь наряду съ любовью къ Богу и къ своему долгу—была любовь къ природѣ—этому прекрасному творенію рукъ Божіихъ.

Но, будучи губернаторомъ, его любимымъ удовольствіемъ были прогулки за городъ въ рѣдкіе часы досуга. Съ кѣмъ нибудь изъ товарищей уйти пѣшкомъ далеко за городъ,

забраться куда нибудь въ лѣсъ, гдѣ можно на свободѣ, забывъ свое высокое положеніе, отрѣшившись отъ всѣхъ условностей служебнаго этикета—самому собирать ягоды и цвѣты и наслаждаться просторомъ, простотой и сложностью неискалѣченныхъ городомъ и цивилизаціей природныхъ силъ—было для Слѣпцова любимой и желанной минутой отдыха и развлеченья. Такъ любятъ природу только тѣ, кто сохранилъ въ жизненной сутолкѣ чистую, свѣжую и нѣжную душу.

Эта чистая, свѣжая и нѣжная душа проглядывала у Павла Александровича и въ его любви къ дѣтямъ. Гдѣ-бы онъ не появлялся дѣти окружали его и могли теребить вволю, забывая о его высокомъ санѣ. Не имѣя собственной семьи онъ былъ трогательно привязанъ къ друзьямъ, своимъ старымъ товарищамъ по лицею особенно и къ своимъ племянникамъ и племянницамъ, къ которымъ былъ полонъ сердечнаго попеченія, ласки и баловства.

Вотъ тѣ общія, по нашему взгляду, черты „черныхъ“ людей, въ страшное время лихолѣтія обагрившихъ родную землю потоками своей крови... Кровь П. А. Слѣпцова горячей струей влилась въ этотъ общій потокъ... А душа... на бѣлоснѣжныхъ крыльяхъ воспарила вмѣстѣ съ другими „черными“ душами къ подножью престола того Божественнаго Страдальца, чей ликъ на небольшой овальной иконкѣ, въ сіяніи золоченой ризы сопутствовалъ ему во всѣхъ путяхъ земныхъ...

Отецъ Андрей Петровичъ Борецкій.

Священникъ села Григоровки, Кіевской губ. и уѣзда, смертельно раненъ въ ночь съ 13-го на 14-ое Августа 1908 г.

От. Андрей Борецкій родился 30-го ноября 1865 г. въ м. Таганчѣ, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи, въ бѣдной семьѣ сельскаго діакона. Лишенія и нужды бѣдности были знакомы ему съ дѣтства до зрѣлаго возраста, но это не ожесточило и не озлобило его, а лишь закалило въ твердости характера и сочувствіи нуждамъ простого бѣднаго крестьянства, которое онъ любилъ всѣмъ сердцемъ отъ лѣтъ младенчества до страдальческой смерти.

Окончивъ курсъ Кіевской духовной семинаріи въ 1891 году онъ занялъ должность церковно-приходскаго учителя въ с. Пилявѣ, Каневскаго уѣзда, откуда въ 1893-мъ году перешелъ на ту же должность въ с. Григоровку. Молодой дѣятель смот-

рѣлъ на учительство не какъ на переходную ступень „отбыванія срока“ для полученія священства, а какъ на святое дѣло служенія народу и немедленно выдѣлился изъ среды ревностью и плодотворностью своей учительской службы.

29-го іюня 1894 г. онъ былъ рукуположенъ во священника къ церкви того же села Григоровки, въ которомъ и оставался до конца жизни, исполняя одновременно обязанности законоучителя въ мѣстныхъ школахъ—церковно-приходской и заводской.

Нѣтъ служенія болѣе высокаго и благотворнаго для народа, чѣмъ служеніе священства, если только священникъ есть „истинный пастырь овцамъ,“ какимъ былъ о. Андрей, а не „наемникъ,“ какихъ, къ сожалѣнію, немало обнаружилось въ наше время.

Истинный же пастырь-тотъ, который „не оставляетъ овецъ при видѣ волковъ грядущихъ,“ но, если это неизбѣжно, гибнетъ самъ, спасая овецъ.

Наступили дни смуты, подготовленной жидовскимъ заговоромъ на гибель русскаго народа.

Въ приходѣ с. Григоровки существуетъ сахарный заводъ, принадлежащій жиду Зайцеву и, конечно, переполненный жидовской администраціей. Рабочіе набираются изъ крестьянъ с. Григоровки и сосѣднихъ с. Русачевки и м. Обухова. Заводская администрація неблагосклонно относилась къ о. Андрею: во 1-хъ потому, что онъ всегда являлся горячимъ защитникомъ рабочихъ противъ жидовской эксплоатаціи, и во 2-хъ потому, что рабочіе изъ крестьянъ его прихода, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ о. Андрея, не поддавались обманной бунтовской агитаціи. Заводская администрація не желала даже принять его законоучителемъ въ свою школу, предпочитая „наемниковъ,“ и только благодаря вмѣшательству епархіальнаго начальства о. Андрею предоставлено было мѣсто законоучителя въ заводской школѣ.

О. Андрей вступилъ въ смѣлую и открытую борьбу съ крамолой, призывая народъ церковной проповѣдью и пасторскими наставленіями къ законности и порядку и безпощадно раскрывая злостныя жидовскія обманы. Для умнаго и ревностнаго пастыря нетрудно объяснить даже самому темному ра-

бочему народу, что забастовки и разгромы заводовъ, фабрикъ, усадебъ и т. под. самимъ хозяевамъ часто даже выгодны, для рабочаго же народа всегда вредны и губительны. Укажемъ одинъ примѣръ: рабочіе г. Баку сожгли на сотни милліоновъ нефти (по тайной агитаціи самихъ владѣльцевъ-жидовъ). Тотчасъ на нефть удвоилась цѣна, и съ русскаго же мужика и рабочаго взяты тѣ милліоны, которые сожгли одураченные рабочіе, да казна еще заплатила владѣльцамъ 20 милліоновъ, да тысячи рабочихъ остались безъ заработка!... а жиды владѣльцы лишь даромъ и полностію, въ свой жидовскій карманъ, получаютъ теперь тѣ деньги, изъ которыхъ раньше три четверти платили русскимъ рабочимъ.

Хотя и справедлива пословица „одинъ въ полѣ не воинъ“, но ревность о. Андрея оказывала сильное вліяніе въ противодѣйствіе жидовской крамолѣ:—рабочіе его прихода сохраняли съ нимъ добрыя отношенія и въ большинствѣ сторонились отъ безчинствъ и разбоя, тогда какъ рабочіе-гусачевцы и обуховцы, предоставленные „наемниками“ въ добычу волкамъ, устраивали цѣлый рядъ забастовокъ и въ заводѣ и въ экономіяхъ, и совершили убійство заводскаго механика. Какъ почти вездѣ и всюду, со стороны власти, грозной въ мирное время и надъ мирными людьми, агитаторы оставались необнаруженными, зачинщики забастовокъ безнаказанными, убійцы неразысканными. Но и дѣло крамолы развивалось слабо, благодаря самоотверженности о. Андрея, который послѣ злодѣйскаго убійства механика еще усилилъ пастырское рвеніе и бдительность. Крамола злодѣйствовала. Ея тайные комитеты приговорили о. Андрея къ смерти, и нашли презрѣннаго урода, который взялся за исполненіе гнуснаго умысла.

Преступленіе совершено въ часъ ночи съ 13-го на 14-го Августа 1908 г.

15-го Августа предстоялъ въ с. Григоровкѣ храмовой праздникъ Успѣнія Пресвятой Богородицы. Въ виду замѣченнаго имъ нѣкотораго волненія среди заводскихъ рабочихъ, о. Андрей готовился еще наканунѣ праздника произнести одну изъ своихъ горячихъ проповѣдей съ призывомъ къ прихожанамъ сохранить миръ и порядокъ, и долго не спалъ.

Злоумышленникъ слѣдилъ за нимъ черезъ окно. Около часу ночи о. Андрей отправился въ спальню и легъ на кровать, еще не погашая лампы. Въ это время злоумышленникъ, черезъ вынутую изъ рамы шибку, проникъ въ сосѣднюю комнату и отворилъ дверь въ спальню. О. Андрей вскочилъ съ кровати и бросился ему на встрѣчу. Негодяй повернулъ обратно за дверь и оттуда произвелъ выстрѣлъ. О. Андрей сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ по направленію къ злодѣю, но упалъ: пуля пробила ему руку и засѣла въ желудкѣ.

Злоумышленникъ скрылся тѣмъ же путемъ и остался неразысканнымъ, если только были розыски.

Въ одной съ о. Андреемъ комнатѣ спалъ его старшій сынъ, въ сосѣдней жена о. Андрея, Анна Николаевна, съ другими дѣтьми; дальше старушка-мать о. Андрея, въ кухнѣ слуги. Никто не слышалъ выстрѣла, кромѣ жены, которая выбѣжала изъ комнаты на дворъ, думая, что случился пожаръ, потомъ услышала крикъ о. Андрея, и вбѣжавши въ комнату, увидѣла его лежащимъ на полу въ лужѣ крови.

Первую помощь раненому подалъ заводскій фельдшеръ, потомъ врачи мѣстечекъ Обухова и Германовки.

До 22-го августа раненый находился дома, затѣмъ, по совѣту докторовъ, былъ отвезенъ въ Кіевскую Александровскую больницу, гдѣ дважды ему сдѣлали операцію, но пуля извлечена не была. 15-го Сентября о. Андрей возвратился домой и сталъ часто жаловаться на боль въ животѣ. 26 го Сентября слегъ въ постель и 13-го Октятря скончался, отъ заражения крови.

Такъ окончилъ жизнь свою добрый пастырь, исполнившій завѣтъ Христа--положить жизнь свою за ближнихъ своихъ, оплаканный и доселѣ оплакиваемый всѣми своими прихожанами, отъ мала до велика, которые говорятъ, вспоминая о. Андрея: „уже не будетъ у насъ такого батюшки“:

Великій примѣръ оставилъ о. Андрей пастырямъ и вождямъ народа, примѣръ отрадный для вѣрныхъ служителей Престолу Божію и Престолу Цареву, и примѣръ грозный для „наемниковъ“ и слугъ невѣрныхъ, которые скажутъ Христу въ день Страшнаго Суда: и мы „устами своими“

чтили Тебя, и Помазанника Твоего и мы пасли овецъ Твоихъ, пока не нападали на нихъ волки..Но Христосъ скажетъ имъ: не знаю васъ! идите отъ Меня...

За усердные труды по церковной школѣ о. Андрей, согласно постановленіямъ Кіевскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, почти ежегодно получалъ денежныя награды. Въ 1901-мъ году награжденъ былъ набедренникомъ въ 1906 скуфьей. Имѣлъ серебрянную медаль въ память Императора Александра III-го и темнобронзувую за труды по первой всеобщей переписи 1897-го года.

По смерти его остались почти безъ всякихъ средствъ: старушка-мать, жена и четверо дѣтей: старшій сынъ 13 лѣтъ, второй 10, третій 8 и дочка 3-хъ лѣтъ. Два старшихъ сына учатся въ духовн. училищѣ на казенномъ содержаніи. Начальствомъ сдѣлано пока только то, что дядя о. Андрея назначенъ священникомъ въ с. Григоровку и поддерживаетъ осиротѣвшую семью. Но ему уже 75 лѣтъ, здоровье его не прочно, долго служить онъ не можетъ, и дальнѣйшее существованіе семьи находится въ рукахъ Божіихъ.

Но пока жива святая и великая Русь, Богъ и Помазанникъ Его не оставятъ безъ помощи осиротѣвшихъ дѣтей своихъ вѣрныхъ слугъ.

Миръ и вѣчная память праху священноіерея Андрея.

Николай Антоновичъ Грибоѣдовъ.

Жандарм. подполковникъ, убитъ въ Гродно 28 Августа 1906 г.

Николай Антоновичъ Грибоѣдовъ родился 13 октября 1866 г. въ дворянской семьѣ родомъ отъ дѣда, великаго творца „Горе отъ ума". По прямой линіи происходилъ отъ роднаго дяди писателя. Образованіе онъ получилъ въ Павловскомъ военномъ училищѣ, въ которое былъ переведенъ изъ Николаевскаго Кавалерійскаго, т. к. по состоянію его здоровья не могъ нести службы въ кавалеріи. Въ 1889 г. Н. А. былъ произведенъ въ офицеры въ 102 Вятскій пѣхотный полкъ, и нынѣ стоящій въ г. Гроднѣ. Въ 1897 г Н. А. перевелся въ отдѣльный корпусъ жандармовъ и въ іюнѣ того года былъ назначенъ адъютантомъ Витебскаго губернскаго управленія. Въ 1900 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника Гродненскаго губернскаго жандармскаго управленія—сперва по г. Гроднѣ и уѣздамъ Гроднен-

скому, Волковыскому и Слонимскому, а съ 1903 г. по гор. Бѣлостоку и Бѣлостокскому и Сокольскому уѣздамъ, а въ 1906 г. переведенъ на ту же должность въ Царицынъ Саратовской губерніи.

Уже переводъ Н. А. въ Бѣлостокъ доказывалъ, что служебныя качества его обратили на него справедливое вниманіе начальства. Въ отношеніи наблюдательной службы Бѣлостокъ, съ прилегающими къ нему мѣстностями, съ 1902 г. приковывалъ къ себѣ особое вниманіе администраціи проявленіями тамъ анархическаго движенія, дѣятельности бунда и производимыми тамъ террористическими актами разныхъ революціонныхъ организацій.

Несмотря на то, что Н. А., воспитывался въ общевоенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не получилъ юридическаго образованія, всѣ его слѣдственныя дѣйствія, входившія тогда въ кругъ непосредственныхъ обязанностей офицеровъ наблюдательнаго состава корпуса жандармовъ, были ведены въ строгой правильности, сначала удивлявшей прокуратуру Гродненскаго Окружнаго Суда, пока лица ея состава не привыкли къ строгой закономѣрности дознаній этого офицера. Естественно, что законченность этихъ дознаній иногда нѣсколько затягивалась. Но это внѣшнее подобіе медленности съ избыткомъ восполнялось быстротой исполнительныхъ дѣйствій, когда матеріалъ наблюденій указывалъ на своевременность энергичныхъ мѣръ.

Съ 8 ч. утра и до глубокой ночи, Н. А. былъ въ работѣ съ полутора часовымъ перерывомъ среди дня для обѣда и отдыха. Никакіе угрожающіе его жизни выходки со стороны революціонно-настроенной части населенія Бѣлостока не ослабляли ревностнаго его отношенія къ долгу службы Царю и Отечеству. Тщетны были всѣ мольбы домашнихъ его, всѣ уговоры чиновъ полиціи, сослуживцевъ и начальства объ осторожности. Безстрашно и упорно дѣлалъ Н. А. свое дѣло. Въ 1905 г. Н. А. настоятельно доказывалъ необходимость введенія въ г. Бѣлостокѣ и его уѣздѣ военнаго положенія и, лишь только оно 7 Сентября было введено, какъ въ ночь съ 22 на 23 того-же мѣсяца Н. А. арестуетъ крупнаго дѣятеля анархической партіи Энгельсона-Давидсона; арестуетъ его за работой, въ

прекрасно оборудованной тайной типографіи, съ готовыми къ выпуску прокламаціями, съ готовой ударной бомбой,—арестуетъ его съ одной изъ двухъ его сообщницъ. А на слѣдующее утро арестуетъ и другую, съумѣвъ не дать огласиться ночному аресту ея сообщниковъ.

Приходилось слышать отъ еврейскихъ представителей даже присяжной гродненской адвокатуры, что Н. А. былъ „жестокъ“ на допросахъ. Но въ дѣйствительности то, что евреи называли жестокостью, не смѣя яснѣе клеветать, и ограничиваясь какими-то полу-намеками—было спокойною выдержкою и прозорливостью опытнаго слѣдователя, однимъ этимъ приводящаго въ ярость допрашиваемаго, такъ какъ этотъ не могъ не видѣть, не понять, что ему не сбить допросчика, не ввести его въ заблужденіе. Дорого обходилась самому Н. А. эта выдержанность и напряженность работы.

Высочайшимъ приказомъ отъ 6 декабря 1905 г. Н. А. за отличіе былъ, внѣ очереди, произведенъ въ подполковники отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ.

Къ февралю мѣсяцу 1906 г. нервы Н. А. были такъ натянуты, что онъ сталъ жаловаться временами на невозможность работать „какъ привыкъ,“ и досадовалъ на такую, по его убѣжденіямъ, несвоевременную необходимость для него хотя-бы кратковременнаго отдыха, о которомъ тѣмъ не менѣе не рѣшался просить, ввиду тревожнаго общаго настроенія въ то время. Ниже описываемое покушеніе на его жизнь естественно ухудшило состояніе его здоровья и, уступая настояніямъ жены, Н. А. въ мартѣ поѣхалъ въ Петербургъ, въ штабъ корпуса жандармовъ, для выясненія вопроса объ отдыхѣ. Такъ какъ въ Петербургѣ имѣлись свѣдѣнія о покушеніи, доказывавшемъ существованіе личной опасности для подполковника Грибоѣдова, оставаться ему въ Бѣлостокѣ, при такомъ сильномъ противъ него возбужденіи мѣстнаго революціонированнаго еврейскаго населенія, было нельзя, Н. А. былъ предложенъ переводъ, который и состоялся вскорѣ. Но замѣстителемъ Н. А. былъ назначенъ ротмистръ Балабановъ изъ Читы. Только въ августѣ мѣсяцѣ прибылъ замѣститель Н. А. въ Бѣлостокъ. Незадолго передъ отъѣздомъ подполковника Грибоѣдова въ Петербургъ, въ томъ-же мартѣ на жизнь Н. А. было произведено покушеніе.

Въ одномъ помѣщеніи съ семейной квартирой Н. А. находилась его канцелярія, состоявшая изъ двухъ комнатъ. Первая,—гдѣ письмоводствомъ занимались унтеръ-офицеры, примыкала къ парадньмъ сѣнямъ квартиры, въ которой сейчасъ-же за небольшой передней находился личный кабинетъ Н. А. Вторая комната, гдѣ занимался самъ Н. А. и прикомандировывавшіеся къ нему въ помощь офицеры корпуса жандармовъ, примыкала къ семейной столовой.

Вечеромъ 18 марта въ первую комнату - канцелярію была брошена ударная бомба. Взрывомъ ея разрушена въ комнатѣ печь, находившаяся противъ окна и двери въ сѣни. Около печи разломанъ полъ. Стоявшій у окна противъ печи унтеръ-офицеръ Рыбинскій, разбирая почту на томъ мѣстѣ, гдѣ ее всегда принималъ Н. А., былъ раненъ въ спину и черезъ нѣсколько часовъ скончался. Находившійся въ той-же комнатѣ вахмистръ былъ контуженъ, вслѣдствіе чего лишился слуха и былъ вынужденъ оставить службу. Стекла оконъ въ обѣихъ комнатахъ были выбиты. Дверь изъ сѣней въ канцелярію была опалена и изломана. Во второй комнатѣ, гдѣ въ тотъ моментъ къ счастію никого не было, обрушилась штукатурка потолка и упали всѣ шкафы, раскрывшись и разсыпавши хранившіяся въ нихъ бумаги. Н. А. въ это время производилъ допросъ въ городскомъ полицейскомъ управленіи, при которомъ большое арестантское отдѣленіе. Въ парадныхъ сѣняхъ, ближе къ дверямъ квартиры, была обнаружена тутъ-же вторая бомба — фитильная, съ погасшимъ фитилемъ, которая, когда была разряжена командированнымъ для того пиротехникомъ, оказалась большой силы и была, очевидно, предназначена для разрушенія кабинета Н. А., чтобы убить его, гдѣ бы онъ ни находился, въ канцеляріи-ли, или въ частномъ кабинетѣ.

Участники этого покушенія не были разысканы. По представленію временнаго генералъ-губернатора командира 16 пѣхотной дивизіи ген.-лейт. Богаевскаго военное положеніе 1 марта 1906 г. въ г. Бѣлостокѣ и его уѣздѣ было снято. *)

Пробывъ въ Бѣлостокѣ всю сумятицу, сопровождавшую

*) Чтобы послѣ погрома 3 іюня быть вновь введеннымъ.

снятіе военнаго положенія, начавшуюся покушеніемъ 18 марта и разрѣшившуюся убійствомъ полиціймейстера П. П. Деркачева и послѣдовавшимъ послѣ его погребенія погромомъ, Н. А. Грибоѣдовъ могъ воспользоваться переводомъ въ Царицынъ и выбылъ изъ Бѣлостока только 26 августа, сдавъ должность своему замѣстителю.

Эти мѣсяцы, проведенныя Н. А. въ Бѣлостокѣ, когда уже переводъ его состоялся, ярко дорисовываютъ выдающуюся энергію этого человѣка, продолжавшаго среди самыхъ неблагопріятныхъ условій такъ-же безстрашно дѣлать свое дѣло. Для видѣвшихъ его тогда невозможна мысль, чтобъ его согласіе на переводъ изъ Бѣлостока диктовался страхомъ за себя. Въ отношеніи Н. А. къ его дѣлу въ Бѣлостокѣ, переводъ его въ Царицынъ не внесъ никакой перемѣны и во время погромныхъ дней онъ такъ-же безстрашно ходилъ по городу, принимая участіе въ усмиреніи гнѣвной толпы и этимъ самымъ защищая своихъ враговъ—евреевъ.

Остановившись въ Гроднѣ, чтобъ проститься съ начальствомъ, сослуживцами и знакомыми, Н. А. 28 августа въ четвертомъ часу пополудни былъ убитъ на многолюдной площади-скверѣ между каѳедральнымъ соборомъ, фарнымъ костеломъ и торговыми рядами.

Неизвѣстнымъ злоумышленникомъ выстрѣлъ изъ браунинга былъ произведенъ сзади въ шею—вѣроятно въ упоръ, т. к. прострѣленный воротникъ кителя, былъ сильно опаленъ, а воротникъ пальто—нѣтъ. Пуля вылетѣла въ щеку пониже праваго глаза*). Обливаясь кровью упалъ убитый, лицомъ на мостовую, причемъ на лицѣ оказались ссадины отъ паденія на мостовую.

Вечеромъ того-же дня, въ усыпальницѣ мѣстнаго военнаго лазарета, у гроба убіеннаго, на панихиду собрались всѣ мѣстныя гражданскія власти съ вице-губернаторомъ во главѣ, такъ какъ ген.-м. Зейнъ находился по дѣламъ службы въ С-Петербургѣ. Присутствовали и военныя власти съ корпуснымъ командиромъ во главѣ, депутація отъ 102 Вятскаго пѣхотнаго полка, гдѣ убіенный начиналъ военную службу

*) Что видно на снимкѣ, помѣщенномъ въ концѣ некролога.

и всѣ находившіеся въ Гроднѣ сослуживцы Н. А. съ начальникомъ губ. жандармскаго управленія ген.-м. Пацевичемъ, при которомъ Н. А. начиналъ въ Витебскѣ свою службу по корпусу жандармовъ.

На слѣдующій день изъ той-же усыпальницы, гробъ былъ вынесенъ командиромъ 2-го армейскаго корпуса ген.-лейт. Поволоцкимъ вице-губернаторомъ д. с. с. Столяровымъ, ген-м. Поцевичемъ, и сослуживцами убіеннаго. По постановкѣ

Грибоѣдовъ въ гробу.

гроба на траурную колесницу, процессія двинулась къ кафедральному собору, гдѣ на слѣдующій день происходило отпѣваніе, къ которому прибыла депутація отъ Бѣлостокскаго полицейскаго управленія.

На гробъ убіеннаго было возложено много вѣнковъ и въ томъ числѣ отъ гродненскаго губернатора, возложенный по распоряженію ген.-м. Зейна, переданному по телеграфу. Вдовой покойнаго Н. Ѳ. Грибоѣдовой была получена телеграмма соболѣзнованія отъ предс. Сов. Мин. П. А. Столыпина,

помнившаго покойнаго со времени управленія имъ Гродненскою губерніею *).

Убіенный за беззавѣтную и безстрашную службу Царю и Отечеству Николай Антоновичъ Грибоѣдовъ похороненъ на Гродненскомъ кладбищѣ, гдѣ на заупокойной службѣ въ 9-й день кончины снова собрались гражданскіе и военные чины съ ген.-м. Зейномъ во главѣ и депутація 102 Вятскаго пѣхотнаго полка.

Дорогая память примѣрнаго слуги Царя и Родины, погибшаго за примѣрность своего служенія, возбудившую къ нему ненависть враговъ Отечества, казалось, была достойно почтена. Но, съ перемѣной руководящаго персонала мѣстныхъ должностныхъ лицъ, память эта оказалась неогражденной отъ пошлой выходки восьмнадцатилѣтняго мальчишки, кѣмъ-то подбитаго на кощунственную шалость **) И эта выходка осталась безнаказанною, какъ будто неуваженіе къ памяти вѣрныхъ долгу чиновъ полиціи, является нормальнымъ, какъ будто страшно вступиться за память такихъ жертвъ революціи, какъ Н. А. Грибоѣдовъ. Или его примѣръ служитъ тяжкимъ укоромъ тѣмъ октябристски увертливымъ людямъ, для которыхъ весь смыслъ службы Царю и Родинѣ сводится къ 20-му числу?

Страшно допустить такую чудовищную мысль о тѣхъ, кто призванъ служить на окраинахъ!

*) „Глубоко огорченъ и возмущенъ смертью вашего мужа, о которомъ сохранилъ память, какъ о доблестномъ офицерѣ. Столыпинъ".

**) См, „Прямой Путь" № отъ 17 октября 1909 г.

Иванъ Антоновичъ Прохоровъ

Подпоручикъ Пулеметной роты 1-й Стрѣлковой Бригады, убитый во Владивостокѣ.

Веселое, жизнерадостное солнышко устало за день и закрыло свои золотыя очи... На смѣну ему пришла тихая, грустная ночь... Она усѣяла темное бархатное небо милліонами серебрянныхъ звѣздъ... Море чуть дышало едва слышными всплесками волнъ... Далекіе контуры горъ рѣзко выдѣлялись на блѣдно-желтомъ фонѣ неба... За ними всходила блѣдная печальная красавица луна... Тишина, какъ мягкимъ покрываломъ, нѣжно окутала сонный городъ...

Въ большой просторной комнатѣ Владивостокскаго госпиталя чуть свѣтло... Одинокая лампочка освѣщаетъ слабымъ огнемъ рядъ бѣлыхъ кроватей, на которыхъ или спятъ, или безпокойно мечутся больные—безпомощные и жалкіе...

На одной изъ кроватей, въ безсознательной агоніи, тщетно борется со смертью несчастный страдалецъ... Его молодое,

симпатичное лицо блѣдно... Большіе глаза горятъ яркимъ лихорадочнымъ блескомъ... Они видятъ близкую холодную смерть... Его руки словно отталкиваютъ ея безпощадныя объятія... Его запекшіяся горячія губы шепчутъ безсвязныя слова... Онъ зоветъ въ бреду отца... мать. Онъ проситъ у кого-то пощады, онъ зоветъ къ себѣ на помощь жизнь и молодость... Онъ такъ не хочетъ умирать!.. Временами онъ затихаетъ, дыханіе чуть слышно... Казалось, смерть побѣдила... Но минуту спустя, онъ снова мечется по кровати, снова зоветъ кого-то, о чемъ-то проситъ...

— „Пить... Пить...“—чуть слышно жалобно шепчетъ больной... Но напрасна его просьба: ни одна душа не отзывается на его мольбу... И только черная ночь слышитъ его тихіе стоны и своимъ дуновеніемъ, какъ крыломъ, обвѣваетъ его измученное тѣло... Онъ умиралъ, умиралъ одинокій, заброшенный на чужбину, далекій отъ родныхъ и семьи, всѣми покинутый и забытый...

Розовое прозрачное утро проснулось и оживило сонный городъ. Молодой солнечный лучъ скользнулъ въ госпитальную камеру и на мгновеніе освѣтилъ измученное предсмертной агоніей лицо больного... Но этотъ первый вѣстникъ тепла и свѣта не могъ уже дать жизнь бѣдному страдальцу... Онъ тихо лежалъ, усталый бороться со смертью, лежалъ такой юный, спокойный, словно разрѣшившій мучительную загадку жизни... Онъ точно спалъ, и только зловѣщая кровавая ранка на вискѣ ясно говорила, что это не сонъ, а непробудная холодная смерть...

Такъ въ лучахъ восходящаго солнца угасла молодая жизнь Ивана Антоновича Прохорова, мужественнаго защитника Царя и Родины, доблестно павшаго на своемъ посту отъ злодѣйской пули взбунтовавшихся измѣнниковъ Родинѣ.

Благодаря непростительной халатности и беззаботности госпитальной администраціи, пропитанной революціонными идеями и съ обиднымъ равнодушіемъ относившейся къ больнымъ патріотамъ и, въ то же время отдававшей свое вниманіе и сердечность героямъ „освобожденія“, смертельно раненый Иванъ Антоновичъ Прохоровъ, подпоручикъ пуле-

метной роты 1-й Стрѣлковой бригады, два дня боролся между жизнью и смертью безъ всякаго ухода со стороны госпитальныхъ врачей. Совершенно заброшенный, онъ скончался даже безъ пастырскаго напутствія, а тѣло его 6 дней буквально валялось въ истерзанномъ видѣ въ мертвецкой и только на 7-й день было погребено на военномъ кладбищѣ города Владивостока, на Эгершельдѣ.

Бѣдный юноша былъ похороненъ на томъ самомъ кладбищѣ, которое онъ такъ любилъ посѣщать, чтобы любоваться открывающимся оттуда дивнымъ видомъ моря и далекими, всегда покрытыми легкой фіолетовой дымкой, горами... Здѣсь часто сидѣлъ онъ, молодой, полный силъ и здоровья, счастливый уже однимъ только сознаніемъ радости своего бытія... Въ его большихъ, довѣрчивыхъ глазахъ свѣтилась здоровая мысль, добрая душа, горячая вѣра въ будущее, въ правду жизни...

— „Какъ хорошо жить на свѣтѣ!...“—бывало думалъ Прохоровъ, сидя на своемъ любимомъ мѣстечкѣ, и любовнымъ взглядомъ оглядывая безпредѣльное море, небо и горы... И вдругъ, неожиданная мучительная тоска сожметъ его сердце и веселые глаза заволакиваются дымкой грусти... Вспоминается далекая, милая родина, родной городъ Херсонъ, одинокіе родители...

Какъ любили и баловали они своего единственнаго сына Ваню!.. Тяжело было имъ разставаться съ нимъ, когда уѣзжалъ онъ на Дальній Востокъ въ дѣйствующую армію... Какъ обнимали старики своего дорогого любимца, какъ плакали, словно чувствуя, что не увидятъ они его больше на этомъ свѣтѣ, что оставляетъ онъ ихъ сиротами горемычными!.. А какъ гордились бѣдные родители—крестьяне своимъ сыномъ офицеромъ, свято вѣря, что ихъ кроткій, добрый Ваня сумѣетъ проявить себя на своемъ тяжеломъ и опасномъ военномъ поприщѣ мужественнымъ героемъ и достойнымъ сыномъ своей Родины!..

Иванъ Антоновичъ собственнымъ трудомъ, энергіей, твердымъ характеромъ пробилъ себѣ дорогу въ любимой имъ съ дѣтства военной сферѣ. Еще будучи 15-лѣтнимъ мальчуганомъ, щадя силы и здоровье небогатыхъ родителей, онъ

зарабатывалъ себѣ средства для жизни уроками, а самъ, въ тоже время, готовился къ экзаменамъ экстерномъ въ 7-й классъ гимназіи. Выдержавъ его, онъ, слѣдуя своему призванію, поступилъ въ Одесское юнкерское училище, которое окончилъ въ 1905 году и вышелъ въ 21-й пѣхотный Муромскій полкъ. Несмотря на свои молодые годы, уже отлично аттестованный начальствомъ, узнавшимъ въ немъ образцоваго офицера, молодой подпоручикъ Прохоровъ, сейчасъ-же по прибытіи въ полкъ, вступилъ въ командованіе 10-й ротой и былъ командированъ въ городъ Лодзь для усмиренія начавшихся тамъ безпорядковъ.

Этотъ большой, почти исключительно, фабричный городъ, какъ извѣстно, весьма старательно реагировалъ на развивающуюся въ Россіи революцію. Революціонныя идеи, распространяемыя наглыми агентами, крѣпко привились и разрослись въ рабочей средѣ фабричнаго Лодзинскаго населенія. Плодами этой успѣшной прививки зловредныхъ идей явились сначала безцеремонныя, незаконныя требованія соціальнаго и политическаго характера, потомъ бунты и безпорядки, сопровождаемые выстрѣлами и кровавыми жертвами революціоннаго фанатизма.

Молодой, только что надѣвшій такъ долго жданный офицерскій мундиръ, честный, смѣлый, воспитавшій въ себѣ глубокую и преданную любовь къ Монарху и Родинѣ, подпоручикъ Прохоровъ съ первыхъ шаговъ своей службы попалъ въ клоаку злобы, ненависти и лжи. Его доброе сердце, такъ жаждавшее жизни, правды и любви, такое смѣлое и чистое, сразу окунувшееся въ водоворотъ разыгравшихся подъ вліяніемъ революціи человѣческихъ страстей, ужаснулось и затрепетало отъ возникшаго въ немъ вопроса:

— „Гдѣ-же правда и слава на Руси? Куда и за кѣмъ итти, чтобы найти ее?“

Но затуманенные было возникшимъ сомнѣніемъ идеалы его сердца снова заблестѣли яркимъ свѣтомъ, и зашептали давно знакомыя, дорогія его сердцу слова:

— „Правда тамъ, гдѣ Царь! Слава тамъ, гдѣ Родина!“...

Эти простыя безхитростныя слова были его путеводной

звѣздочкой, которая руководила и скрашивала его недолгую жизнь...

Въ томъ-же 1905 году Прохоровъ, въ качествѣ младшаго офицера пулеметной роты 1-й Стрѣлковой бригады, былъ отправленъ на Дальній Востокъ въ дѣйствующую армію и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ откомандированъ въ городъ Владивостокъ.

Въ это время революція уже со страшной силой бушевала въ Россіи, захлестывая своими кровавыми, мутными волнами всѣ окраины огромной Россійской Имперіи. Закружились въ этомъ кровавомъ революціонномъ водоворотѣ и дальневосточныя окраины Россіи. Безумныя анархическія идеи увлекательно, но безсмысленно составленныя изъ высокихъ по своему значенію, многообѣщающихъ, громкихъ словъ, усиленно пропагандируемыя узкими эгоистами и близорукими себялюбцами, ненавистниками Россіи и Самодержавнаго Царя, растлѣвающимъ образомъ дѣйствовали на умъ и сердце тогдашняго общества во всѣхъ его слояхъ. Неудачи Россіи въ войнѣ съ Японіей, позорный Портсмутскій миръ еще болѣе способствовали распространенію революціонныхъ ядовитыхъ сѣмянъ, быстро и пышно распускавшихся въ самостоятельный анархическій организмъ. Такіе самостоятельные анархическіе организмы въ видѣ „республикъ“ появились во многихъ городахъ окраинной Россіи, какъ, напримѣръ, въ Читѣ, Одессѣ, Кутаисѣ и пр.

Водворялась подобная „республика“ очень просто: въ одинъ несчастный для Россіи день вся администрація города, военная и гражданская, кучкой нахаловъ объявлялась свергнутой и отрѣшенной отъ власти, а изъ жидовъ-агитаторовъ, или фанатиковъ-революціонеровъ выбирались начальствующія лица, которымъ населеніе злополучнаго города должно было повиноваться подъ страхомъ смерти. Безвольная, продажная и трусливая администрація безропотно подчинялась подобнымъ, позорящимъ честь всякаго достойнаго человѣка, требованіямъ, и сберегая собственную шкуру, а порою и изъ личныхъ низменныхъ разсчетовъ, уступала группѣ жидовъ свою власть и отдавала хулиганамъ—измѣнникамъ на разграбленіе ввѣренные ихъ попеченію городъ и его населеніе.

Подобная растерянность властей, ихъ податливость кучкѣ смѣлыхъ наглецовъ не могли, конечно, внушить уваженія къ государственной власти у подчиненныхъ и нижнихъ чиновъ, и еще болѣе развращающимъ образомъ дѣйствовали на нихъ. Въ результатѣ получалась полная распущенность, отсутствіе всякой дисциплины, полное игнорированіе старшихъ чиновъ, а иногда даже безпощадная звѣрская жестокость и мстительное отношеніе.

Въ новоиспеченной жидовской „республикѣ“ начинались безпорядки, бунты, революціонно-освободительныя манифестаціи, кончавшіяся, большей частью, пьяными драками ссорами и убійствами.

Нераспорядительность и перѣшительность нѣкоторыхъ представителей предержащей власти допускала возможность забастовокъ, разгромовъ и безпорядковъ, что и было во многихъ городахъ.

Не избѣжалъ этой заразы и Владивостокъ, гдѣ 30—31-го Октября 1905 г. разразился бунтъ и разгромъ города „освободителями“, въ число которыхъ вошли матросы, желѣзнодорожные служащіе, желѣзно-дорожный батальонъ и солдаты крѣпостной артиллеріи. Въ это время комендантомъ Владивостокской крѣпости былъ генералъ Казбекъ, который, по необъяснимымъ причинамъ, допускалъ и даже поощрялъ процвѣтавшіе въ это время митинги, какъ солдатскіе, такъ и гражданскіе, и сквозь пальцы смотрѣлъ на забастовки и манифестаціи, на которыхъ главными ораторами были военный врачъ полякъ Ланковскій и бывшій артиллерійскій писарь—жидъ Шперъ.

Господство „митингистовъ“ и главарей революціи, успѣвшихъ, тѣмъ не менѣе, разгромить городъ, продолжалось не особенно долго. Высшія власти въ краѣ какъ будто проснулись. Генералъ Казбекъ былъ смѣщенъ съ должности, на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Селивановъ, а митинговые ораторы и главари мѣстной революціонной смуты были арестованы.

Новый комендантъ вначалѣ выказалъ себя смѣлымъ и энергичнымъ. Онъ сразу показалъ свою твердую власть и круто повернулъ все дѣло, запретивъ разъ навсегда всѣ

митинги, манифестаціи и т. п. Революціонеры были страшно озлоблены и рѣшили избавиться отъ генерала Селиванова. Они стали требовать отъ коменданта, подъ угрозой смерти, освобожденія арестованныхъ Ланковскаго и Шпера и разрѣшенія митинговъ. На всѣ эти нахальныя требованія генералъ отвѣчалъ категорическимъ отказомъ. Это былъ вызовъ, и онъ былъ принятъ революціонерами, приславшими ему письмо, въ которомъ нагло требовали, чтобы онъ 6-го Января ушелъ со своего поста, или онъ будетъ убитъ.

Генералъ Селивановъ объ уходѣ и не думалъ, а только велѣлъ поставить у штаба крѣпости два пулемета. Подпольные владивостокскіе революціонеры тотчасъ-же поняли, что дѣло переходитъ на серьезную почву, и употребляли всѣ усилія къ дѣятельной подготовкѣ военнаго мятежа, который и разразился 10-го Января 1906 г.

Съ утра въ городѣ стояла жуткая тишина... Улицы были пусты, магазины закрыты... Все это предвѣщало недоброе... Въ 11-мъ часу утра матросы, двѣ роты Уссурійскаго желѣзно-дорожнаго батальона, стрѣлки 32-го В. С. полка и огромная толпа всякаго сброду, мущинъ и женщинъ, вооруженные винтовками, съ криками „ура“ и военной музыкой съ дерзкимъ, вызывающимъ видомъ продефилировали, съ красными тряпками на палкахъ, по главнымъ улицамъ города и собрались на митингъ въ циркъ Боровикса.

Какъ это ни странно, генералъ Селивановъ не придалъ всѣмъ этимъ обстоятельствамъ серьезнаго значенія. По прежнему у штаба крѣпости и кое гдѣ на нѣкоторыхъ улицахъ были поставлены пулеметы, не вполнѣ исправные и даже безъ надлежащей команды. У одного изъ нихъ, возможно, по собственному побужденію, находился молодой подпоручикъ Прохоровъ. Комендантъ, неправильно оцѣнивая событія и увлекаясь ошибочнымъ гуманнымъ желаніемъ избѣжать пролитія крови мятежниковъ, пропустилъ удобный моментъ примѣнить репрессивныя мѣры, когда владивостокскіе голодранцы, поддерживаемые своими развращенными соратниками изъ нижнихъ чиновъ гарнизона, обсуждали въ циркѣ Боровикса текущія дѣла по вопросу объ учрежденіи „Владивостокской республики“. Думая, что мятежники мирно разой-

дутся по домамъ, только надсадивъ свои глотки крикомъ, генералъ Селивановъ не позволялъ стрѣлять, хотя нѣкоторые изъ его свиты убѣдительно совѣтовали ему энергичнымъ ударомъ раздавить революціонную гидру. И только послѣ того, какъ опьяненная митинговыми криками, вся эта возбужденная, революціонная масса вылилась изъ цирка и устремилась, частью, къ штабу, а, частью, заняла Тигровую батарею и первая начала разстрѣливать горсточку вѣрныхъ чиновъ, бывшихъ при пулеметахъ, тогда только комендантъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ серьезнымъ революціоннымъ возмущеніемъ и разрѣшилъ открыть огонь изъ пулеметовъ. Тутъ была убита извѣстная во Владивостокѣ революціонерка жидовка Волькенштейнъ, тащившая красную тряпку въ центрѣ взбунтовавшейся толпы, когда послѣдняя дефилировала по главнымъ улицамъ города.

Перестрѣлка началась.....

Несмотря на то, что обрывки мыслей вихремъ проносились въ возбужденномъ мозгу Прохорова, а сердце, порою, невольно замирало, онъ методически, самостоятельно управлялъ пулеметомъ, не обращая вниманія на свистъ роемъ летающихъ пуль.....

Вдругъ, сильный ударъ въ високъ, и Прохоровъ, безъ единаго слова, свалился на землю у своего пулемета....

Смертельно раненаго его унесли въ госпиталь, гдѣ, не приходя въ сознаніе, юноша скончался, отдавъ свою молодую жизнь въ защиту имени Царя и дорогой Родины....

Вслѣдъ за Прохоровымъ тогда-же былъ убитъ шт.-капитанъ Никоновъ и ранены корнетъ Петричинскій и два нижнихъ чина.

На слѣдующій день 11-Января перестрѣлка возобновилась. По причинѣ все еще продолжавшейся нераспорядительности коменданта Селиванова, число мятежниковъ значительно превышало число защитниковъ города, и поэтому бунтовщикамъ удалось оттѣснить отъ гауптвахты стражу казаковъ и освободить всѣхъ арестованныхъ, въ томъ числѣ Лапковскаго и Шпера. При этой стычкѣ былъ смертельно раненъ, защищавшій гауптвахту, комендантъ города подполковникъ Сурменевъ, а за нимъ въ госпиталь принесли и раненаго

коменданта крѣпости генерала Селиванова. Послѣдній, узнавъ, что артиллеристы собираются примкнуть къ бунтовщикамъ, отправился на батарею, чтобы убѣдить артиллеристовъ остаться вѣрными Царю и присягѣ. Артиллеристы покаялись, кричали ему „ура“, но когда онъ спускался съ батареи раздалось нѣсколько угрожающихъ криковъ... Генералъ обер-

Временная могила Прохорова во Владивостокѣ.

нулся, и въ это время его ранили нѣсколькими выстрѣлами въ грудь и горло.

Городъ оказался въ рукахъ мятежниковъ, и комендантомъ былъ выбранъ „свободный гражданинъ—Шперъ“. Но достаточно было разнестись слуху, что на выручку владивостокскому гарнизону идетъ генералъ Мищенко со своими каза-

ками, какъ среди бунтующей массы нижнихъ чиновъ сухопутнаго и морского вѣдомства начали распространяться отрезвляющія идеи, и жизнь въ крѣпости, мало по малу, начала

Памятникъ на могилѣ Прохорова въ Херсонѣ.

принимать обычныя формы мирнаго состоянія. Но, къ сожалѣнію, только съ прибытіемъ генерала Мищенко, зачинщики этого глупаго возмущенія были арестованы и преданы смертной казни.

Такъ кончился владивостокскій бунтъ 10—11-го Января 1906-го года, унесшій въ могилу нѣсколько молодыхъ жизней, защищавшихъ до послѣдней возможности славное имя Царя и оставшихся вѣрными долгу и присягѣ среди общей массы растерявшагося и трусливаго состава Владивостокскаго гарнизона, давшаго себя, частью, улестить революціонными бреднями, а, частью, подчинить мятежнымъ требованіямъ подъ сознаніемъ страха смерти.

Но какъ славна смерть при защитѣ чести и достоинства своей Родины и какъ позорна трусливая жизнь, вымоленная и добытая у гнусныхъ революціонныхъ мятежниковъ, омывающихъ въ русской крови свои грязныя руки и темныя дѣлишки!...

Покойтесь мирнымъ сномъ вѣчности, славные герои, защитники Царя и Родины.... Пусть ваши чистыя души предстануть предъ Престоломъ Всеправеднаго Судіи и скажутъ Ему:

— „Мы сдѣлали на землѣ все, что могли, все, что умѣли... Теперь суди насъ....“

И кротко улыбнется Всемилостивый Господь Богъ, и засіяетъ міръ отъ Его улыбки....

Семенъ Щелоковъ.

Унтеръ-офицеръ Бакинскаго губернскаго жандармскаго управленія. Убитъ 18 Января 1909 г.

Въ Палату Союза имени Михаила Архангела поступило увѣдомленіе о томъ, что унтеръ-офицеръ Семенъ Щелоковъ, при исполненіи служебныхъ обязанностей, *предательски* убитъ въ центрѣ г. Баку, *среди многочисленной публики*, 18 января 1909 г., въ 12 ч. дня.

Къ сообщенію приложены фотографическая карточка Семена Щелокова и газетныя вырѣзки, въ числѣ которыхъ только вырѣзка изъ газеты „Кавказъ“, отъ 22 января за № 17, даетъ о событіи нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія: „Баку. Въ 12 ч. дня, въ воскресенье, на Парапетѣ, на углу Колюбакинской улицы и Соборнаго переулка, выстрѣломъ въ голову убитъ одѣтый въ штатское платье унтеръ-офицеръ бакинскаго губернскаго жандармскаго управленія Семенъ Щелоковъ.

Послѣ того, какъ убитый наповалъ Щелоковъ упалъ на землю, убійца, преслѣдуемый прибѣжавшими на выстрѣлъ городовыми, бросился бѣжать въ Чистый переулокъ, затѣмъ на Губернскую улицу, а оттуда въ темный переулокъ. За нимъ уже гнались много постовыхъ городовыхъ, и убійца оказался окруженнымъ съ трехъ сторонъ.

Здѣсь убійца былъ схваченъ, обезоруженъ и отправленъ въ участокъ, а затѣмъ въ тюрьму. При немъ оказались заряженный „маузеръ“ съ 7-ю патронами и 4 обоймы по 10 патроновъ въ каждой.

Во время преслѣдованія убійца произвелъ нѣсколько выстрѣловъ въ городовыхъ, но безрезультатно.

Задержанный сначала назвалъ себя жителемъ г. Карса Аванесомъ Мартиросовичемъ Вартанянцемъ, но мѣстожительства своего въ Баку не указалъ.

При дальнѣйшемъ-же его опросѣ онъ отъ своего первоначальнаго показанія отказался и заявилъ, что онъ занчезурецъ Леонъ Тамразовичъ Гуманянцъ, по профессіи слесарь, но въ настоящее время находится въ Баку безъ опредѣленныхъ занятій и постоянной квартиры не имѣетъ. Документовъ, удостовѣряющихъ его личность, при немъ не оказалось.

Убитый унтеръ-офицеръ Щелоковъ отправленъ въ кладбищенскій анатомическій покой.

Другихъ свѣдѣній нѣтъ. Откуда онъ родомъ, какихъ лѣтъ, гдѣ и какъ служилъ, оставилъ-ли семью, какую и въ какомъ положеніи—неизвѣстно. Пока неизвѣстно даже его отчество. Быть можетъ, впослѣдствіи дружеское сердце восполнитъ этотъ недостатокъ свѣдѣній для „Книги Русской Скорби“.

Но для скорби русскаго сердца, и данныхъ свѣдѣній достаточно...—сынъ народа, русскій подданный, русскій по крови, царскій слуга—воинъ, *предательски убитъ*, въ полдень, на глазахъ многолюдной толпы.

И подобнымъ образомъ убиты тысячи лучшихъ сыновъ Родины... и убійства могутъ еще возрасти... и конца имъ не предвидится...

Когда это возможно?—Только въ дни измѣны и предательства Родины!..

Убитъ на Кавказѣ, завоеванномъ кровью русскихъ героевъ, воинственные сыны котораго давно уже примирились съ русскимъ подданствомъ, сами прославились вѣрностью и геройствомъ въ рядахъ русской арміи и считаютъ за честь и счастье нести службу Русскому Царю.

Но явилась измѣна и измѣнники, явилось предательство и предатели вооружающіе измѣнниковъ казенными винтовками и оставляющіе безнаказанными убійцъ вѣрныхъ русскихъ подданныхъ и лучшихъ царскихъ слугъ...

Это не честные и воинственные сыны воинственнаго Кавказа: это паразиты Кавказа—армяне, родственные по духу и крови паразитамъ—жидамъ, да бездарные и трусливые властолюбцы, вмѣстѣ съ злоумышляющими инородцами, захватившіе власть...

Убитъ въ г. Баку, въ которомъ богатѣйшіе нефтяные и рыбные промыслы, открытые и разработанные русскими учеными и русскими предпринимателями еще со временъ Великаго Петра, теперь всецѣло захвачены жидами и армянами.

И много, много скорбныхъ думъ и скорбныхъ чувствъ возбуждаетъ краткое сообщеніе объ убійствѣ Семена Щелокова!

Но возбуждаетъ и отрадныя думы: лучшіе сыны Родины, вѣрные слуги царскіе не предаютъ Отечества, но съ твердостію духа умираютъ на своемъ посту, отстаивая свободу, честь и счастье Родины.

Миръ праху твоему, честный царскій слуга и благородный сынъ Россіи!

Михаилъ Ивановичъ Мировичъ.
Президентъ города Сѣдлеца, убитъ 28-го мая 1906 г. въ г Сѣдлецѣ.

Подъ благодатнымъ небомъ Украины мирно жила въ Полтавской губерніи старинная дворянская семья военнаго врача Ивана Мировича. 17-го Октября 1850 года у него родился сынъ Михаилъ. Вѣрный долгу присяги и стремящійся всегда помочь ближнему, докторъ выѣхалъ къ больному холерой въ страшную грозу. Могучіе раскаты грома потрясали природу и молнія сверкала во всѣхъ направленіяхъ, но страждущій ждалъ облегченія и врачъ спѣшилъ къ нему на помощь. Этотъ выѣздъ былъ роковымъ: докторъ не доѣхалъ до больного—ударъ молніи сразилъ его и убилъ на-повалъ.

Неутѣшная вдова осталась съ малолѣтнимъ сыномъ и всю силу материнской любви посвятила ребенку, стараясь

воспитать въ немъ честнаго и вѣрнаго слугу Царя и отечества. Мальчикъ былъ опрѣделенъ въ классическую гимназію, но природная склонность къ военнымъ наукамъ заставила его перейти въ юнкерское училище, откуда онъ и былъ выпущенъ офицеромъ въ 1867 году въ 40-ой драгунскій Малороссійскій полкъ, гдѣ и прослужилъ почти 35 лѣтъ.

Всегда добрый, отзывчивый, честный, прямой и гостепріимный Михаилъ Ивановичъ былъ очень любимъ товарищами сослуживцами, которые съ грустью простились съ нимъ, когда въ 1902 году онъ вышелъ въ отставку.

Юношески бодрый, полный силъ и энергіи онъ стремился служить и быть по мѣрѣ силъ полезнымъ горячо любимой родинѣ.

Михаилу Ивановичу предложили мѣсто Президента города Сѣдлеца—онъ съ удовольствіемъ принялъ его и со всей страстью своей сильной натуры посвятилъ себя новой дѣятельности; въ его сильныхъ и умѣлыхъ рукахъ спорилось

всякое дѣло и грязный, захудалый польскій городишко быстро началъ принимать опрятный видъ.

Появилось хорошее освѣщеніе; городъ изпывалъ отъ безводія и энергія Михаила Ивановича создала артезіанскіе колодцы и дала городу прекрасную, здоровую воду. Отсутствіе скотобойни причиняло не мало хлопотъ обывателямъ и порождало массовыя заболѣванія и вотъ, въ головѣ неутомимаго Президента, зародилась мысль объ устройствѣ образцовой скотобойни, по лично имъ составленному плану.

Неутомимо работая на пользу ввѣреннаго ему окраинаго города, попутно со всевозможными техническими улучшеніями городского хозяйства, Михаилъ Ивановичъ всегда открыто проповѣдывалъ идеи монархизма, горячо и умѣло отстаивая ихъ въ тѣ тяжелые, смутные 1904—1905 годы.

На почвѣ политическихъ симпатій Мировичъ близко сошелся съ правителемъ канцеляріи Сѣдлецкаго губернатора г-номъ Хвощенко, которому было поручено завѣдываніе политическими дѣлами въ губерніи.

Михаилъ Ивановичъ имѣлъ большое вліяніе на своего друга и они вмѣстѣ, твердо и неуклонно стремились искоренить крамолу, столь властно овладѣвшую нѣкоторой частію нашего общества въ этотъ роковой 1905-ый годъ.

Михаилъ Ивановичъ началъ получать анонимныя письма, наполненныя бранью и угрозами. Въ этихъ письмахъ его упрекали въ томъ, что онъ „служитъ царю, какъ собака“ и что его совѣты оказываютъ на Хвощенко, дурное для „освободителей“ дѣйствіе.

Родные уговаривали Михаила Ивановича выйти въ отставку, но старый воинъ съ негодованіемъ отклонялъ эти предложенія, отвѣчая, что уйти въ настоящее время было бы равносильно оставленію своего поста командиромъ во время сраженія.

„Я подумаю объ этомъ, когда все успокоится“—говорилъ онъ, будучи твердо увѣренъ, что временный развалъ русской жизни прекратится и, что разумъ и правда восторжествуютъ надъ глупостью и ложью. Къ сожалѣнію онъ не дожилъ до этого радостнаго дня,—подлые подпольные убійцы, жалкіе трусы, не способные открыто взглянуть въ лицо старому сол-

дату, подкараулили его и предательски, изъ за угла, въ спину нанесли ему смертельный ударъ.

28-го Мая 1906 года въ воскресенье, вечеромъ, Михаилъ Ивановичъ вмѣстѣ съ Хвощенко и еще однимъ чиновникомъ проходили по главной улицѣ Сѣдлеца, направляясь въ губернское Правленіе. Вдругъ изъ воротъ одного дома выбѣжали нѣсколько человѣкъ и дали залпъ въ спины проходившимъ. Стрѣляли на нѣсколько шаговъ и ранили всѣхъ троихъ. Хвощенко и другой спутникъ Михаила Ивановича бросились въ двери кондитерской, мимо которой они проходили, и скрылись тамъ, но старый воинъ не привыкъ бѣгать отъ опасности. Тяжело раненый въ спину онъ обернулся и бросился на стрѣлявшихъ, желая ихъ задержать, но второй залпъ въ упоръ свалилъ храбраго старика.

Убійцы скрылись... Прохожіе, разбѣжавшіеся при залпахъ, теперь начали снова собираться, появилась и полиція.

Михаила Ивановича подняли и перенесли въ ту-же кондитерскую, гдѣ уже были его товарищи по несчастію.

Одинъ изъ нихъ оказался легко раненымъ и уѣхалъ домой, Хвощенко же и Михаила Ивановича отвезли сначала въ квартиру послѣдняго, куда немедленно были вызваны врачи, опредѣлившіе положеніе раненыхъ оче нь серьезнымъ, а затѣмъ на носилкахъ перенесли въ больницу. Не смотря ни на какія усилія врачей и на произведенную операцію, Михаилъ Ивановичъ къ утру скончался въ ужасныхъ страданіяхъ и при полномъ сознаніи, все время повторяя „Что я имъ сдѣлалъ? за что? за что?“

За то—честный русскій гражданинъ, что ты смѣлъ любить свою родину и Царя, за то, что ты искренно желалъ имъ добра и властію, тебѣ данной, сталъ на дорогѣ безумцевъ, тѣхъ жидовствующихъ недоумковъ, которые въ своемъ дѣтскомъ невѣденіи и ослѣпленіи занесли свою дерзкую руку на могучіе устои земли русской.

Ты погибъ, охраняя эти устои, но память о тебѣ не угаснетъ въ потомствѣ,—твое имя будетъ красоваться на скорбныхъ скрижаляхъ лучшихъ сыновъ земли русской за благо ея положившихъ жизнь свою.

Яковъ Ничипорчукъ.

Жандармскій унтеръ-офицеръ желѣзно-дорожной станціи Сухедневъ Привислинскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ родился въ 1871 году, убитъ 2 ноября 1906 года.

Ничипорчукъ палъ жертвою служебнаго долга при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ указанный выше день около 2-хъ часовъ ночи, послѣ ухода пассажирскихъ поѣздовъ № 3 и 4, шайка злоумышленниковъ, въ числѣ 12—20 человѣкъ, окруживъ зданіе желѣзно-дорожной станціи Сухедневъ и поставивъ караулъ ко всѣмъ выходамъ, проникла во всѣ помѣщенія станціи и, разбивъ окна, лампы, часы, телефонные и телеграфные аппараты, потребовала отъ начальника станціи ключи отъ несгораемаго шкафа. Получивъ ключъ отъ главныхъ дверей, шайка грабителей заста-

вила дежурнаго по станціи Каминскаго открыть кассу и, разломавъ внутреннія дверцы, забрала около 300 рублей денегъ и мобилизаціонные документы.

Въ пассажирской комнатѣ III класса въ это время находился жандармскій унтеръ-офицеръ Ничипорчукъ. Мужественный воинъ не испугался многочисленныхъ злоумышленниковъ и готовился бѣжать на выручку осажденнымъ грабителями, но злоумышленники, предупредивъ его попытку, произвели въ него два выстрѣла черезъ окно; тяжело раненный Ничипорчукъ, успѣвъ выскочить на дворъ, далъ одинъ выстрѣлъ, но тутъ со стороны злоумышленниковъ послѣдовало еще три выстрѣла и Ничипорчукъ палъ мертвымъ.

Послѣ всего этого, забравъ ружье и револьверъ Ничипорчука, революціонеры-грабители ушли съ пѣніемъ «красный штандартъ».

Слава погибшему! Пусть твое скромное имя и всѣхъ тѣхъ кто, свято исполняя свой долгъ, палъ отъ руки крамольниковъ, не умретъ въ памяти русскихъ людей.

Вспомнимъ и о Михаилѣ *Вишневскомъ*, который занимая невидную должность старшаго участковаго стражника въ Кѣлецкой полиціи, тѣмъ не менѣе, своей безстрашной дѣятельностью по преслѣдованію грабителей и революціонеровъ навлекъ на себя ихъ месть и былъ убитъ 16 декабря 1907 года, на одной изъ улицъ г. Кѣльцы, когда возвращался домой послѣ обхода своего полицейскаго участка. Покойному исполнилось едва 30 лѣтъ.

Вспомнимъ и объ Алексѣѣ Яковлевичѣ *Брендяковѣ*, старшемъ уѣздномъ стражникѣ Влощовскаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи, убитомъ 22 Іюля 1906 года, на 37 году жизни.

Вспомнимъ объ Александрѣ *Павловскомъ*, старшемъ участковомъ стражникѣ Влощовскаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи, убитомъ 26 Іюля 1906 года, на 34 году своей жизни.

Вспомнимъ и о Лукѣ *Акининѣ*, жандармскомъ унтеръ-офицерѣ желѣзно-дорожной станціи Кѣльцы Привислинскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, убитомъ 10 декабря 1906 года, на 36 году жизни.

И о Василіи Моисеевѣ *Бойко*, жандармскомъ унтеръ-офицерѣ, убитомъ 28 декабря 1905 года, на 33 году жизни.

И о Лукѣ *Саковичѣ*, старшемъ участковомъ стражникѣ Кѣлецкой городской команды, убитомъ 27 января 1906 года, на 35 году жизни, послѣ котораго осталась жена и сынъ.

Вѣчная вамъ память, герои долга, слуги Царя и Россіи, погибшіе отъ польско-жидовской крамолы!

Василій Петровичъ Плохотниковъ.

Инспекторъ народныхъ училищъ. Палъ жертвой террора 13 Января 1906 года въ г. Поти.

Василій Петровичъ Плохотниковъ былъ уроженцемъ г. Ейска Кубанской области и окончилъ курсъ въ Александровскомъ учительскомъ институтѣ въ г. Тифлисѣ въ 1885 году. Въ томъ-же году онъ былъ назначенъ учителемъ въ Городское училище въ г. Шемахѣ Бакинской губерніи, гдѣ ему вскорѣ пришлось исполнять обязанности Инспектора.

Бывшій тогда Попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа незабвенный К. П. Яновскій, отличавшій способныхъ молодыхъ людей, обратилъ на него вниманіе и въ 1888 г. назначилъ его на должность инспектора Мингрельскаго городскаго училища въ г. Поти, находившагося въ полномъ упадкѣ. П. П. всей душой отдался новому дѣлу и въ короткій срокъ не только привелъ училище въ блестящее состояніе, но ус-

троилъ при немъ ремесленное и сельскохозяйственное отдѣленія. По его настоянію городское управленіе въ г. Поти пріобрѣло участокъ земли, на которомъ было выстроено зданіе училища, разведенъ садъ и огородъ и устроенъ пчельникъ. Образцовая постановка садоваго дѣла побудила К. П. Яновскаго поручить ему руководство сельско-хозяйственными отдѣленіями остальныхъ училищъ западной части Кутаисской губерніи.

Избранный въ 1894 г. въ гласные Потійской городской думы онъ очутился лицомъ къ лицу съ тѣмъ постепеннымъ вытѣсненіемъ всего русскаго, которое проявлялось большинствомъ думы, состоявшимъ изъ Мингрельцевъ, Имеретинъ и Гурійцевъ и здѣсь ему пришлось выступать впервые на арену борьбы за отстаиваніе государственныхъ интересовъ русскаго народа. Гласнымъ онъ пробылъ до 1898 г. и мужественно и энергично велъ борьбу со всѣми вредными для общественныхъ интересовъ стремленіями, которыя проявлялись со стороны гласныхъ, принадлежавшихъ къ вышеупомянутымъ націоналистамъ, весьма неразборчивыхъ въ вопросахъ матеріальнаго характера. Эти столкновенія занесли его въ глазахъ туземныхъ націоналистовъ въ число вредныхъ, для ихъ аппетитовъ, лицъ

Въ 1898 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ Ейскаго городскаго училища и пробылъ въ этой должности 2 года. Дѣятельность его здѣсь снискала себѣ полное уваженіе общества, выразившееся между прочимъ въ избраніи его въ почетные мировые судьи.

Въ 1891 году онъ вновь былъ назначенъ на прежнюю должность въ г. Поти и оставался здѣсь до 1902-го года, когда былъ назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ Волынской губерніи въ каковой должности онъ, однако, пробылъ не долго—климатъ г. Баку оказался вреднымъ ему и онъ принужденъ былъ выйти въ отставку. Выдержавъ блестяще экзаменъ на частнаго повѣреннаго, онъ поселился въ Поти и занялся адвокатурой.

Здѣсь и застало его вооруженное возстаніе, безумнымъ вихремъ охватившее Кутаисскую губернію. Г. Поти сдѣлался однимъ изъ главныхъ центровъ этого возстанія—сюда

доставлялось оружіе, здѣсь формировались банды, здѣсь было много туземной интеллигенціи и буржуазіи, увлеченной уже давно фантазіей созданія грузинской автономіи. Въ этомъ движеніи почетное мѣсто заняли представители городскаго управленія, съ которыми и раньше приходилось ему вести борьбу, отстаивая русскіе интересы.

Гордый духъ Василія Петровича не могъ подчиниться требованіямъ мятежниковъ и онъ открыто пошелъ противъ охватившаго всѣхъ безумія, не подчиняясь забастовкамъ и обличая преступные выпады. Потійскій революціонный комитетъ, наполненный туземной интеллигенціей, приговорилъ его къ смертной казни: въ 11 часовъ утра 13-го января 1906 года одинъ изъ состоявшихъ на службѣ комитета гурійцевъ террористовъ сзади убилъ его 5-ю выстрѣлами. Впослѣдствіе онъ былъ пойманъ и повѣшенъ.

Послѣ В. П. Плохотникова остались жена и 3 дѣтей, изъ которыхъ одному 8, а другому 5 лѣтъ, находящіяся въ крайней нуждѣ.

Какъ педагогъ и общественный дѣятель В. П. принесъ много пользы и снискалъ всеобщее уваженіе, а своей смертью присоединился къ тому сонму Русскихъ, вѣрныхъ долгу и чести доблестныхъ гражданъ, которые свое служеніе Родинѣ запечатлѣли своей кровью, пожертвовавъ жизнью за національную идею. Вѣчная ему память!

Ѳедоръ Абрамовичъ Драгуновъ.

Фельдфебель въ отставкѣ, сельскій староста села Рамзы, Тамбовской губерніи, убитъ крамольниками 19 Апр. 1908 г.

Ѳедоръ Абрамовичъ Драгуновъ, староста села Рамзы, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, предательски убитый 19 апрѣля 1908 года родился въ томъ-же селѣ 14 іюня 1859 года. Жизнь его, какъ и жизнь почти всякаго простого русскаго крестьянина, не богата внѣшними событіями. До 21 года онъ жилъ дома, затѣмъ 5 лѣтъ (1881—86) отбывалъ воинскую повинность, вышелъ въ запасъ фельдфебелемъ, съ самыми лестными отзывами начальства и снова вернулся къ землѣ и къ своему хозяйству. Служилъ же онъ въ 7-мъ Закаспійскомъ стрѣлковомъ батальонѣ.

На 47 году жизни Драгуновъ былъ выбранъ односельчанами въ старосты и въ этой же должности и погибъ, прослуживъ 2 года и 4 мѣсяца.

Это былъ человѣкъ съ сильной волей и твердымъ харак-

теромъ, несшій свою скромную службу „не за страхъ, а за совѣсть", человѣкъ стойкій и мужественный, презиравшій одинаково и лживыя обѣщанія революціонеровъ и подпольныя ихъ угрозы. Это онъ доказалъ имъ на дѣлѣ и за это заплатилъ жизнью.

Въ декабрѣ 1906 г. въ Рамзѣ совершено было дерзкое преступленіе. Трое «интеллигентныхъ» грабителей напали на казенную винную лавку, убили охранявшаго ее стражника, ограбили кассу, а затѣмъ, грозя собравшимся крестьянамъ браунингами, бросились къ лошадямъ, привезшимъ ихъ и ускакали. Всѣ разбѣжались кто куда могъ. Не растерялся лишь одинъ староста. Вооружившись ружьемъ и пригласивъ съ собою двухъ стражниковъ онъ пустился за убійцами въ погоню, но тѣ на много опередили ихъ. Проѣхавъ 8 верстъ до с. Вяжлей, преслѣдователи убѣдились, что на своихъ лошадяхъ имъ никого не догнать. Къ счастью въ Вяжляхъ имъ встрѣтился, на парѣ, управляющій мѣстнаго помѣщика Маркова, г. Меркушевъ и узнавъ, въ чемъ дѣло, уступилъ сейчасъ же своихъ лошадей. Погоня возобновилась.. Проскакавъ еще нѣсколько верстъ, староста и стражники, наконецъ, увидѣли преступниковъ и быстро стали догонять ихъ. Тѣ, видя что дѣло плохо, оставили сани и бросились къ ближайшему лѣсу. Тогда преслѣдователи открыли стрѣльбу. Завязалась перестрѣлка, въ результатѣ которой двое грабителей были ранены и схвачены, а третій застрѣлился самъ.

За это смѣлое дѣло Драгуновъ получилъ денежную награду отъ Д-та Полиціи и... смертный приговоръ отъ революціонеровъ.

Вскорѣ Губернаторъ предложилъ ему мѣсто въ полицейской охранѣ. Драгуновъ поблагодарилъ, но твердо отказался, говоря, что „ни революціонеровъ, ни смерти не боится" и желаетъ остаться старостой въ с. Рамзѣ.

И онъ остался и умеръ на своемъ посту.

19 апрѣля 1908 г. на разсвѣтѣ, въ Рамзу прибыло трое неизвѣстныхъ подозрительныхъ лицъ, по виду—„интеллигентовъ". Они укрылись въ домѣ одного изъ мѣстныхъ крестьянъ.

Утромъ Драгунова не было дома. Онъ уѣзжалъ по дѣламъ въ Волостное Правленіе и вернулся оттуда только днемъ.

Узнавъ отъ родственника о томъ, что въ селѣ находятся какіе-то неизвѣстные люди, онъ отправился провѣрить эти слухи, и сейчасъ же написалъ записку вол. писарю, съ просьбой прислать стражу.

Но пріѣзда стражи Драгунову не суждено было дождаться.

Въ 5 часовъ вечера изъ оконъ своего дома, выходящаго одной стороной на улицу а другой—въ проулокъ, онъ увидѣлъ что двое какихъ-то людей вышли изъ проулка, постояли на углу около его дома, и снова повернули назадъ.

„Не меня ли пришли убить?“—сказалъ онъ женѣ, и смѣло распахнувъ дверь, вышелъ на крыльцо.

„Кто вы такіе?“

— Мы штукатуры.

„Откуда вы идете?“

— Изъ Вяжлей.

„Неправда, Вяжли не въ той сторонѣ. Погодите здѣсь!

Штукатуры, вмѣсто отвѣта, обратились въ бѣгство.

Тогда Драгуновъ, захвативъ изъ избы ружье и револьверъ, бросился за ними въ погоню, не подозрѣвая, что бѣгство это было лишь гнуснымъ маневромъ, разсчитаннымъ на то, чтобы заманить его въ засаду. Въ ометѣ соломы, мимо которой онъ долженъ былъ пробѣжать, сидѣлъ спрятавшись третій негодяй и вотъ, когда староста оставилъ ометъ позади, оттуда грянулъ выстрѣлъ. Драгуновъ остановился и обернулся, а бѣжавшіе впереди воспользовались этимъ и, въ свою очередь, начали разстрѣливать его. Попавъ подъ перекрестный огонь, несчастный растерялся. Приходилось думать уже не о преслѣдованіи, а о спасеніи жизни. Онъ бросился къ находившемуся невдалекѣ дому священника и схватился уже за ручку двери въ сѣни, но здѣсь пули настигли его—и Драгуновъ палъ мертвымъ.

Сдѣлавъ свое гнусное дѣло, злодѣи положили на грудь покойнаго записку: „Убитъ по приговору союза независимыхъ соц.-рев. за содѣйствіе властямъ въ поимкѣ товарищей, убитыхъ въ декабрѣ 1906 года.“ Затѣмъ они направились къ винной лавкѣ и здѣсь, спокойно, не торопясь, на глазахъ многочисленнаго народа выбили всѣ стекла въ ок-

нахъ, ограбили выручку, перебили посуду и также спокойно скрылись. *Въ селѣ не нашлось больше Драгуновыхъ.*

Убійцы не разысканы и личности ихъ до сихъ поръ не установлены.

Послѣ покойнаго осталась вдова и дочь 12 лѣтъ.

Кто виноватъ въ томъ, что какіе-то „интеллигенты“ негодяи, исполняя постановленія жидовскихъ революціонныхъ комитетовъ грабятъ винныя лавки и волостныя правленія, убиваютъ стражниковъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей, и цѣлыя деревни не могутъ оказать сопротивленія двумъ—тремъ негодяямъ, вооруженнымъ смертоноснымъ оружіемъ, между тѣмъ какъ честные и мирные граждане оставлены безоружными?..

Кто виноватъ въ томъ, что эти „интеллигентные“ негодяи почти всегда остаются неразысканными и ненаказанными?..

Кто виноватъ въ безвременной смерти лучшихъ сыновъ родины, къ какимъ принадлежалъ Ѳедоръ Абрамовичъ Драгуновъ?.

Взятый на военную службу, онъ достигъ высшаго и почетнѣйшаго для простого человѣка званія фельдфебеля и оправдалъ довѣріе военнаго начальства всей послѣдующей жизнью.

Избранный сельскимъ обществомъ старостою, онъ оправдалъ довѣріе общества, самоотверженно и безстрашно вступая въ борьбу съ его „интеллигентными“ врагами.

Онъ оправдалъ званіе вѣрнаго сына Церкви Христовой, готоваго положить жизнь свою за ближнихъ.

Онъ оправдалъ званіе вѣрноподданнаго Своему САМОДЕРЖАВНѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ, запечатлѣвъ вѣрность долгу и Царской присягѣ своею смертью.

Память его на землѣ переживетъ многіе годы, Господь же причислитъ его къ лику праведныхъ и упокоитъ душу его въ вѣчныхъ обителяхъ.

Вѣчная память рабу Божію Ѳеодору.

Владиміръ Михайловичъ Афанасьевъ.

Статскій совѣтникъ, начальникъ Кѣлецкой учебной дирекціи, родился въ 1855 году, убитъ 13 апрѣля 1908 года.

По окончаніи въ 1880 году курса наукъ юридическаго факультета въ Варшавскомъ университетѣ со степенью кандидата, Владиміръ Михайловичъ былъ оставленъ при университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ Славянскихъ законодательствъ. Стремясь къ педагогической дѣятельности В. М. Афанасьевъ, выдержавъ спеціальное испытаніе на званіе учителя гимназіи, былъ назначенъ сначала учителемъ 2-ой женской и 1-ой мужской гимназій въ Варшавѣ (съ 1885 по 1890 г. г.), за-

тѣмъ преподавалъ въ Ловичскомъ реальномъ училищѣ (1890-1898 г. г.) занималъ должность инспектора Грубешовской прогимназіи (1898—1902 г. г.) въ 1902 году онъ назначается на постъ начальника Ломжинской учебной дирекціи (1902—1906 г. г.), а въ 1906 году переводится на ту же должность въ г. Кѣльцы.

Всесторонне образованный и преданный педагогическому дѣлу В. М., будучи уже начальникомъ дирекціи, не разъ замѣщалъ въ гимназіяхъ больныхъ или отсутствующихъ учителей, съ рѣдкимъ успѣхомъ ведя преподаваніе по разнымъ предметамъ.

Воспитанный въ духѣ законности, отъ природы прямой, строго относившійся, какъ къ самому себѣ, такъ и къ своимъ подчиненнымъ по дѣламъ службы, въ обычной жизни онъ былъ добрымъ, гуманнымъ и очень отзывчивымъ на все хорошее человѣкомъ. Казалось, такого начальника должны были бы оцѣнить и полюбить и какъ учителя, и какъ человѣка, но вышло наоборотъ. *Его сразу не взлюбили поляки*, онъ не пришелся имъ по сердцу, такъ какъ не шелъ ни на какія уступки въ отношеніи исполненія требованій закона.

Мѣстнымъ „націоналистамъ“, мечтавшимъ объ автономіи, это конечно не нравилось и они объявили ему войну. Сначала она проявилась въ мелкихъ доносахъ, интригахъ но наконецъ, въ1906 году—на него было произведено покушеніе. У дверей его квартиры была подложена фитильная бомба, которая разорвалась почью и произвела сильныя поврежденія въ домѣ.

Но и это покушеніе не могло поколебать вѣрность стойкаго исполнителя законовъ,—онъ продолжалъ исполнять свой долгъ. Это привело въ неистовство его подпольныхъ враговъ. Органъ „Союза націонализаціи школъ“—Walka o Szkolę Polską, въ концѣ 1906 года указывая, что В. М. стоитъ преградой на пути „Спольщенія“ школъ, прямо требовалъ уничтоженія Владиміра Михайловича.

Угрозы смертью посыпались на Владиміра Михайловича и наконецъ свершилось...

Не стало беззавѣтно преданнаго дѣлу народнаго образованія и стойкаго русскаго человѣка.

Подосланными убійцами Владиміръ Михайловичъ былъ убитъ на одной изъ улицъ г. Кѣльцы.

Рука злодѣевъ сразила его еще полнаго энергіи и силъ— покойному было только 53 года, и однимъ защитниковъ русскаго дѣла въ Польшѣ стало меньше Но память его, какъ часоваго погибшаго на своемъ посту, не умретъ въ сердцахъ русскихъ людей!

Послѣ безвременно скончавшагося В. М. Афанасьева осталась жена и двое дѣтей.

Убитые революціонерами служащіе Одесской городской полиціи:

А. І. Панасинъ, І. Т. Полянкевичъ, С. А. Сѣракевичъ, Л. Ф. Шумилясъ, С. Н. Вельбинъ, Г. Ф. Харченко, Т. Ѳ. Пелиненко.

Пишущему эти строки пришлось съ октября 1906 г., по декабрь 1907 г. прожить въ Одессѣ, учась въ Новороссійскомъ университетѣ. Всѣ вышеназванныя лица были убиты анархистами въ 1907 году, кромѣ городового Л. Ф. Шумиляса, который былъ убитъ на посту 12 марта 1908 г.

Одесса прославилась своею революціонностью, и жить въ ней мирному гражданину было далеко не безопасно. Не только лица, уже опредѣленно приговоренные къ смерти революціонерами, не могли безопасно показываться на улицѣ, но даже всякій мирный обыватель выходя изъ дому, не былъ увѣренъ, что вернется живымъ обратно. Ибо революціонеры не стѣснялись и бросали бомбы и разстрѣливали намѣченныхъ ими лицъ среди многочисленной публики, не считаясь съ тѣмъ, что могутъ быть и „случайныя“ жертвы. Вотъ почему борьба съ революціей должна быть дѣломъ всего общества, а не одной только полиціи, или жандармеріи. Революція, къ сожалѣнію, находитъ сочувствіе въ обществѣ и оттого пользуется успѣхами въ дѣлѣ убійствъ должностныхъ лицъ. Но къ счастью, часть русскаго общества — въ лицѣ союзовъ русскаго народа — дѣятельно возстала противъ революціи и ея „идей“.

Вотъ при такихъ то обстоятельствахъ смуты и сочувствія со стороны жидовско-кадетской части общества убиты были въ Одессѣ слѣдующіе чины полиціи:

Адамъ Іосифовичъ Панасинъ.

1) *Адамъ Іосифовичъ Панасинъ*, приставъ Бульварнаго участка.

2) Помощникъ пристава *Іосифъ Тимофѣевичъ Полянкевичъ*.

Оба были убиты 7 мая 1907 г. взрывомъ бомбы, брошенной на углу Почтовой и Преображенской улицъ.

Этимъ ужаснымъ адскимъ взрывомъ, отъ котораго весь городъ вздрогнулъ, оба эти лица были буквально растерзаны, разнесены на части.

3) Вмѣстѣ съ ними убитъ этою же бомбою и *Станиславъ Аполинарьевичъ Сѣракевичъ* околоточный надзиратель.

Полянкевичъ.

Сѣракевичъ.

Всѣ трое были въ разцвѣтѣ силъ и оставили семьи и сиротъ.

4) *Сергѣй Нарцисовичъ Вельбинъ*, письмоводитель Петропавловскаго участка убитъ былъ 18 августа 1907 года взорвавшимся въ зданіи участка снарядомъ. Правда, этотъ снарядъ взорвался отъ неосторожнаго разряда его, производимаго артиллерійскимъ офицеромъ, который тоже былъ убитъ взрывомъ на мѣстѣ. Но снарядъ былъ заготовленъ революціонерами для ихъ цѣлей и былъ случайно найденъ гдѣ-то въ городѣ и доставленъ въ зданіе Петропавловскаго участка.

Вельбинъ.

Харченко.

5) Григорій Филипповичъ *Харченко*, околоточный надзиратель—былъ убитъ 1 сентября 1907 г. выстрѣлами изъ револьверовъ, при исполненіи служебныхъ обязанностей, на углу Бол. Арнаутской и Мѣщанской улицъ.

6) Трофимъ Ѳаддѣевъ *Пелиненко* былъ убитъ на посту анархистомъ 26 декабря 1907 года—выстрѣломъ изъ браунинга.

7) Людвигъ Феликсовичъ *Шумилясъ* тѣмъ же способомъ убитъ на посту 12 марта 1908 года.

Пелипенко.

Шумилясъ.

Намъ не доставлено подробныхъ біографическихъ свѣдѣній объ этихъ лицахъ, ставшихъ жертвою Молоха революціи, но смерть ихъ и пролитая ими кровь дѣлаетъ ихъ достойными того, чтобы русскіе патріотическіе союзы и все вѣрноподданное населеніе Имперіи помянуло ихъ имена, въ молитвахъ во время литургіи и каждый у себя на дому.

Глѣбъ Вячеславовичъ Станкевичъ.

Начальникъ Радомской учебной дирекціи, убитый 9-го Марта 1906 г.

Взглянулъ я, и вотъ, великое множество людей стояло предъ престоломъ и предъ Агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ своихъ.

И восклицали громкимъ голосомъ, говоря: „спасеніе Богу нашему, сидящему на престолѣ, и Агнцу".

И старецъ сказалъ мнѣ: это тѣ, которые пришли отъ великой скорби; они омыли одежды свои, и убѣлили одежды свои кровью Агнца".

За это они пребываютъ нынѣ предъ престоломъ Бога и служатъ Ему день и ночь въ храмѣ Его, и сидящій на престолѣ будетъ обитать въ нихъ.

Апокалипсисъ гл. 7, 9—15.

Много, безконечно много хорошихъ, честныхъ, достойныхъ людей погубила волна, легкомысленно названнаго „освободительнымъ", движенія еврейско-польско-масонской ре-

волюціи на Руси святой,—но и среди этого множества жертвъ, чистая кровь конхъ вопіетъ къ небу, къ престолу Агнца, мало найдешь такихъ, кого можно было бы, по достоинству, поставить рядомъ съ именемъ варварски, жестоко погубленнаго въ г. Радомѣ Глѣба Вячеславовича Станкевича. Христіански любвеобильный, свѣтлый, благородный образъ раба Божьяго Глѣба никогда не изгладится изъ памяти знавшихъ и понимавшихъ душу его лицъ, всегда преклонявшихся предъ скромнымъ, неуклоннымъ, тихимъ величіемъ просвѣтленнаго духовнаго существа почившаго. Вся жизнь его была отраженіемъ тихаго, немерцающаго свѣта твердыхъ устоевъ христіанскаго воспитанія въ глубоко религіозной семьѣ своихъ родителей. Разъ взятый на себя тяжелый учебный и воспитательный трудъ онъ несъ, съ изумительно рѣдкими, любовью къ дѣлу, кротостью и терпѣніемъ, въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ и юношеству; Покойный Глѣбъ Вячеславовичъ, свято исполняя ясно сознаваемый долгъ своего назначенія, всею праведною своею жизнью противустоялъ волнѣ начавшагося въ губерніи, при явномъ и тайномъ руководительствѣ ксендзовъ и евреевъ, одичанія и озвѣрѣнія учащихся, съ несравненнымъ истинно гражданскимъ, всегда его отличавшимъ мужествомъ,—мужествомъ, которое такъ геройски-великолѣпно доказалъ и формулировалъ впослѣдствіи, въ своей знаменитой рѣчи, великій государственный умъ и характеръ.

Видя такое, ничѣмъ незапугиваемое, твердое противодѣйствіе своимъ разрушительнымъ стараніямъ, тайные и явные вдохновители и руководители движенія рѣшили вовсе и навсегда избавиться отъ такого вреднаго, для осуществленія ихъ плановъ, человѣка и покойный, по заповѣди Христа скорбя смертельно, несъ свой крестъ до своего кроваваго, мучительнаго конца, зная, что на него уже готовится и орудіе смерти, и добровольный палачъ.

Внѣшнія событія жизни Глѣба Вячеславовича слѣдующія: родился онъ 12 марта 1864 года въ г. Калугѣ въ богобоязненной семьѣ, однимъ изъ достойнѣйшихъ предковъ, которой былъ извѣстный ревнитель православно-христіанскаго просвѣщенія, кіевскій святитель Петръ Могила.

Образцовое научное воспитаніе Глѣбъ Вячеславовичъ получилъ сначала дома, занимаясь съ лучшими преподавателями города, а для дальнѣйшаго образованія поступилъ въ 5-й классъ Калужской Классической (нынѣ Николаевской) Гимназіи, курсъ которой окончилъ въ 1881 году, награжденный серебряной медалью. Перейдя затѣмъ въ ИМПЕРАТОРСКІЙ Московскій Университетъ на историко—филологическій факультетъ, онъ окончилъ его со степенью кандидата въ 1886 году, по словесному его Отдѣленію. По окончаніи университетскаго курса онъ былъ приглашенъ приватнымъ преподавателемъ французскаго языка въ московскую первую классическую гимназію. Выдержавъ въ слѣдующемъ году спеціальное испытаніе въ знаніи французскаго языка и летературы въ историко-филологическомъ фукультетѣ Московскаго Университета, онъ былъ удостоенъ званія учителя гимназій и прогимназій съ правомъ преподавать французскій языкъ, и тогда же былъ утвержденъ въ должности штатнаго преподавателя этого языка въ той же гимназіи. Затѣмъ, не оставляя преподаванія названнаго языка въ Первой Гимназіи, Глѣбъ Вячеславовичъ, въ началѣ 1891 года, сталъ преподавать въ 3 и 4 классахъ Московскаго Коммерческаго Училища вѣдомства учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ Маріи, кромѣ французскаго, и русскій языкъ, а осенью того же года получилъ назначеніе быть Инспекторомъ Народныхъ Училищъ Ярославской губерніи.

Въ 1894 году состоялся переводъ Глѣба Вячеславовича на должность Инспектора классовъ въ Ефремовскую (Тульской губерніи) прогимназію, въ которой цѣлесообразная и просвѣщенно-внимательная дѣятельность его настолько умиротворяюще повліяла на взаимныя отношенія преподавателей, настолько благотворно отразилась на преподаваніи наукъ воспитательномъ дѣлѣ этого учебнаго заведенія, что многіе родители учащихся въ этой прогимназіи, ранѣе того просившіе въ учебномъ Округѣ о закрытіи ея, вскорѣ же послѣ пріѣзда новаго Инспектора просили уже оставить свое первое ходатайство безъ послѣдствій. Такая кипучая и плодотворная дѣятельность Глѣба Вячеславовича не могла не обратить на себя вниманія, кого это касалось, и, по представленію министер-

ства въ 1895 году, онъ былъ ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ назначенъ Директоромъ Новинской Учительской Семинаріи, гдѣ благотворнымъ своимъ примѣромъ, трудомъ и вліяніемъ на постановку въ ней всего учебнаго дѣла, доказалъ свое полное право на дальнѣйшее повышеніе, которое и послѣдовало съ назначеніемъ его по ВЫСОЧАЙШЕМУ приказу въ 1898 году, Директоромъ Сѣдлецкой мужской гимназіи. Въ этой послѣдней должности онъ пробылъ до осени 1901 года, когда былъ повышенъ въ званіе Начальника Радомской Учебной Дирекціи, и на этой то должности, въ краю, считающемся иными почему то болѣе просвѣщеннымъ, чѣмъ коренная Русь, пришлось Глѣбу Вячеславовичу претерпѣть мученическую смерть. Мужественно оставаясь всегда съ меньшинствомъ честныхъ и вмѣстѣ стойкихъ людей, покинутый въ послѣдне дни своей жизни даже и этими немногими,—онъ служилъ великому дѣлу истиннаго народнаго просвѣщенія и воспитанія, по данной, передъ лицомъ Божіимъ, святой присягѣ неизмѣнно вѣрно, до смертнаго своего конца, не за страхъ, а за совѣсть.

За послѣдніе мѣсяцы жизни, когда положеніе Глѣба Вячеславовича по службѣ, благодаря политическимъ осложненіямъ въ школьномъ дѣлѣ, стало особенно серьезнымъ, внѣшняя жизнь его нисколько не измѣнилась: несмотря на неоднократныя предостереженія и угрозы, которыя онъ старался скрыть отъ своей семьи, онъ продолжалъ ревностно исполнять свои обязанности; поѣздки его на ревизіи, ввѣренныхъ его руководительству, по уѣздамъ и городамъ, училищъ, даже участились. Видя, что невзирая на старанія запугать его, Глѣбъ Вячеславовичъ нимало не измѣняетъ образа своихъ дѣйствій и распоряженій по принятію рѣшительныхъ и цѣлесообразныхъ мѣръ, для прекращенія начавшейся по губерніи школьной забастовки, водворившихъ между прочимъ въ Солецкой православной учительской семинаріи самое быстрое успокоеніе, устроители и вдохновители „движенія“, направленнаго къ осуществленію отпаденія Польши отъ Россіи, озлобились до послѣдней степени.

Тщательно скрывая опасность своего положенія отъ своей семьи, Глѣбъ Вячеславовичъ лишь въ откровенномъ

письмѣ къ своему брату Нв. Вяч. еще отъ 2 ноября 1905 года сознавался: „пока еще живъ, день прожилъ, и слава Богу!“—и продолжалъ, какъ и прежде, даже съ большимъ еще рвеніемъ, умиротворять разгоравшіяся страсти, прекращать вынуждаемую агитаторами праздность учащихся, за истощеніемъ всѣхъ мѣръ увѣщанія и усовѣщенія, удалялъ отъ участія въ школьномъ преподаваніи и руководительствѣ неисправимо „сознательно“ вредныхъ, ослѣпленныхъ въ своемъ озлобленіи, дѣятелей.

Всегда искренно религіозный и глубоко вѣрующій Глѣбъ Вячеславовичъ лишь еще чаще, чѣмъ ранѣе, сталъ посѣщать всѣ богослуженія въ мѣстномъ соборѣ, или изрѣдка въ мужской гимназіи, какъ бы готовясь къ ожидавшему его вскорѣ насильственному смертному часу и помня твердо евангельское слово: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“. Съ необыкновенною любовью и заботливостью онъ продолжалъ относиться къ исполненію своихъ обязанностей въ качествѣ Предсѣдателя мѣстнаго отдѣла Русскаго благотворительнаго Общества.

Вполнѣ отдавая себя на волю Божію, онъ ѣздилъ повсюду не только безъ всякой охраны, но даже не имѣя при себѣ никакого оружія,—такъ ему, какъ истинному христіанину, была противна даже самая мысль защищать свою жизнь оружіемъ,—непріятна какая бы то ни было охрана его личности. Эти обстоятельства, не могшія остаться неизвѣстными, были использованы убійцами, чтобы обставить свое гнусное злодѣяніе полной безнаказанностью.

— Наканунѣ убійства Глѣбъ Вячеславовичъ возвратился изъ служебной поѣздки, провелъ въ семьѣ близкихъ людей вечеръ, а утромъ въ четвергъ 9 марта, отпустивъ дѣтей въ гимназіи, собрался и выѣхалъ около 10 часовъ утра по Скарышескому шоссе въ Солецкую Учительскую Семинарію, гдѣ усердіемъ извѣстнаго московскаго благотворителя протоіерея Копьева, знакомаго Глѣба Вячеславовича, недавно была сооружена церковь. Достойно замѣчанія то обстоятельство, что возившій его обычно въ служебныхъ поѣздкахъ кучеръ на этотъ разъ почему то отказался ѣхать и возницею былъ незнакомый ему человѣкъ, можетъ быть, тайный со-

общникъ убійцы. Какъ бы то ни было, а Глѣбъ Вячеславовичъ, будучи одинъ въ простой открытой наемной бричкѣ, весь на виду, былъ встрѣченъ на 2 верстѣ отъ города по шоссе какимъ то человѣкомъ, у котораго вѣтромъ поддувало неестественно болтавшіеся, повидимому, приставные, усы; давъ бричкѣ достаточно приблизиться, человѣкъ этотъ разъ за разомъ выпустилъ изъ браунинга нѣсколько зарядовъ въ свою беззащитную жертву. Первая пуля задѣла носъ, вторымъ выстрѣломъ пробило правую руку выше локтя; кучеръ при первыхъ выстрѣлахъ сперва сдержалъ лошадей, а потомъ усиленно ихъ погналъ, и вотъ, когда экипажъ поравнялся съ злодѣемъ, онъ снова выстрѣлилъ почти въ упоръ, ранилъ Глѣба Вячеславовича въ низъ живота и, пропустивши свою жертву, вновь и вновь остервенѣло сталъ стрѣлять сзади, послѣ чего скрылся.

Несчастный израненный Глѣбъ Вячеславовичъ не потерялъ, тѣмъ не менѣе, сознанія и приказавъ кучеру повернуть назадъ въ городъ, подъѣхалъ къ усадьбѣ гминнаго судьи г. Вислоцкаго. Истекая кровью, нашелъ въ себѣ силу слѣзть, обратился къ судьѣ съ просьбой о помощи и попросилъ напиться, но получилъ отъ Вислоцкаго безчеловѣчный отказъ. Чувствуя ужасную слабость, Глѣбъ Вячеславовичъ попросилъ тогда дать доску и людей, чтобы его отнесли до квартиры, такъ какъ опасался, что на бричкѣ его растрясетъ, но, говорятъ, Вислоцкій на это отвѣтилъ: „въ Васъ еще могутъ стрѣлять, перебьютъ и моихъ людей“... Безпомощный, несчастный взобрался на окровавленную бричку и былъ привезенъ домой въ ужасномъ состояніи: бричка вся была залита кровью, все бѣлье и платье на страдальцѣ были ею пропитаны... Бросились за докторами, послали въ больницу за носилками, и только около 2 часовъ дня, послѣ предварительной перевязки, раненаго перенесли въ городскую больницу (въ противоположной части города), гдѣ около 4 часовъ раны Глѣба Вячеславовича были изслѣдованы, двѣ пули были извлечены и произведена операція съ цѣлью удаленія третьей; по словамъ одного изъ докторовъ участниковъ операціи, изъ раны были извлечены части одежды, осколокъ разбитаго ребра, но опредѣлить мѣстоположеніе

третьей пули не удалось; мнѣніе врачей сводилось, повидимому, къ тому, что пуля, попавшая въ животъ съ поврежденіемъ почекъ, засѣла въ позвоночникѣ, что положеніе опасно, но не смертельно,—рѣшено было просить прислать изъ Варшавы рентгеновскій аппаратъ.

У постели раненаго ночью дежурили жена, старшая дочь и близкіе знакомые; къ утру положеніе ухудшилось: потребовалась для дыханія помощь кислорода. Утромъ въ пятницу, во время перевязки, доктора обнаружили у Глѣба Вячеславовича еще двѣ раны: одну на спинѣ у крестца, другую ниже лѣваго бедра (а семейные Глѣба Вячеславовича опредѣлили ихъ наличность по бѣлью еще наканунѣ). Положеніе раненаго было признано безнадежнымъ. Не имѣя силъ вѣрить такому ужасному опредѣленію, друзья и знакомые Глѣба Вячеславовича подняли вопросъ о выпискѣ изъ Варшавы опытнаго хирурга, узнали окончательное мнѣніе у производившаго операцію врача—хирурга, и несмотря на то, что онъ категорически заявилъ, что раненый больше сутокъ не проживетъ, выписали по телеграфу хирурга. Но все было напрасно,—минуты праведнаго страдальца были сочтены.

Съ горячею вѣрою и смиреніемъ исполнилъ умирающій свой христіанскій долгъ, исповѣдался и пріобщился Св. Таинъ.

Переполнявшее весь больничный корридоръ русское населеніе г. Радома, мѣняясь съ ранняго утра пятницы и до глубокой ночи, въ своемъ составѣ, затаивъ дыханіе, слѣдило за всѣмъ тѣмъ, что происходило въ маленькой комнаткѣ, гдѣ лежалъ умирающій. Семья его горячо молилась о чудѣ. Не было плача, слезъ или невольнаго стона, могущихъ увеличить страданіе отходящаго въ вѣчность мученика.

Раненый все время былъ въ полномъ сознаніи и часто прерывалъ молчаніе своимъ тихимъ и кроткимъ голосомъ.

До послѣдней минуты человѣкъ этотъ остался вѣренъ себѣ; извѣстно, какія невыносимыя страданія причиняетъ рана въ область живота и въ позвоночникъ,—между тѣмъ Глѣбъ Вячеславовичъ, проживъ послѣ пораненія 36 часовъ,

не выдалъ ничѣмъ своихъ тяжкихъ физическихъ и нравственныхъ мукъ, не издалъ ни одного стона или жалобы, чтобы не усугублять страданій своей, убитой горемъ, жены, на чьихъ рукахъ онъ оставлялъ шестеро дѣтей, изъ которыхъ ни одинъ, по малолѣтству, не былъ поставленъ на ноги.

Нельзя было безъ скрытыхъ слезъ и глубокихъ внутреннихъ рыданій видѣть вечеромъ, какъ Глѣбъ Вячеславовичъ съ неизъяснимымъ величіемъ человѣка, глубоко вѣрующаго и во всемъ полагающагося на волю Божію, въ полномъ сознаніи, благословляя ихъ, прощался со своей семьей, близкими и знакомыми, каждому изъ которыхъ онъ сказалъ тихимъ, но яснымъ голосомъ, полное благодарности и ласки прощальное слово,—слышать, какъ онъ вспоминалъ отсутствующихъ, томился желаніемъ дождаться передъ смертью пріѣзда, сердечно любимаго имъ, своего брата И. В. посылалъ свои благословенія отсутствующимъ матери, сестрѣ и братьямъ своимъ.

Незадолго до своей кончины онъ сказалъ, что узналъ и знаетъ своего убійцу, но прощаетъ его и не желаетъ его преслѣдованія. Утомясь страданіями, онъ закрылъ глаза и нѣкоторое время былъ безъ движенія, здоровой своей рукой обнявъ за шею не отходившую отъ изголовья отца старшую дочь. Находившійся тутъ же докторъ довольно громко сказалъ, что въ безсознательномъ состояніи, которое онъ предполагалъ теперь въ умирающемъ, въ судорогахъ начавшейся по его мнѣнію агоніи, Глѣбъ Вячеславовичъ могъ, сдавивъ горло дочери, задушить ее,—на что умирающій, съ усиліемъ открывъ глаза и тихонько снявъ свою руку, сказалъ: „не бойся, милая А., я не сдѣлаю тебѣ больно...“ Убитая горемъ, но наружно спокойная и такая же твердая духомъ какъ и мужъ, жена, тихо крестя страдальца, повторяла: „Усни, усни...“ Послѣ 10 часовъ вечера дыханіе его стало труднѣе и короче и, изрѣдка прерываемое небольшими фразами, оно прекратилось въ 12 час. 20 мин. совершенно, и рабъ Божій Глѣбъ отошелъ въ вѣчность.

Гробовая тишина долго держалась въ замершей толпѣ близкихъ людей, старавшихся уловить малѣйшій звукъ, взоры не отрывались отъ дорогихъ чертъ лица умирающаго... „Скончался“... тихо произнесъ чей то сдавленный голосъ и холодъ смерти проникъ во всякую душу живую...

Почившему, при кончинѣ, было всего 42 года отъ роду. Его смиреніе, чисто Евангельское, было примѣрное, его скромность и христіанская любовь къ ближнимъ были исключительныя и заслужили ему общую искреннюю любовь.

Его вѣра во всемогущество Божіе была всегда такъ сильна и вмѣстѣ съ тѣмъ была настолько не показная, что когда въ бытность его въ Ярославлѣ тяжко заболѣлъ одинъ изъ его дѣтей, онъ, не сказавшись никому, одинъ, пѣшкомъ ходилъ на богомолье къ преподобному Сергію Радонежскому въ Троицкую Лавру. Какая то тихая грусть слышалась въ его мягкомъ, симпатичномъ голосѣ. Всегда серьезный, онъ улыбался только дѣтямъ, въ особенности учащимся во ввѣренныхъ ему школахъ, которыхъ любилъ и которыя ему платили тѣмъ же. Привѣтливъ въ обращеніи онъ былъ со всѣми необычайно. Сторожа гимназіи съ плачемъ говорили что за все пятилѣтнее начальствованіе его надъ учебными заведеніями Радомской губерніи, онъ ни одному изъ нихъ ни разу не сказалъ „ты“, ни разу не забылъ сказать „благодарю“ или „спасибо“, когда ему помогали одѣть пальто.

Участливость его къ чужому горю была изумительною; примѣромъ ея можетъ служить слѣдующее: однажды возвратясь отъ своей старшей дочери, учившейся въ Варшавѣ, жена его освѣдомилась у домашнихъ, все ли благополучно и гдѣ мужъ, и узнала что Глѣбъ Вячеславовичъ, извѣщенный о покушеніи на самоубійство сына одного изъ высоко поставленныхъ лицъ губерніи, немедленно отправился туда съ цѣлью помочь и утѣшить огорченныхъ событіемъ родителей, и пробылъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не убѣдился что здоровье раненаго внѣ всякой опасности.

Глѣбъ Вячеславовичъ получалъ, какъ сказано выше, угрожающія и предупреждающія его о готовящемся на него покушеніи письма,—одно изъ нихъ, написанное приблизительно за 1/2 года до смерти, за подписью одного мѣстнаго ксендза было найдено въ карманѣ израненнаго Глѣба Вячеславовича и гласило, чтобы онъ избѣгалъ куда либо выходить и выѣзжать одинъ, такъ какъ бывшій недавно у него, З., на исповѣди нѣкій человѣкъ признался, что ему по жребію назначено убить (Глѣба Вячеславовича Станкевича) пана Начальника Дирекціи,

но покойный не придавалъ имъ значенія, и на мольбы жены и совѣты друзей беречься—отвѣчалъ: „кто и за что можетъ меня убить!“ и, какъ упомянуто выше, не прибѣгалъ никогда ни къ какимъ мѣрамъ осторожности.

Служебный долгъ свой онъ исполнялъ примѣрно. За истощеніемъ и безрезультатностью всѣхъ мѣръ воздѣйствія въ послѣднее печальное время для пользы и даже спасенія учебновоспитательнаго дѣла ему приходилось, конечно, увольнять на точномъ основаніи законовъ нѣкоторыхъ изъ неисправимо революціонныхъ школьныхъ учителей, но дѣлалъ онъ это лишь съ крайнимъ сожалѣніемъ, и попадавшимъ, вслѣдствіе увольненія отъ должности, въ затруднительное положеніе, тайно помогалъ изъ своихъ скромныхъ личныхъ средствъ.

Какъ же ему было не вѣрить, что его „не за что“ было убивать! Въ одномъ онъ только обманулся, это въ своей надеждѣ что во всѣхъ людяхъ, даже и нафанатизированныхъ, чувства разума, справедливости, христіанскаго благоразумія благодарности и незлобія поборятъ чувства ослѣпленія человѣконенавистничествомъ и низкою мстительностью.

Съ чисто христіанскимъ терпѣніемъ, смиреніемъ и твердостью духа онъ поборолъ всѣ нравственныя и физическія тяжкія, доставшіяся ему на долю, страданія и, непоколебимый и непоколебленный ничѣмъ, несъ до своего ужаснаго смертнаго конца крестъ, взятаго на себя служебнаго долга, честно, нелицемѣрно и по присягѣ вѣрно, чѣмъ произвелъ на всѣхъ его знавшихъ незагладимое впечатлѣніе. Онъ палъ жертвою, чисто звѣрскаго безумія, присвоившаго себѣ въ наши „культурные“ дни право постановлять смертные приговоры надъ людьми, ни въ чемъ неповинными, кромѣ развѣ одного святаго исполненія своего долга,—тогда, когда человѣчество подвергаетъ сомнѣнію право произнесенія смертныхъ приговоровъ надъ людьми даже въ порядкѣ законномѣрнаго суда за такія преступленія, какъ убійство.

Живя скромно, почившій и послѣ смерти не желалъ никакой пышности. Чтя послѣднюю волю его,—не возлагать вѣнковъ на его гробъ, а помочь въ память его дѣтскому пріюту,—никто не рѣшился украсить гробъ его ни однимъ

цвѣткомъ. Но искренняя скорбь о безвременно погибшемъ благородномъ, мужественномъ человѣкѣ, глубокое, уваженіе къ истинно русскому гражданину, свято исполнявшему до послѣдней минуты долгъ свой, преклоненіе передъ великой христіанской любовью, побудившей Глѣба Вячеславовича простить и не назвать узнаннаго имъ своего убійцы,—пусть будутъ неувядаемымъ вѣнкомъ на могилу его отъ всѣхъ насъ, любившихъ и глубоко уважавшихъ этого рѣдкаго человѣка, который даже въ послѣднія минуты жизни вспомнилъ о всѣхъ служившихъ съ нимъ и передалъ имъ свое благословеніе, какъ послѣднюю свою заботу о нихъ.

„Честность и преданность исполненію своего долга“ русская идеальная душевная доброта и незлобивость въ лицѣ убитаго Глѣба Вячеславовича Станкевича принесли дорогую жертву на алтарь отечества. „Оцѣнять ли ее?“ восклицалъ Х. въ некрологѣ, посвященномъ памяти Глѣба Вячеславовича Станкевича въ № 81 „Варшавскаго Дневника“ отъ 23 марта (5 апрѣля) 1906 года.

И долго семьѣ усопшаго во главѣ съ его вдовою, оставшейся, вдобавокъ ко всему, на послѣднихъ недѣляхъ беременности, пришлось еще оставаться въ гнетуще-горькой неизвѣстности... Кто знаетъ, можетъ быть заслуги покойнаго передъ Родиною такъ и остались бы не признанными, не прими въ судьбѣ сиротъ и вдовы Гл. Вяч. теплаго участія нѣкоторыя лица изъ Царской Семьи. Вдовѣ Гл. Вяч. никогда бы не справиться съ воспитаніемъ шести малолѣтнихъ дѣтей, не явись прежде всего свѣтлымъ солнечнымъ лучомъ высоко—участливое заступничество за нихъ вдовы незабвеннаго Великаго Князя Сергѣя Александровича, Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны. Великое милосердіе, оказанное сиротамъ Гл. Вяч. ВДОВСТВУЮЩЕЮ ИМПЕРАТРИЦЕЮ Маріей Ѳеодоровной, и милостивое вниманіе къ участи сыновей почившаго со стороны Великаго Князя Константина Константиновича, какъ нельзя лучше подтверждаютъ святую правду русской народной пословицы, гласящей, что: „за Богомъ молитва,—за Царемъ служба не пропадаютъ.

Константинъ Ѳаддеевичъ Снитко.

Приставъ, раненъ 20 декабря, скончался 27 дек. 1905 г. въ г. Тифлисѣ.

Родъ Снитко происходитъ изъ дворянъ Черниговской губ., прибывшихъ въ Западный край на усмиреніе 1-го польскаго мятежа и отличившихся при усмиреніи 2-го польскаго мятежа, когда одинъ С. К. И. былъ Вилепскимъ предводителемъ дворянства, сотрудникомъ графа Муравьева.

При закладкѣ костела въ м. Ольховичахъ К. Ѳ. Снитко навлекъ на себя преслѣдованіе поляковъ и ксендзовъ за то, что потребовалъ, чтобы на пергаментѣ, который кладется подъ первый камень фундамента, имя Государя было написано первымъ, а не послѣ имени Папы и епископа, какъ было написано на приготовленномъ ксендзами пергаментѣ, а

также протестовалъ противъ возмутительныхъ рѣчей ксендзовъ при этомъ.

Преданному слугѣ Престола и Отечества невыносимо было видѣть, что на Царскую Милость ксендзы отвѣчали яростной антиправительственной пропагандой и поношеніемъ православія, пользуясь для этого всякимъ случаемъ, съ ослабленіемъ православія ожидая ополяченія и отторженія края отъ Россіи. Таково было и содержаніе рѣчей ксендзовъ при закладкѣ костела въ м. Ольховичахъ. Надругательство надъ священными чувствами русскихъ людей возмущало К. Ѳ., онъ отобралъ пергаментъ, замѣнивъ его другимъ, гдѣ имя Государя было написано первымъ, и возбудилъ дѣло противъ ксендзовъ за антиправительственное содержаніе рѣчей. (Дѣло доходило до Министерства Вн. Дѣлъ). По долгу службы К. Ѳ. очень часто приходилось уличать ксендзовъ въ поношеніи православной вѣры. Мѣшалъ онъ и еврейско-польской революціонной пропагандѣ.

Сильна окрайная крамола, вездѣ сидятъ ея приспѣшники, пробирающіеся даже и туда, гдѣ и ожидать ихъ невозможно и угнетающіе вѣрныхъ слугъ Престола и Отечества! Не подумали русскіе люди во время объединиться и сплотиться на окраинахъ, а гдѣ и старались достичь этого, тамъ имъ всячески мѣшаютъ въ этомъ лѣвая пресса и администрація, въ лицѣ космополитовъ-кадетовъ и октябристовъ.

„Одинъ въ полѣ не воинъ“—и К. Ѳ. за службу идеѣ русской государственности нажилъ себѣ непримиримыхъ враговъ, преслѣдовавшихъ его клеветой и доносами и долженъ былъ перевестись изъ Западнаго края. Выживаніе русскихъ съ окраинъ—обычное явленіе, между тѣмъ какъ инородцы прекрасно устраиваются въ центрѣ Россіи

Въ то время на Кавказѣ былъ Главноначальствующимъ великій патріотъ и дальнозоркій государственный дѣятель—князь Голицынъ, принявшій К. Ѳ. на службу въ Тифлисъ приставомъ 9 уч., куда онъ и перевелся въ 1902 году.

При князѣ Голицынѣ русскіе люди вѣрили и знали, что отъ нихъ требуютъ службы на пользу русской государственности и князь дѣлалъ все, чтобы не угасалъ русскій духъ, вдохновлявшій тѣхъ, которые завоевывали погибельный Кав-

казъ, поливая его своей кровью. Служа Отечеству и Престолу, всѣ знали, что князь, своей русской душой, всегда съ ними, впереди ихъ, что, если придется кому сложить голову, князь не допуститъ, чтобы Родина какъ будто отвернулась отъ семьи его, пролившаго за Родину кровь свою.— И они служили, какъ сыны Россіи. Разорялись, терпѣли нужду при окладахъ 60-хъ годовъ, но удовлетворялись сознаніемъ, что это подвигъ на стражѣ государственныхъ интересовъ на далекой окраинѣ, что они, какъ на войнѣ, на отдаленной границѣ... Если на родинѣ не знаютъ еще объ ихъ страданіяхъ и стоновъ ихъ не слышатъ, то это пока, временно, и будетъ кому ихъ сыновнюю службу передъ Отечествомъ отличить, ихъ тяжкія муки помянуть: служили, какъ доблестные сыны Россіи.

Уѣхалъ князь и они стали пасынками Кавказа. Нескончаемыми рядами растутъ и растутъ могильные холмы, гдѣ схоронены умершіе въ страшныхъ мученіяхъ отъ ранъ и тѣлесныхъ, и душевныхъ одновременно, зарѣзанные, разорванные бомбами. Умирая, они спрашивали: „за что насъ покинули на убой, а семьи на разореніе? Но не знали, что покой ихъ будетъ нарушенъ и въ могилахъ: ихъ назвали „негодными отбросами“ тѣ, которые изъ раззолоченныхъ хоромъ посылали ихъ умирать полуголодными.

А кому нужно, чтобы Родина не отвернулась отъ ихъ обездоленныхъ семействъ?

Они, вѣдь, пасынки Кавказа.

При князѣ Голицынѣ русскимъ, прибывшимъ на Кавказъ, согласно закона объ особен. служ. въ отдаленномъ краю, возвращали прогоны; послѣ отъѣзда князя, для многихъ это стало затруднительнымъ.

Послѣ отъѣзда князя Голицына, прогоны К. Ѳ. отказались возвратить, не возвратили ихъ и семьѣ его даже послѣ того, какъ К. Ѳ., въ борьбѣ съ врагами государственности, сложилъ голову, а на полученіе полагавшагося по закону оклада семьѣ для возвращенія на родину—пришлось испрашивать Высочайшей Милости, при чемъ, хотя и было Высочайше повелѣно выдать все въ томъ размѣрѣ, какъ-бы

полагалось по закону, но прогоновъ все-таки не вернули, а только—пособіе для возвращенія на родину.

По отъѣздѣ кн. Голицына, прежде всего потребовали благожелательства къ туземцамъ, которые къ русскимъ никогда благожелательны не были и русскій человѣкъ видитъ это на каждомъ шагу.

Крамола стала вылѣзать изъ подполья, а матеріальныхъ средствъ для борьбы съ нею не отпустили именно тѣмъ, кто первый долженъ былъ сразиться и пострадать отъ крамольниковъ; приходилось тратить свои деньги, которые и не подумали возвратить, входить въ долги, живя при этомъ на оклады 60-хъ годовъ.

Низшей администраціи предоставили бороться собственными средствами и падать подъ пулями, которыя ждали изъ за каждаго угла всѣхъ тѣхъ, кто, получая жалованье, исполнялъ долгъ свой и не записывался членомъ въ какой-нибудь революціонный комитетъ, не будучи способенъ служить одновременно и Богу и чорту.

Нескончаемые ряды могилъ: вотъ гдѣ они теперь! А представитель администраціи назвалъ ихъ „негодными отбросами“ и для сиротъ ихъ убавили Высочайшее Повелѣніе 20 мая 1905 года!

Сначала разорялись, а потомъ падали подъ пулями революціонеровъ, оставляя семьи на милость тѣхъ, которые считали ихъ „негодными отбросами“.

У спротъ ихъ одна молитва къ Богу и Родинѣ.

— Доколѣ, о Господи!

За полгода до смерти К. Ѳ., 27 мая 1905 г. Виленскій Земельный Банкъ продалъ домъ его, а послѣ него, когда онъ былъ смертельно раненъ, осталось 9 душъ дѣтей, мать и жена.

За 3-4 мѣсяца до смерти К. Ѳ. тифлисскимъ полиціймейстеромъ былъ назначенъ Ц., извѣстный въ Тифлисѣ своимъ либерализмомъ, который онъ вскорѣ проявилъ 18 октября, обратившись съ милостивой рѣчью къ революціонной толпѣ, ходившей съ красными флагами; революціонеры подняли полиц. Ц. на „ура“ и пронесли по улицѣ. Съ этимъ Ц. пришлось бороться К. Ѳ. не на жизнь, а на смерть. Пе-

рипетіи борьбы становились извѣстны революціоннымъ комитетамъ и въ революціонныхъ газетахъ былъ объявленъ К. Ѳ. смертный приговоръ.

Патроновъ городовымъ до сего не давали. К. Ѳ. настаивалъ, чтобы ихъ поскорѣй выдали. Изъ-за этого вышло первое недоразумѣніе. Депутацію отъ городовыхъ, просившихъ патроновъ, Ц. назвалъ „хулиганами“ и прогналъ, сказавъ: „не нужно вамъ патроновъ“ и въ то же время поддержалъ ходатайство демократовъ-соціалистовъ о выдачѣ имъ казенныхъ винтовокъ. Винтовки выдали раньше демократамъ, а городовые получили ихъ только послѣ подавленія возстанія въ Москвѣ.

Вооруженные казенными винтовками демократы (винтовки получилъ Рамишвили, а кому онъ ихъ роздалъ: террористамъ, разбойникамъ или демократамъ—этого не сочли нужнымъ провѣрять—вѣрили Рамишвили, не довѣряя бывшимъ солдатамъ—городовымъ, помнившимъ присягу, что они доказывали, въ страшныхъ мученіяхъ сходя преждевременно въ могилу) прошли по городу и согнали, стоявшихъ по-одиночкѣ, почти безоружныхъ, городовыхъ, которые, не имѣя возможности противостоять въ одиночку цѣлому отряду, собрались при участкахъ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Тогда этому попытались придать видъ, что городовые сами покинули службу и хотѣли обвинить К. Ѳ., въ томъ, что онъ, якобы, вліялъ на нихъ. Ц. приказалъ производить дознаніе объ этомъ какъ разъ тогда, когда въ революціонныхъ газетахъ угрожали К. Ѳ. за то, что онъ не присталъ къ „союзу полицейскихъ“, отказавшихся отъ политическихъ обысковъ и арестовъ, что онъ производилъ обыски и аресты, всегда замѣняя отказывавшихся. На угрозы и уговоры не подвергать свою жизнь опасности—отвѣчалъ, что хотя бы и одинъ онъ, изъ всѣхъ приставовъ, останется вѣрнымъ долгу, но за нимъ есть еще 360 чел. городовыхъ, вѣрныхъ присягѣ, бывшихъ солдатъ. И, какъ въ Севастополѣ, нашлись люди, чтобы усмирять бунтъ, при чемъ отобрали пулеметы и арестовали 1600 чел.,—такъ и всегда, вездѣ найдутся люди, готовые сложить

головы за Государя и Отечество, за все то, чѣмъ велика, славна и сильна Россія!

Въ редакціи революціонной газеты „Возрожденіе“, при участіи редактора Готуа (впослѣдствіи онъ былъ посаженъ въ тюрьму), Ц. и др. видныхъ администраторовъ обсуждался вопросъ о передачѣ полиціи въ вѣдѣніе города, о чемъ Ц. объявилъ приставамъ въ своей канцеляріи, какъ о фактѣ рѣшенномъ.

Видя въ этомъ уловку усилить авторитетъ „союза полицейскихъ“, отказавшихся отъ борьбы съ крамолой, К. Ѳ. сталъ горячо спорить и доказывать, что даже въ конституціонныхъ странахъ, въ городахъ съ такимъ многочисленнымъ населеніемъ—полиція правительственная.

Узнавъ, что Ц. ходитъ на митинги забастовщиковъ въ Нахаловку (одно изъ предмѣстій Тифлиса), К. Ѳ., переодѣтый, съ нѣсколькими городовыми, пошелъ послушать что тамъ говорятъ и самъ увидѣлъ Ц. переодѣтымъ въ штатское платье и услышалъ, какъ Ц. говорилъ: „вся полиція на вашей (забастовщиковъ) сторонѣ—и обѣщалъ имъ помощь, когда потребуется. Тамъ были и агенты Охраннаго Отдѣленія, слышавшіе все это и, навѣрно доложившіе своему начальству. Однако, съ этой стороны, противъ Ц. ничего нельзя было предпринять, хотя весь городъ говорилъ о его дѣятельности.

Когда Ц. возвратился домой, К. Ѳ. арестовалъ его и повезъ къ губернатору, но губернаторъ, побесѣдовавъ съ полиціймейстеромъ въ кабинетѣ, вызвалъ, бывшаго предсѣдателя „союза“, пристава 10 уч. З, который заступился за Ц., увѣряя, что Ц. на митингахъ ничего не говорилъ. Губернаторъ сталъ кричать на К. Ѳ., предлагая подать въ отставку.

Тогда К. Ѳ. обратился къ начальнику штаба, незабвенному герою-мученику, впослѣдствіи убитому генералу Ѳ. Ѳ. Грязнову, уѣзжавшему въ Петербургъ отстаивать сохраненіе Кавказа для Россіи, защищать русскіе государственные интересы.

Черезъ нѣсколько дней Ц. былъ отстраненъ отъ должности, а К. Ѳ. смертельно раненъ.

Покушеніе было произведено при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

20 дек. 1905 г. забастовщики заставили торговцевъ закрыть магазины. Торговали только два магазина Кавк. Офицерскаго общества. Въ одинъ была брошена бомба. Тогда генералъ-губернаторъ приказалъ открыть всѣ магазины въ городѣ. Въ другихъ участкахъ открывали войска (офицеръ, начальствовавшій при этомъ, тоже былъ смертельно раненъ на слѣдующій день), а приставъ Снитко открылъ всѣ магазины въ своемъ участкѣ самъ—и два часа стоялъ съ городовыми, ожидая, обѣщавшаго пріѣхать, новаго полиціймейстера, доблестнаго полковника Мартынова, чтобы вмѣстѣ отправиться открывать магазины въ другихъ участкахъ.

Въ это время помощникъ пристава Саванелли отозвалъ К. Ѳ. отъ стоявшихъ съ нимъ, городовыхъ и, когда проходящая публика скрыла ихъ съ глазъ городовыхъ, два злоумышленника стали стрѣлять; приставъ Снитко упалъ а Саванелли бросился бѣжать. Злоумышленники скрылись. Какъ говорятъ, ихъ потомъ задержали съ бомбами. Это оказались Мрацваловъ и Вассеръ-Гурштейнъ, при попыткѣ бѣжать, въ послѣдствіи убитые конвоемъ, который велъ ихъ въ тюрьму. Въ конвой стали стрѣлять изъ сосѣднихъ домовъ, арестанты вырвались, конвойнымъ пришлось стрѣлять Арестанты были убиты и у одного изъ нихъ, Гурштейна, нашли записную книжку, въ которую злодѣй записывалъ своихъ жертвъ, и собственноручно написалъ: „я, 20 дек., тяжело поранилъ пристава Снитко и“...

Такъ передавали на похоронахъ пристава. На праведный судъ Господень—и невинный страдалецъ, и его убійца предстали вмѣстѣ.

Самой тяжелой оказалась у К. Ѳ. рана въ правую сторону груди на вылетъ. Пуля пробила почку, или печень.

Прискакавшій на выстрѣлы офицеръ отвезъ раненаго въ Михайловскую больницу въ безсознательномъ состояніи.

Первую перевязку дѣлалъ не хирургъ, а дежурный докторъ.

Раненый, мертвенно блѣдный, въ холодномъ поту, долго лежалъ безъ пульса и на него не больше обращали вни-

манія, чѣмъ на раненыхъ революціонеровъ, переполнявшихъ Михайловскую больницу.

Въ кучкѣ стоявшихъ у больницы городовыхъ вспоминали, какъ недавно К. Ѳ. приказалъ сорвать съ больницы, развѣвавшійся въ „дни свободъ"—красный флагъ и разсказывали, что террористы приходили угрожать докторамъ смертью, если они будутъ лѣчить пристава. Извѣстный на Кавказѣ хирургъ, д. Розенбаумъ нѣсколько разъ повторялъ, что для К. Ѳ. капля воды—ядъ, совѣтуя ограничиваться только глотаніемъ льда. Но д. Ширадовъ все время настаивалъ, что давать пить воду—можно. Пока придерживались совѣта д. Розенбаума, вылѣчившаго отъ такого точно ранения артиста Боярскаго, раненому, при богатырскомъ тѣлосложеніи, становилось лучше. Онъ даже разсчиталъ жалованье для всѣхъ своихъ городовыхъ (больше 1000 р. бывш. при немъ въ моментъ покушенія). Но когда дали пить—сталъ такъ мучиться, что почти помѣшался.

Послѣднія двое сутокъ своей жизни все говорилъ и говорилъ, не умолкая, споря и доказывая мнимоприсутствующему начальству, что по совѣсти отстаивать государственные интересы и величіе Россіи надо иначе.

Потрясающее впечатлѣніе производили убѣдительныя слова умирающаго и его укоры кадетствующимъ попустителямъ, лицемѣрамъ и отступникамъ-трусамъ.

На страшно пожелтѣвшемъ лицѣ страдальца, грозно сверкали огромные, черные глаза и слова умирающаго падали, какъ капли раскаленнаго свинца, въ холодной отдаленной комнатѣ запущеннаго бывшаго отдѣленія для заразныхъ Мих. больницы.

Дрожали, какъ въ лихорадкѣ, закутываясь въ шубы, сидѣвшіе при несчастномъ близкіе и два городовыхъ, а онъ все просилъ снять простыню казавшуюся тяжелой и положить ее на полъ.

О, за что эти нечеловѣческія муки!

Какіе потоки крови ни проливали бы изступленные звѣри—другой сейчасъ же становится на мѣсто убитаго.

Авторъ статьи „Не убій", темой ея взялъ бы нелицемѣрно другія убійства, противъ нихъ протестовалъ бы, если

бы услыхалъ и увидалъ, какъ умирали люди, убиваемые за исполненіе своего долга. Многимъ гадко стало бы читать разныя „сказанія о семи повѣшенныхъ“, разныя книжки въ красныхъ обложкахъ, т. н. „освободительной“ литературы, если бы послушали, что говорилъ, умирая, К. Ѳ. и посмотрѣли, какъ умирали городовые, казаки, въ мукахъ за службу по совѣсти Царю и Отечеству, за святое исполненіе того, что они считали долгомъ.

Доблестнаго полковника Мартынова К. Ѳ. просилъ передать Его Сіятельству послѣднюю просьбу: „моей вдовѣ полную пенсію“, но просьба умирающаго не была исполнена.

Въ ночь съ 27-го на 28 декабря раненый тихо скончался.

Господь сказалъ: Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ.

Василій Зиновьевичъ Акимовъ.

Убитъ въ ночь на 8 ноября 1907 года вблизи ст. Голта, Ананьевскаго уѣзда. Херсонской губ.

В. З. Акимовъ—старый солдатъ и вѣрный слуга Царю и Отечеству, участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ и былъ раненъ въ обѣ ноги. Жилъ онъ со своимъ семействомъ, состоящимъ изъ семи человѣкъ, въ м. Голта, Ананьевскаго уѣзда, Херсонской губ., гдѣ имѣлъ каретную мастерскую, въ которой работалъ самъ со своими дѣтьми.

Въ ежедневныхъ трудахъ протекла жизнь семьи Акимова. Василія Зиновьевича всѣ уважали и любили, какъ честнаго работника, прекраснаго семьянина и добраго сосѣда. Отличительной чертой поведенія Василія Зиновьевича и его семьи была набожность.

Русская его натура сказалась особенно въ дни революціоннаго движенія съ 17 октября 1905 г., когда В. З. Акимовъ открыто и мужественно выступилъ противъ крамольниковъ, защищая святыя идеи Православія, Самодержавія и Русской Народности.

Еще въ 1904 году В. З. Акимовъ показалъ себя истиннымъ патріотомъ и неустрашимымъ борцомъ за „Вѣру, Царя и Отечество“. Еще тогда онъ, какъ вѣрный сынъ Царя и Родины, публично выступалъ передъ отправляющимися на Дальній Востокъ запасными солдатами и убѣждалъ ихъ не слушать злокозненныя рѣчи агитаторовъ-инородцевъ. Не смотря на преслѣдованіе враговъ, Акимовъ всегда появлялся среди отъѣзжающихъ на Дальній Востокъ запасныхъ солдатъ, преподносилъ имъ иконы, раздавалъ крестики, при чемъ онъ именемъ русскихъ людей умолялъ ихъ постоять за Вѣру, Царя и Отечество. Показывая свои раны, которыя получилъ во время русско-турецкой войны, онъ говорилъ, что это печать служенія его родинѣ. Очень часто приходилось Акимову разгонять еврейскихъ агитаторовъ, но къ сожалѣнію не было у него помощниковъ, а „власть имущіе“, когда онъ доносилъ имъ о продѣлкахъ „освободителей“, не обращали на это никакого вниманія.

Однажды В. З. Акимову пришлось ѣхать по желѣзной дорогѣ въ одномъ вагонѣ съ компаніей студентовъ. Во время общаго разговора на политическія темы, одинъ изъ студентовъ — еврей позволилъ себѣ выразиться крайне оскорбительно по адресу особы Государя Императора. И вотъ здѣсь-то и сказалась чистая русская натура Василія Зиновьевича. Не стерпѣлъ онъ такой жестокой обиды.

— Царя моего оскорблять не позволю никому! — вскрикнулъ возмущенный Акимовъ, и ударилъ еврея по лицу.

Затѣмъ на первой станціи самъ заявилъ объ этомъ жандарму и просилъ арестовать его, Акимова, нанесшаго ударъ еврею и послѣдняго, оскорбившаго личность Государя. Но жандармъ, выслушавъ спокойно заявленіе Акимова, отпустилъ обоихъ...

Когда наступило для Россіи лихолѣтье, а на языкѣ враговъ-инородцевъ началось „освободительное движеніе“, когда по всему лицу земли русской запылали пожары помѣщичьихъ усадебъ и токовъ, когда поднялась страшная смута въ народѣ, а начальство и власть растерялись, тогда, на защиту попираемаго имени Св. Руси, выступили неизвѣстные дотолѣ, истинные сыны отчизны, тѣ русскіе люди, которые

животъ свой положили за родину, не давъ ее на растерзаніе врагамъ.

Когда въ м. Голта, Аначьевскаго уѣзда, Херсонской губерніи и вблизи лежащихъ городахъ — Ольвіаполѣ и Богополѣ, населенныхъ большею частью евреями, поднялась смута, когда евреи и еврействующіе неистовствовали и даже было захватили въ свои руки власть, а полиція бездѣйствовала, тогда первымъ выступилъ противъ непрошенныхъ гостей, сдѣлавшихся хозяевами положенія, неустрашимый В. З. Акимовъ. Онъ, и только онъ одинъ, боролся здѣсь съ крамольниками до послѣдней минуты своей жизни. Будучи окруженъ врагами, Василій Зиновьевичъ вездѣ являлся защитникомъ интересовъ русскихъ людей; онъ убѣждалъ простой народъ не переходить на сторону враговъ-агитаторовъ, смѣло и открыто обличалъ ихъ, а когда ему угрожали смертью, онъ обыкновенно говорилъ: «я умру, но дѣло мое не умретъ».

Съ открытіемъ въ г. Елисаветградѣ отдѣла Союза Русскаго народа, В. З. Акимовъ, въ числѣ первыхъ, записался въ члены Союза и съ того времени (декабрь 1905 г.), выступилъ въ рѣшительный бой съ врагомъ.

Сдѣлавшись союзникомъ, онъ еще съ большей энергіей, и еще сильнѣе сталъ работать на благо своей родины.—Въ сосѣднемъ городѣ Ольвіаполѣ онъ всегда бывалъ на базарѣ и здѣсь раздавалъ людямъ газету «Вѣче» и патріотическія брошюры. Когда, бывало, начнетъ говорить онъ о Союзѣ, о томъ, что хозяевами русской земли должны быть только русскіе люди, а не инородцы, то сейчасъ же появлялись озлобленные еврейчики и забрасывали оратора гнилыми яблоками и другими негодными предметами. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ Акимовъ обязательно ходилъ въ церковь, и по окончаніи богослуженія останавливалъ народъ и здѣсь же, на церковной площади раздавалъ народу воззванія, брошюры, убѣждалъ объединиться въ союзъ и стать на защиту Царя и Родины. Какъ только получитъ изъ Союза новыя воззванія, Акимовъ тотчасъ же расклеивалъ ихъ по городу, а затѣмъ отправлялся на вокзалъ и тамъ собиралъ вокругъ себя народъ, бесѣдуя съ нимъ нѣсколько часовъ подъ рядъ, въ заключеніе каждаго награж-

далъ полученными листками, строго наказывая, по прочтеніи, передать своему знакомому.

Нерѣдко видѣли Акимова и на сельскихъ базарахъ, гдѣ собирая крестьянъ, онъ убѣждалъ ихъ не слушаться еврейчиковъ и спокойно ожидать разрѣшенія земельнаго вопроса въ Г. Думѣ. При этомъ предлагалъ записываться въ Союзъ. Многіе изъ крестьянъ, по рекомендаціи В. З. Акимова, записались въ члены Елисаветградскаго отдѣла С. Р. Н. и въ настоящее время являются лучшими и стойкими союзниками мѣстнаго отдѣла.

Но враги В. З. Акимова по пятамъ слѣдили за нимъ, и чѣмъ только могли—вредили ему и семьѣ его. У Акимова была каретная мастерская и вотъ, если ему нужно было купить въ мѣстечкѣ что-либо изъ матеріала, то съ него брали всегда дороже, а въ послѣднее время и совсѣмъ не продавали Акимову товаръ, такъ что бѣдняку приходилось ѣздить въ другой городъ за необходимымъ для мастерской матеріаломъ.

Но все-таки Василій Зиновьевичъ не оставлялъ своей миссіи и не смотря на то, что дѣла по мастерской сильно пошатнулись, не падалъ духомъ, надѣясь на лучшее будущее; онъ былъ увѣренъ, что русскій народъ объединится и побѣдитъ своихъ враговъ.

Но не пришлось страдальцу увидѣть плоды своихъ трудовъ. Между тѣмъ съ каждымъ днемъ Акимову и семьѣ его жить становилось все труднѣе и трудпѣе. Еврейская месть не знала границъ: во всѣхъ еврейскихъ лавкахъ м. Голты для семьи Акимова не отпускали никакихъ товаровъ, такъ что приходилось обращаться къ сосѣдямъ, которые и покупали для Акимова продукты.

При такомъ положеніи жить въ м. Голта Акимову и семьѣ его не было никакой возможности. Дѣла его совершенно пали, семья терпѣла большіе недостатки и непріятности, а евреи продолжали свой злостный бойкотъ. Старшая дочь В. З. Акимова разсказывала, что когда отецъ получилъ первое подметное письмо, въ которомъ „неизвѣстный“ совѣтовалъ Акимову уйти изъ Союза и оставить свою дѣятельность, такъ какъ мѣстный комитетъ партіи с.-р. приговорилъ его

къ смерти, и когда семья стала упрашивать отца переѣхать куда-либо въ другое мѣсто, или отказаться отъ Союза, то Василій Зиновьевичъ наотрѣзъ отказалъ семьѣ въ этомъ, при чемъ заявилъ, что онъ никогда измѣнникомъ не былъ и не будетъ, *а если его убьютъ, то русскіе люди помогутъ сиротамъ*... и еще съ большей энергіей сталъ распространять идеи Союза, раздавать воззванія и брошюры и вообще подготовлять почву для открытія въ м. Голта самостоятельнаго отдѣла С. Р. Н.

Подметныя письма стали получаться чаще... и вотъ въ послѣднемъ письмѣ, полученномъ 7-го іюня 1907 г. анонимный авторъ совѣтовалъ Акимову совершенно выѣхать изъ Голты, или перестать распространять правую литературу, не собирать народъ на площадяхъ базара и церкви и навсегда отказаться отъ Союза, въ противномъ случаѣ угрожалъ смертью.

Не смотря на все это, Акимовъ продолжалъ свое дѣло. Объ одномъ только онъ скорбѣлъ: онъ замѣчалъ, что мѣстный земскій начальникъ покровительствовалъ евреямъ и когда этотъ администраторъ узналъ о полученныхъ Акимовымъ угрожающихъ письмахъ, онъ совѣтовалъ ему бросить Союзъ. Однажды з. начальникъ призываетъ къ себѣ Акимова и говоритъ ему: „О какомъ такомъ Союзѣ вы, г. Акимовъ, проповѣдуете? къ чему это вамъ? на васъ приходили жаловаться. что вы подготовляете погромъ“. Больно было русскому человѣку выслушивать подобныя слова отъ русскаго же человѣка, да еще земскаго начальника.

Ни слова не отвѣчая ему, Акимовъ поспѣшно вышелъ изъ камеры начальника и спустя нѣсколько минутъ опять пришелъ, принеся съ собою кипу воззваній о Союзѣ Русскаго Народа и нѣсколько брошюръ.

— А вотъ г. земскій начальникъ, что такое Союзъ; прочтите эту литературу сами, да потомъ на сходкахъ крестьянскихъ раздайте, тогда и узнаете, о чемъ я проповѣдую и что такое Союзъ.

Таковъ былъ отвѣтъ искренне-убѣжденнаго патріота — Акимова. Не понравились земскому начальнику эти про-

стыя, но справедливыя слова Акимова; смущенный администраторъ тихо отвѣтилъ:

— Это не мое дѣло (??).

Каждый день вечеромъ В. З. Акимовъ ходилъ на вокзалъ, куда приносилъ для чтенья издававшіяся въ то время всѣ правыя газеты: „Вѣче“, „За Царя и Родину“, „Другъ“ и другія, и здѣсь открыто читалъ ихъ народу. Постоянные посѣтители вокзала — евреи всячески старались помѣшать Акимову, возбуждая простой народъ противъ него, или просто подсылали подкупныхъ агитаторовъ изъ русскихъ, которые напосили Акимову всевозможныя оскорбленія и даже бранили его. Но Василій Зиновьевъ всегда выходилъ побѣдителемъ и несмотря на то, что всегда оставался въ одиночествѣ, продолжалъ свое дѣло безстрашно, открыто и смѣло. Пишущему эти строки нерѣдко приходилось бывать въ Голтѣ по дѣламъ службы и быть свидѣтелемъ открытыхъ выступленій Акимова противъ крамольниковъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до убійства, домъ Акимова посѣтилъ одинъ студентъ, отрекомендовавшійся сыномъ курскаго купца Смирнова. Совершенно незнакомый семьѣ и самому Акимову, этотъ молодой человѣкъ выдавалъ себя за студента Одесскаго университета. Зная, что Акимова приговорили къ смертной казни, онъ нарочно остановился въ Голтѣ и пришелъ предупредить семью о готовящемся покушеніи на жизнь ихъ отца.

При этомъ незнакомецъ передалъ содержаніе нѣкоторыхъ угрожающихъ писемъ, полученныхъ Акимовымъ и открылъ кто дѣйствительные враги В. З. Акимова; это два мѣстныхъ врага, оба евреи — Н. и М. Послѣ посѣщенія дома Акимова студентомъ, семья уговорила отца не выходить по вечерамъ изъ дома и на вокзалъ. За нѣсколько дней до убійства, Акимовъ сталъ замѣчать, что за нимъ слѣдятъ двое молодыхъ людей, которые всегда появлялись тамъ, гдѣ бывалъ Акимовъ и даже днемъ. 7 ноября 1907 года В. З. Акимову необходимо было пойти на вокзалъ по очень важному и серьезному дѣлу.

И вотъ въ этотъ роковой вечеръ, возвращаясь домой, около 10 часовъ вечера, недалеко отъ станціи Голта, Васи-

лій Зиновьевичъ былъ убитъ. Злодѣи сдѣлали свое дѣло, не пожалѣли восьми спротъ, оставшихся послѣ смерти отца совершенно безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Не дожилъ онъ, мученикъ, за русское святое дѣло до открытія въ м. Голта, въ этомъ революціонномъ еврейскомъ гнѣздѣ, отдѣла С. Р. Н.—до открытія котораго оставалось всего семь дней.

14 ноября В. З. Акимовъ съ немногими своими единомышленниками долженъ былъ торжественно праздновать открытіе въ мѣстѣчкѣ Голта самостоятельнаго отдѣла С. Р. Н. Уже было все приготовлено къ тому, нанято помѣщеніе для Союза, и спрошено разрѣшеніе, оповѣщенъ народъ, приглашены почетные гости но... Господу Богу угодно было взять къ Себѣ труженика-борца. Въ ночь на 8-ое ноября, день памяти Св. Архистратига Михаила В. З. Акимова не стало.

— Я умру, но дѣло мое, дѣло русское не умретъ.—Завѣтныя и пророческія слова усопшаго истинно-русскаго человѣка В. З. Акимова. Его убили, но на крови этого страдальца уже зародилось, растетъ и выростаетъ „русское дѣло“—Голтянскій отдѣлъ С. Р. Н.

Генералъ-Лейтенантъ Александръ Ивановичъ Вестенрикъ.

Генералъ-Лейтенантъ Александръ Ивановичъ Вестенрикъ происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. Родился 5-го Марта 1844 году. Получивъ образованіе во 2-ой Петербургской Классической гимназіи и Константиновскомъ военномъ училищѣ, онъ 8-го Августа 1863 года вступилъ на службу подпоручикомъ въ С.-Петербургскій Вильгельма III полкъ. Затѣмъ 8-го Іюля 1866 года былъ прикомандированъ къ Л. Гв. Литовскому полку, въ который и перевелся, спустя четыре мѣсяца.

Александръ Ивановичъ не ограничивался своими спеціальными занятіями и слѣдилъ за современными задачами и развитіемъ военнаго дѣла вообще. Военные успѣхи Пруссіи, конечно, заставляли задумываться молодого офицера надъ положеніемъ нашего пограничья съ его оборонительными

линіями крѣпостей. Попытка осажденныхъ парижанъ въ 1871 году возстановить почтовое сообщеніе при посредствѣ голубей, повидимому, привлекла его особое вниманіе.

По крайней мѣрѣ въ Декабрѣ 1875 года онъ уже въ качествѣ знатока дѣла былъ командированъ въ спеціальную Комиссію по разработкѣ принциповъ голубиной почты. Въ Сентябрѣ 1876 г. Генералъ Вестенрикъ былъ назначенъ завѣдующимъ голубиною почтой, а въ 1877 году въ Варшавѣ по этой части имъ было издано первое русское руководство „Почтовый Голубь".

Занимаясь военно-техническими вопросами, Александръ Ивановичъ не впадалъ, однако, въ односторонность и придавалъ первенствующее значеніе въ военномъ дѣлѣ сторонѣ нравственной. Свои взгляды на долгъ и обязанности, связанныя съ высокимъ званіемъ офицера, Александръ Ивановичъ раскрывалъ на страницахъ военной періодической печати

Послѣ перевода своего въ пограничную стражу генералъ Вестенрикъ быстро сталъ подыматься по ступенямъ іерархической лѣстницѣ. Но такое движеніе по службѣ не было слѣдствіемъ протекціи, которой онъ не имѣлъ и не искалъ; оно являлось результатомъ стойкости и добросовѣстности генерала при исполненіи всякаго порученнаго ему дѣла. Эта именно добросовѣстность и дѣловитость и обращали на себя общее вниманіе.

Съ своей стороны и самъ Александръ Ивановичъ умѣлъ, цѣнить и выдвигать людей съ такими качествами, какія воспитывалъ въ себѣ самомъ. Генералъ въ служебномъ дѣлѣ былъ строгъ, но онъ входилъ въ жизнь своихъ подчиненныхъ, входилъ въ ихъ внутренній міръ, подолгу иногда бесѣдуя съ ними, разузнавалъ о ихъ нуждахъ и чѣмъ могъ помогалъ при случаѣ. Твердо исповѣдуя, что основа Христолюбиваго воинства есть вѣра Христова, Александръ Ивановичъ особенное вниманіе обращалъ на религіозную сторону своихъ подчиненныхъ и даже на собственныя средства снабжалъ каждаго солдата книжкою святаго Евангелія. Если бы у насъ было побольше такихъ близкихъ къ солдатамъ командировъ, какимъ былъ генералъ Вестенрикъ, то враги не имѣли бы и тѣхъ ничтожныхъ успѣховъ въ дѣлѣ проповѣди измѣны,

какіе они кое гдѣ имѣли въ рядахъ арміи и флота за время смуты и возстаній. Если у насъ немного Вестенриковъ, то все же отрадно уже то, что они у насъ не остаются незамѣченными. Александръ Ивановичъ былъ удостоенъ особаго Монаршаго благоволенія, объявленнаго въ Высочайшемъ приказѣ по пограничной стражѣ 20-го Января 1889 года. Онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3-ей степени, св. Анны 2-ой степени, св. Станислава 1-ой степени, бронзовой медали за усмиреніе мятежа 1863—64 года и прочими до медали за перепись 1897 г. включительно. Кромѣ всего этого генералъ Вестенрикъ былъ три раза удостаиваемъ Высочайшей денежной награды.

Была у Александра Ивановича еще одна награда, скромная, незамѣтная, но съ нею покойный всю жизнь никогда не разставался. Награда эта—небольшое простое Евангеліе; его купили солдаты на свои гроши и поднесли своему генералу, прощаясь съ нимъ при назначеніи его на другую должность.—Не дорогой подарокъ, но ему—цѣны нѣтъ: въ немъ сказалась та духовная связь, къ достиженію которой всю жизнь стремился Александръ Ивановичъ, и которая жила въ сердцахъ начальника и подчиненныхъ.

Александръ Ивановичъ всегда работалъ надъ самообразованіемъ: много читалъ и самъ писалъ въ журналахъ. Онъ любилъ классическое искусство, рисовалъ и занимался музыкой. Онъ любилъ природу, и купивъ клочекъ песчаной земляцы, преобразилъ ее въ цвѣтущій оазисъ.

Послѣдніе годы жизни, генералъ Вестенрикъ состоялъ начальникомъ 3-го округа пограничной стражи въ Одессѣ. Условія жизни здѣсь были прекрасны, но его тянуло въ Варшавскій округъ, поближе къ своему оазису. Его желаніе исполнилось, но имѣло въ его судьбѣ роковое значеніе: Въ 1906 году, по смерти генерала Усова, онъ получилъ назначеніе завѣдывать 3 округомъ Варшавской пограничной стражи. Генералъ Вестенрикъ дѣятельно принялся за работу. 14-го Іюля онъ долженъ былъ посѣтить мѣстность Гербы къ вечеру и затѣмъ по желѣзной дорогѣ возвратиться въ Варшаву. Въ предположенный срокъ, генералъ отправился къ поѣзду вмѣстѣ съ командиромъ бригады, генералъ маіо-

ромъ графомъ Цукато и въ сопровожденіи полковника Брезицкаго. Лошади попались плохія, пришлось опоздать къ поѣзду и выѣхать въ Варшаву только утромъ 15-го Іюля. Это было то лѣто, когда вспышки революціи начали уже выраждаться въ экспропріаціи частнаго и казеннаго имущества.

Дня за три до 15 Іюля въ Ченстоховѣ полиціей были замѣчены три подозрительныхъ лица, что-то выслѣживавшихъ. Ихъ арестъ несомнѣнно предупредилъ бы преступленіе, но въ это время дѣйствовала Г. Дума изъ депутатовъ тюремнаго ценза. Арестъ революціонеровъ ради предупрежденія ими замѣченнаго злодѣянія непремѣнно повелъ бы къ предъявленію запроса правительству о, якобы, беззаконныхъ дѣйствіяхъ власти. Арестовывать только подозрѣваемыхъ, когда въ Г. Думѣ шла рѣчь объ амнистіи уже уличенныхъ и осужденныхъ,—было странно. Итакъ, въ Ченстоховѣ революціонеровъ не задержали.

Въ поѣздѣ, съ которымъ выѣхалъ въ Варшаву генералъ Вестенрикъ съ графомъ Цукато и полковникомъ Брезицкимъ ѣхалъ также, въ вагонѣ 3-го класса, казначей Гербской таможни съ досмотрщикомъ, имѣвшимъ на себѣ сумку съ крупными деньгами. Въ этотъ же вагонъ сѣла компанія какихъ-то семерыхъ людей. Евреи, очевидно, предупрежденные о предстоящей катастрофѣ одинъ за другимъ покинули вагонъ. Тогда экспропріаторы-освободители стали разстрѣливать всѣхъ бывшихъ въ вагонѣ, начавъ съ досмотрщика. Одинъ изъ двухъ, бывшихъ при казначеѣ, конвойныхъ, отчаянно защищался и успѣлъ убить одного революціонера, другого ранилъ, но былъ все таки убитъ какъ и всѣ прочіе. Стрѣльба шла какъ въ сраженіи и стихла, когда все было кончено.

Думая, что на поѣздъ сдѣлано нападеніе снаружи, генералъ гр. Цукато и полковникъ Брезицкій пошли разузнать въ чемъ дѣло и поддержать солдатъ, оставивъ генерала Вестенрика въ вагонѣ. Брезицкій возвратясь сказалъ, что снаружи вагоновъ никого нѣтъ. „Но гдѣ же графъ Цукато"?—спросилъ Александръ Ивановичъ, и пошелъ съ Брезицкимъ разыскивать его въ вагонѣ 3-го класса. Скоро графъ

былъ найденъ убитымъ; онъ стоялъ на колѣняхъ, прислонившись головой къ стѣнѣ платформы и казался еще живымъ: надо было торопиться его унести. Несчастный былъ уже втащенъ въ вагонъ 1-го класса, когда у тѣла графа генералъ Вестенрикъ былъ замѣченъ экспропріаторами. Сзади его раздался выстрѣлъ и пуля пришлась ему въ спину. Александръ Ивановичъ быстро оберпулся въ сторону выстрѣла, но оттуда раздались еще и еще выстрѣлы и генералъ упалъ пораженный въ шею и животъ. Одна изъ пуль попала въ часы, вогнала ихъ въ животъ, гдѣ затѣмъ ихъ части разошлись въ разныя стороны. Полковникъ Брезицкій тоже былъ замѣченъ экспропріаторами и упалъ съ прострѣленной рукой.

Пройдя верстъ шесть, поѣздъ прибылъ въ Ченстоховъ. Генералъ Вестенрикъ еще дышалъ. Въ погоню за убійцами посланъ былъ эскадронъ Митавскаго полка, который и подобралъ раненаго разбойника.

Не одно сердце дрогнуло при горестной вѣсти о трагической и безвременной кончинѣ Александра Ивановича, не одна сирота оплакивала въ немъ сердечнаго, отзывчиваго отца-благодѣтеля.

Тѣло генерала Вестенрика было перевезено въ Варшаву и 18 іюля похоронено на лютеранскомъ кладбищѣ, въ фамильномъ склепѣ. Хоронили Александра Ивановича съ воинскими почестями. Масса военныхъ провожала тѣло любимаго и уважаемаго товарища-сослуживца; солдаты провожали своего отца-командира. Могилу украшало множество возложенныхъ вѣнковъ; между ними виднѣлся вѣнокъ— „Вѣрному долгу и присягѣ отъ Русскихъ людей“.

Иванъ Федоровичъ Пырскій.
Помощникъ Начальника Радомской тюрьмы, убитъ 1-го іюля 1906 г.

Былъ 1906 годъ. Надъ Русской Землей повисла черная зловѣщая туча... Ураганомъ налетѣли на Матушку-Россію, злые вихри, закружили ее въ своей бѣсовской пляскѣ и какъ будто наслаждались той ужасной сумятицей, которую они принесли съ собою... Русскій народный духъ, до тѣхъ поръ такой могучій, крѣпкій и гордый смутился, поколебался, сталъ слабѣть и ломаться подъ напоромъ злыхъ силъ... А, злыя силы, пользуясь временной слабостью народнаго духа, крѣпли, наглѣли, и все болѣе и болѣе покоряя себѣ русскіе умы и сердца, овладѣвали Русской Землей... Застонала Матушка Россія, изо всѣхъ силъ выбиваясь, чтобы вырваться изъ злобныхъ, цѣпкихъ объятій... Крупный кровавый потъ выступилъ на ея изможженномъ, измученномъ лицѣ...

То, чѣмъ силенъ и крѣпокъ русскій народъ—православ-

пая вѣра, патріотизмъ и Самодержавный Царь—эти главные и могучіе устои русской жизни, пошатнулись отъ налетѣвшаго злого революціоннаго вихря и вотъ-вотъ готовы были рухнуть... А съ ихъ паденіемъ рухнуло-бы и то великое, огромное зданіе Россійскаго Государства, которое строилось съ такимъ упорствомъ, любовью и трудомъ такъ много вѣковъ...

Но нѣтъ, не такъ легко и просто злымъ силамъ революціонной крамолы побѣдить и подчинить себѣ русскій народъ... Въ немъ живы еще и во вѣки не умрутъ тѣ религіозные, семейные и политическіе идеалы и завѣты, которые въ немъ заложены испоконъ вѣковъ и продолжаютъ горѣть въ сердцѣ каждаго настоящаго русскаго человѣка, любящаго свою вѣру, Родину и Царя....

Тяжело и страшно стало жить на Руси съ 1905 года, когда злая сила—революція съ ея наглыми приспѣшниками нахлынула на Русскую Землю и залила ее кровью... Измѣна, грабежи, поджоги, убійства, признаваемые по всѣмъ общимъ нравственнымъ и государственнымъ кодексамъ преступленіями, теперь стали возводиться революціонерами и ихъ явными и тайными сотрудниками чуть-ли не въ геройство и подвиги, а наказанія за нихъ стали считаться не только не заслуженными и несправедливыми, но даже стали признаваться проявленіями варварства надъ героями, достойными мученическаго вѣнца. Вѣдь вся наша революція дѣлалась во имя „великаго освободительнаго движенія“, для „завоеванія народу земли и воли, для его личнаго блага“ и понятно, ради этихъ великихъ, по смыслу и глубинѣ, принциповъ шли и гибли многіе и многіе русскіе люди, которые слѣпо вѣрили въ скорое осуществленіе этихъ безсмертныхъ истинъ, а въ то же время проповѣдники этихъ „освободительныхъ идей“ злобно хихикали и подсмѣивались, видя, какъ русскіе люди легко попадаются въ разставленныя сѣти, цѣною своей крови добиваясь созданія такого государственнаго строя, при которомъ всѣ эти адепты революціи оказались-бы на высотѣ власти и почета.

И вотъ, загремѣли выстрѣлы, стали разрываться бомбы, нанося смертельныя раны вѣрнымъ слугамъ Царя.... Гибли

вѣрные сыны своей Родины, но часто вмѣстѣ съ ними гибли и убійцы ихъ, „освободители“ Россіи отъ „устарѣлаго ненавистнаго самодержавнаго строя и преданныхъ этому строю людей“....

И Земля Русская обильно поливалась кровью русскихъ. людей и ѣдкими, горькими слезами ихъ женъ, матерей и дѣтей, оставшихся одинокими и безпомощными на своемъ жизненномъ пути....

Надо было быть человѣкомъ особенно честнымъ, твердымъ, рѣшительнымъ и смѣлымъ, чтобы оставаться вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, Царю и присягѣ, преданныхъ своей родинѣ и долгу въ это смутное, тяжелое время. Но люди-богатыри не перевелись на Руси, и пока жива Матушка-Россія, живы и вѣрные сыны ея, которые отдадутъ послѣднюю каплю крови за ея могущество, славу и Самодержавнаго Царя... О, какъ ненавидятъ такихъ преданныхъ слугъ отечества революціонеры, какъ жаждутъ они смерти и полнаго уничтоженія ихъ... Ни передъ какой жестокостью не останавливаются эти палачи, только чтобы добить до конца свою жертву и насладиться ея мученіями и страданіями... Кто-бы ни былъ этотъ преданный слуга Родины, какого-бы званія и чина, какой-бы постъ онъ ни занималъ, для фарисеевъ-„освободителей“ онъ былъ— врагъ, котораго надо безпощадно уничтожать, чтобы добиться своей цѣли. И гибнутъ, и гибли сотнями вѣрные русскіе люди, не отступившіе ни на іоту отъ своихъ твердыхъ убѣжденій, отдавая жизнь за свои идеалы, оставляя въ сердцахъ своихъ единомышленниковъ и послѣдователей свѣтлую, неизгладимую память и невыразимую благодарность за ихъ героизмъ и преданность Царю и Отечеству.

Іюльскій теплый вечеръ... Мягкой неслышной поступью сошла ночь на землю и окутала ее тишиной и безмолвіемъ... Легкія кружевныя облака медленно плыли по небу... Луна то показывалась изъ-за тучекъ, то снова пряталась, и блѣдный серебряный свѣтъ ея нѣжными, узорчатыми тѣнями ложился на все окружающее... Изъ городского сада доносились звуки томнаго, печальнаго вальса... Пахло цвѣтами и распускающейся липой...

По тротуару Широкой улицы города Радома шелъ бод-

рой и твердой походкой молодой человѣкъ, Иванъ Федоровичъ Ыpскій, помощникъ начальника Радомской тюрьмы, возвращаясь со службы домой.

Красота лунной ночи, ароматъ цвѣтовъ, звуки музыки, очевидно не трогали молодого человѣка. Онъ шелъ, не обращая ни на что вниманія, углубленный въ свои затаенныя мысли. И мысли эти были не изъ вѣселыхъ, о чемъ можно было догадаться по грустному и задумчивому выраженію его лица.

Да и какъ было не задуматься, когда служить и жить стало такъ трудно и даже опасно. Хотя въ молодомъ человѣкѣ было такъ много свѣжихъ, крѣпкихъ силъ, много честной, рѣшительной и ни передъ чѣмъ неотступающей готовности служить вѣрой и правдой своему долгу, но все-таки, когда за каждымъ шагомъ ревниво слѣдитъ костлявая смерть, готовая ежеминутно подкосить свою жертву, то невольно сердце больно сжимается и холодная жуть заползаетъ въ душу и леденитъ мозгъ... Иванъ Федоровичъ зналъ, что его революціонеры ненавидятъ за его справедливое и требовательное отношеніе къ возложеннымъ на него служебнымъ обязанностямъ, за его неусыпный и энергичный надзоръ за поведеніемъ политическихъ арестантовъ, ненавидятъ его, какъ смѣлаго и неподкупнаго работника, преданнаго своему дѣлу, родинѣ и Царю. Онъ зналъ даже, что его смертный приговоръ подписанъ подпольнымъ трибуналомъ, о чемъ его недавно предупредили какія-то неизвѣстныя личности, но эта угроза ни на минуту не поколебала его прежней жизни и дѣятельности. Онъ смѣло и твердо дѣлалъ по-прежнему свое маленькое, незамѣтное дѣло, рѣшивъ не отступать передъ грозившей ему опасностью.

— А ночь-то какая!... Красота... И тепло какъ!..—вдругъ очнулся Иванъ Федоровичъ отъ своихъ грустныхъ мыслей и на минуту даже остановился, прислушиваясь къ доносившимся до него звукамъ вальса. Неясныя, робкія мечты, свѣтлыя мысли о радости жизни и молодости хлынули на его юную душу и оттѣснили куда-то далеко-далеко только что волновавшія его мрачныя предчувствія...

Вдругъ, онъ вздрогнулъ... Сзади послышался приближаю-

щійся топотъ лошадиныхъ копытъ. Иванъ Федоровичъ не успѣлъ даже оглянуться, какъ раздался рѣзкій, сухой звукъ выстрѣла, и что-то острое обожгло его спину и ногу... Страшная боль на мгновеніе помутила его сознаніе, силы ослабѣли и онъ съ тихимъ жалобнымъ стономъ опустился на тротуаръ, успѣвъ, однако, замѣтить, какъ его убійцы промчались мимо него на рысакѣ...

Два дня мучился несчастный юноша. Всѣ три пули прошли на вылетъ, и одна изъ нихъ нанесла смертельную рану, которая даже послѣ удачной операціи не поддалась излѣченію, несмотря на то, что молодыя, крѣпкія силы здороваго организма настойчиво боролись со смертью... Онъ умиралъ въ больницѣ, одинокій, не видя возлѣ себя дорогихъ и близкихъ лицъ его родителей и братьевъ... Онъ звалъ ихъ къ себѣ своимъ любящимъ сердцемъ, чтобы сказать имъ послѣднее прости, чтобы сказать имъ, что онъ умираетъ вѣрующимъ христіаниномъ, послѣ исповѣди и напутствія священника, что онъ оставался до конца вѣрнымъ тѣмъ свѣтлымъ и честнымъ принципамъ, съ которыми онъ жилъ и служилъ Царю и Родинѣ... Его окружали добрые товарищи, но развѣ они могли замѣнить умирающему тѣхъ, кому онъ былъ обязанъ своимъ рожденіемъ, воспитаніемъ, кого онъ любилъ всей душой, кого онъ безплодно и напрасно звалъ чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на ихъ милыя ему лица и умереть подъ взглядомъ любящихъ глазъ матери...

Но родители Ивана Федоровича были далеко, и только брату удалось пріѣхать, но было уже поздно.

Несчастный юноша скончался отъ уреміи въ полномъ сознаніи, безропотно и мужественно перенося страданія. Предчувствуя близость смерти, онъ отдалъ нѣкоторыя распоряженія, касающіеся его вещей и похоронъ, что и было все въ точности исполнено. Похоронили Ивана Федоровича въ г. Петербургѣ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Ивану Федоровичу Пырскому не было еще 26 лѣтъ, когда его безжалостно, изъ-за угла, убили „освободители-революціонеры“. Онъ родился въ 1880 году въ г. С.-Петербургѣ. Образованіе свое Пырскій получилъ въ частномъ пансіонѣ Штюрмера. Способный, дѣльный мальчикъ учился успѣшно, и

кончая пансіонъ, оставилъ среди начальства и товарищей добрую память, какъ о честномъ, отзывчивомъ юношѣ, съ рѣшительнымъ, энергичнымъ характеромъ и твердыми жизненными принципами. Черезъ годъ, по окончаніи курса, онъ отбылъ воинскую повинность вольноопредѣляющимся въ Александро-Невскомъ полку. Въ 1902 году Пырскій получилъ мѣсто старшаго помощника дѣлопроизводителя въ губернскомъ правленіи г. Радома. Въ 1904 г. была объявлена война съ Японіей и Пырскій, какъ запасный, былъ призванъ на дѣйствительную службу, но на войнѣ не былъ, и въ январѣ 1906 года возвратился къ мѣсту службы. Въ февралѣ тогоже года его назначили помощникомъ начальника Радомской губернской тюрьмы. Энергичный, неутомимый работникъ, со строгими, честными взглядами, онъ конечно не пришелся по вкусу мѣстнымъ агентамъ революціи. Не успѣлъ Иванъ Федоровичъ и 5 мѣсяцевъ прослужить на новомъ мѣстѣ, какъ, „освободители“ увидѣли въ немъ опаснаго врага, котораго, надо убрать со своего пути, и судьба Пырскаго была рѣшена. Смертный приговоръ былъ произнесенъ и приведенъ съ неумолимой жестокостью въ исполненіе 1-го іюля 1906 года.

3-го іюля Иванъ Федоровичъ Пырскій тихо, со всепрощеніемъ и кротостью въ сердцѣ, отошелъ въ вѣчность, вознося къ престолу Вседержителя смиренную молитву: „прости имъ, Господи, не вѣдаютъ бо, что творятъ“.

Сергѣй Яковлевичъ Михалаповъ

Поручикъ 2-го Конно-горнаго артиллерійскаго дивизіона. Сожженъ въ г. Курскѣ 17-го Іюня 1905 года.

Сергѣй Яковлевичъ Михалаповъ, поручикъ 2-го конно-горнаго артиллерійскаго дивизіона, сидѣлъ въ буфетѣ 1-го класса станціи Курскъ, допивая стоявшій передъ нимъ на столѣ стаканъ чая. Въ большомъ залѣ вокзала было людно и шумно.... Стояла обычная передъ отходомъ поѣзда суета... Мелькали озабоченныя, растерянныя лица пассажировъ, то тутъ, то тамъ пробирались сквозь толпу носильщики въ бѣлыхъ передникахъ, навьюченые всевозможными корзинками, чемоданами пледами и т. п.

Было жарко и душно, несмотря на раскрытыя окна и двери. До отхода поѣзда, съ которымъ долженъ былъ ѣхать

поручикъ Михалаповъ, сопровождавшій въ Кіевъ эшелонъ нижнихъ чиновъ 2-го конно-горнаго артиллерійскаго дивизіона, оставалось минутъ 10. Поручикъ расплатился по счету, всталъ и медленно пошелъ на платформу. Горячій, душный воздухъ пахнулъ въ лицо Михалапову. Здѣсь было еще болѣе людно и суетливо. По случаю торжества перенесенія мѣстной чудотворной иконы Божіей Матери изъ Коренной Пустыни въ г. Курскъ, на вокзалѣ собралась масса простого народу, пріѣхавшаго на богомолье. Красные платки и яркіе наряды бабъ выдѣлялись среди бѣлыхъ рубахъ мужиковъ и темныхъ костюмовъ городскихъ жителей. Ларьки съ румяными булками, свѣжими ягодами и квасомъ бойко торговали... Въ воздухѣ дрожали смѣхъ, шутки, разговоры и, гдѣ-то дальше, звонкія пѣсни.....

Молодой поручикъ направился посмотрѣть, удобно-ли размѣстились въ товарныхъ вагонахъ нижніе чины, ѣхавшіе до сихъ поръ въ III классѣ. Дойдя до вагоновъ, Сергѣй Яковлевичъ увидѣлъ, что нѣсколько солдатъ уговариваютъ двухъ своихъ подвыпившихъ товарищей войти въ вагонъ. Подойдя поближе, поручикъ Михалаповъ услышалъ ругань, грубыя слова и между ними фразу:

— Развѣ-жъ можно ѣхать въ такихъ вагонахъ? Въ нихъ задохнуться можно.....

Лица у солдатъ были возбужденныя, видно было, что уговаривавшіе, хотя и просили пьяныхъ ораторовъ идти въ вагонъ и успокоиться, но сами были враждебно настроены и не прочь были послушать ихъ дерзкія рѣчи, поддакивать имъ и согласиться съ ихъ резонами. Все это, конечно, нарушало дисциплину и порядокъ, и поручикъ Михалаповъ, обративъ на это должное вниманіе, быстро подошелъ къ солдатамъ и строго приказалъ имъ войти въ вагоны, такъ какъ скоро поѣздъ долженъ былъ тронуться.

Расходившійся не въ мѣру солдатъ, оказавшійся канониромъ Божиковымъ, продолжая вести себя дерзко и нахально и не обращая вниманія на приказъ своего начальника, не переставалъ бунтовать солдатъ. Видя это, молодой поручикъ еще строже и рѣшительнѣе приказалъ ему молчать и вмѣстѣ

съ тѣмъ отдалъ распоряженіе взять его подъ арестъ и отвести въ вагонъ.

Вдругъ произошла грубоя, безсмысленно дикая сцена....

Арестованный Божиковъ, съ злымъ лицомъ и горящими ненавистью глазами кинулъ своему начальнику въ лицо площадную ругань и занесъ надъ нимъ кулаки....

Ошеломленный этимъ неожиданнымъ и незаслуженнымъ оскорбленіемъ, въ связи съ такимъ явно-преступнымъ нарушеніемъ воинской дисциплины и, вдобавокъ, возбужденный, только что разыгравшейся передъ нимъ сценой, Михалановъ, не помня себя, выхватилъ изъ ноженъ шашку и плашмя ударилъ Божикова, по головѣ.... Но шашка отъ сильнаго удара перевернулась остріемъ внизъ и разсѣкла Божикову голову.... Канониръ Божиковъ упалъ на землю замертво...

Нѣкоторое время стояла безмолвная тишина... Зловѣщее гробовое молчаніе придавило своею тяжестью только что шумѣвшую и веселившуюся толпу....

Затуманенное сознаніе начало мало по малу возвращаться къ Михалапову, и въ его головѣ мгновенно зародились мысли, острыя и колючія, которыя жалили и пронизывали его разгоряченный мозгъ.

— Я убилъ его.... Боже мой... Какой ужасъ... Я не хотѣлъ этого, я хотѣлъ только проучить его.....

Когда Михалановъ пришелъ въ себя, поднялъ голову и открылъ глаза, онъ увидѣлъ у своихъ ногъ трупъ убитаго солдата, а вокругъ себя многоголовую толпу людей. Но развѣ это были люди, способные понять всю тяжесть того оскорбленія и обиды, какія были нанесены нижнимъ чиномъ офицеру, для котораго честь мундира и полка, въ которомъ онъ служилъ, должна быть дороже всего? Нѣтъ, это были не люди, а звѣри.... Видъ свѣжей крови пробудилъ ихъ кравожадные инстинкты, возбудилъ въ нихъ жажду этой самой, свѣжепахнущей крови... Злобой, ненасытной, неудержимой ненавистью и жаждой мести горѣли ихъ глаза... Этотъ злой многоголовый звѣрь вотъ—вотъ готовъ былъ кинуться и разорвать въ куски свою жертву, этого юнаго 25-тилѣтняго офицера, съ такимъ милымъ, открытымъ лицомъ, на которомъ блестѣли свѣтомъ чистой совѣсти большіе, ясные глаза....

Когда Сергѣй Яковлевичъ увидѣлъ такъ близко отъ себя этого бѣшенаго многоголоваго звѣря, ему невольно стало жутко... Вѣдь онъ не замѣтилъ въ толпѣ ни одного сочувствующаго взгляда и только въ окнѣ вагона 1 класса онъ увидалъ пару умныхъ, прекрасныхъ глазъ, въ которыхъ свѣтились любовь, прощеніе и пониманіе его души... Онъ повернулся и пошелъ на этотъ молчаливый зовъ любимой жены—подруги, на зовъ единственнаго человѣка, который могъ дать ему душевный покой и помочь разобраться въ только что происшедшей трагедіи....

Когда первыя минуты оцѣпененія прошли, и толпа увидѣла, что жертва мщенія ускользнула изъ ея рукъ, удержать ея гнѣвъ, дикій и разнузданный, не было никакой возможности. Въ этой безумной толпѣ перепутались всѣ: и мужики, и бабы, и солдаты, и желѣзно-дорожные служащіе, и интеллигенція, и какія-то темныя личности, неизвѣстныхъ профессій и званія, откуда-то вынырнувшія и явно стремившіяся не упустить случая возбудить животныя страсти толпы и на ея глазахъ и ея руками свести личные подпольные счеты съ этимъ представителемъ власти, облеченнымъ высокимъ званіемъ офицера. Всѣхъ соединяли вражда и злоба..... Крики солдатъ, что они не поѣдутъ дальше съ такимъ офицеромъ, который всѣхъ ихъ перерубитъ, перемѣшивались съ изступленными выкликами революціонеровъ—агитаторовъ:

— Смерть за смерть! Кровь за кровь! Собакѣ собачья смерть! Разорвать такого офицера!....

Толпа неистовствовала и требовала выхода Михалапова изъ вагона. Неубранный трупъ убитаго солдата, конечно, еще болѣе возбуждалъ толпу противъ офицера. Видя, что послѣдній не выходитъ изъ вагона, озвѣрѣвшая толпа стала разбивать камнями окна вагона. Тогда жена Михалапова вышла на площадку и со слезами на глазахъ стала умолять толпу пощадить ее и мужа и не убивать ихъ.

Но видъ молодой, безпомощной женщины не смягчилъ сердца этихъ звѣрей, и въ отвѣтъ на свои мольбы она услышала безпощадный приговоръ:

— Смерть тебѣ вмѣстѣ съ мужемъ!...

Этимъ моментомъ воспользовались нѣсколько болѣе бла-

горазумныхъ и преданныхъ своему начальнику нижнихъ чиновъ дивизіона, вошли въ вагонъ и стали просить своего командира переодѣться въ ихъ солдатское платье и незамѣтно скрыться съ женой.

— Ни въ какомъ случаѣ не оставлю поста своего,—отвѣтилъ Михалаповъ,—хоть бы пришлось умереть здѣсь... Я начальникъ и бросить постыдно команду свою не могу... Живымъ-же въ руки не дамся...

И тутъ-же сталъ умолять жену уйти въ буфетъ I класса подъ охраной этихъ оставшихся вѣрными своему долгу солдатъ.

Нѣсколько минутъ колебанія... и молодая женщина, съ невыразимой болью въ сердцѣ, страдая, но не показывая своей слабости любимому мужу, бросивъ на него прощальный, но не послѣдній, какъ она думала, взоръ, вышла изъ вагона въ сопровожденіи преданныхъ людей.

Михалаповъ остался одинъ и, угрожая револьверомъ, не подпускалъ къ себѣ никого. Толпа звѣрѣла все больше и больше и, видя, что летѣвшіе градомъ въ офицерскій вагонъ камни не достигаютъ своей цѣли, пыталась даже опрокинуть его, при помощи доставленныхъ изъ мастерскихъ услужливыми людьми домкратовъ. Но это бунтовщикамъ не удалось, и тогда у нихъ явилась ужасная, жестокая мысль... Они нашли новое сатанинское средство достичь своей цѣли—уничтожить ненавистную жертву.

— Сжечь его, собаку, сжечь...

Какъ ударъ бича просвистѣлъ въ воздухѣ рѣзкій, безумный крикъ, и вся толпа съ дикимъ, необузданнымъ наслажденіемъ начала кидать въ вагонъ горящія паклю и тряпки, смоченныя керосиномъ, а какой-то безумецъ выхватилъ изъ вагона шинель Михалапова, облилъ ее керосиномъ, зажегъ и бросилъ въ окно вагона. Послѣдній загорѣлся... Огненные языки и ѣдкій дымъ вырывались изъ разбитыхъ оконъ и щелей вагона, а толпа рычала отъ удовольствія...

Тутъ-то и обнаружилась полная нераспорядительность со стороны коменданта станціи и желѣзно-дорожныхъ властей: ихъ медлительность, нерѣшительность и трусость привели къ такому неожиданному и трагическому обороту.

Лишь одинъ помощникъ начальника станціи, только теперь, да и то уже поздно, отдалъ распоряженіе дежурному паровозу подойти къ горящему вагону и увезти его на запасный путь, чтобы потушить пожаръ, но разъяренная толпа избила этого желѣзно-дорожнаго агента и не допустила къ вагону паровоза, положивъ рельсы поперекъ пути и поставивъ стрѣлки въ разрѣзъ, а нѣкоторые изъ толпы даже сами ложились подъ паровозъ.

А вагонъ все горѣлъ и горѣлъ... Несчастный юноша-герой, до сихъ поръ успѣшно боровшійся противъ тысячной толпы, началъ терять послѣднія силы и физическія, и нравственныя, и сознавая свою неминуемую гибель, исполнилъ принятое имъ рѣшеніе не даваться живымъ въ руки своихъ палачей и... выстрѣломъ изъ револьвера покончилъ съ собой, найдя въ этомъ выстрѣлѣ послѣдній и вѣрный исходъ изъ своего трагическаго, безвыходнаго положенія.

Когда вся внутренность вагона выгорѣла, и пожаръ стихъ толпа бросилась туда и увидѣла свою жертву въ уборной вагона съ огнестрѣльной раной въ головѣ.

Въ широко-раскрытыхъ глазахъ таились безуміе и ужасъ, на лицѣ застыло выраженіе страшнаго, невыразимаго страданія и въ тоже время покорности своей участи. Эти стеклянные глаза и искаженное страданіемъ лицо являлись безмолвнымъ укоромъ, и толпа, за мигъ до этого, невмѣняемая и озлобленная, сразу притихла, увидя передъ собою лицомъ къ лицу ужасъ смерти, а свою жертву—уже безмолвной, покорной, представшей предъ лицомъ Всевышняго Судьи, милостиваго и всепрощающаго... Холодное дыханіе смерти, инстинктивный страхъ передъ неизбѣжнымъ концомъ человѣческой жизни сковалъ уста притихшей, на время, толпы гробовымъ молчаніемъ и сразу успокоилъ ея кровожадные порывы... Вѣроятно, у многихъ участниковъ этой трагедіи пронеслись въ тотъ моментъ въ головѣ мысли о жестокости и безсмысленности только что совершеннаго ими преступленія и поднималось со дна души чувство жалости, человѣколюбія и состраданія къ безвинно погибшей жертвѣ, но, было уже поздно...

Юноша-офицеръ, такъ недавно еще цвѣтущій, жизне-

радостный, счастливый мужъ и отецъ, честный, смѣлый, съ рѣдкимъ мужествомъ оставшійся до конца на своемъ посту, теперь лежалъ у ногъ безсердечныхъ палачей, исковерканный, обгорѣлый, съ зіяющей раной въ головѣ...

Но это настроеніе толпы продолжалось только первое мгновеніе... Снова раздались крики ненасытныхъ кровопійцевъ, играющихъ на животныхъ инстинктахъ толпы; Тѣло ея несчастной жертвы подверглось звѣрскому надруганію и было брошено въ какой то сарай, гдѣ и пролежало въ углу до отправленія его въ Кіевъ. А между тѣмъ, трупъ убитаго солдата-бунтовщика, для вящаго контраста и для демонстраціи, по иниціативѣ и настояніямъ подстрекателей, и можно смѣло сказать, руководителей всего этого гнуснаго, звѣрскаго акта, былъ похороненъ съ почетомъ и торжествомъ въ г. Курскѣ. На похоронахъ его присутствовали даже нѣкоторые изъ властей предержащихъ и, какъ говорили, даже самъ губернаторъ города Курска.

. . . . . .

. . . . . .

Трудно повѣрить, что это событіе не бредъ, не вымыселъ, не плодъ разгоряченной фантазіи, а истинный фактъ документально признанный и многимъ, вѣроятно, еще памятный по газетнымъ сообщеніямъ. Не правда-ли, читатель, вамъ покажется, что вы читаете страничку изъ далекой-далекой исторіи, когда варварскія, жестокія черты были преобладающими въ характерѣ народа, когда для удовлетворенія жажды крови, ненависти, мести—людей сжигали, пытали, отдавали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ... Нѣтъ, читатель, этотъ чудовищный фактъ случился въ нашъ культурный, цивилизованный христіанскій вѣкъ—17-го іюня 1905 года. Совершилъ это несравнимое ни съ чѣмъ по своей жестокости преступленіе русскій православный народъ. Христіанство и безжалостное сожженіе живого человѣка!... Какъ несовмѣстимы эти два понятія!...

Русская народная душа, что сдѣлалось съ тобою, что ты забыла завѣты Христа Спасителя, твоего Учителя, завѣ-

ты любви, правды, прощенія?... Что слѣлалось съ тобой, доброе, отзывчивое русское сердце, что ты наполнилось жестокостью, злобой и ненавистью?... О, причины этого кроются глубоко-глубоко!... Съ тѣхъ поръ, какъ ядовитая крамола-революція нашла уютный, гостепріимный кровъ въ Русской Землѣ, народный умъ разволновался... Интеллигенція еще могла разбираться въ смыслѣ революціонныхъ идей, а простая, темная народная масса воспринимала ихъ въ буквальномъ смыслѣ. Подъ заботливымъ руководствомъ опытныхъ революціонеровъ-агитаторовъ развращеніе народнаго ума шло быстрыми шагами и привело къ блестящимъ для „освободителей“ результатамъ.

Въ глубинѣ природы человѣка спитъ звѣрь, и крикливая, наглая заграничная гостья—революція нахально растеребила его и разбудила. Онъ проснулся, разсердился и зарычалъ... И ревъ этотъ былъ страшенъ и ужасенъ...

Слова любви и правды были забыты, сердца и умы ожесточились и озлобились; развратъ и полный развалъ всѣхъ нравственныхъ, религіозныхъ и семейныхъ устоевъ сталъ яркимъ знаменіемъ наступившихъ смутныхъ временъ. Русскій народъ сталъ грабить, сжигать хлѣбъ и помѣщичьи усадьбы, отнимать земли, отказывался работать, предъявляя неисполнимыя требованія, сталъ поносить священное Имя Царя-Самодержца, убивать, разрывать на куски бомба·ми вѣрныхъ Его слугъ...

И все это плоды рукъ агентовъ революціи...

Зловредныя, ядовитыя революціонныя рѣчи проникали и въ армію, растлѣвающимъ образомъ дѣйствовали на умы солдатъ и расшатывали воинскую дисциплину, подрывая авторитетъ и уваженіе къ офицерскому мундиру и къ чести носить этотъ мундиръ. А тутъ еще больше въ руку революціи сыграла неудачная война съ Японіей, требовавшая огромнаго количества военныхъ силъ. Для отправки на театръ военныхъ дѣйствій призывались запасные солдаты, уже достаточно распропагандированные соціалистическими идеями и приносившіе съ собою въ армію „освободительный“ об-

разъ мыслей, заразительно дѣйствующій на расшатанный русскій организмъ.

Революціонеры прекрасно понимали и понимаютъ, что пока армія вѣрна Царю и присягѣ и состоитъ на стражѣ Государевыхъ и народныхъ интересовъ, до тѣхъ поръ дѣло революціи не можетъ считаться обезпеченнымъ, а обречено на неизбѣжную гибель. При этихъ условіяхъ революціонная гидра должна сама себя пожрать.

То, о чемъ раньше и подумать было страшно, т. е. грабежи, убійства и тому подобныя звѣрства, теперь стало совершаться съ легкимъ сердцемъ и даже съ наслажденіемъ, и этотъ возмутительный фактъ сожженія поручика Михалапова былъ только простымъ слѣдствіемъ всѣхъ вышеуказанныхъ причинъ. И такихъ кровавыхъ послѣдствій было и будетъ еще много-много, пока гнѣздится въ Русской Землѣ революціонная крамола и продолжаетъ сѣять злобу и жестокость въ умахъ русскихъ людей. Надо съ корнемъ вырвать это ядовитое растеніе, стереть съ лица Земли Русской, и тогда въ сердцѣ русскаго человѣка снова загорятся яркимъ свѣтомъ, забытыя великія слова Христа Спасителя, слова любви къ ближнему и къ правдѣ, и полное всепрощеніе и милосердіе станутъ тогда могучими рычагами, двигающими огромную машину человѣческой жизни и дѣятельности.

. . . . . .

Въ семьѣ военнаго врача Михалапова 20-го января 1880 года родился сынъ Сергѣй.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, подъ руководствомъ умныхъ и честныхъ родителей, въ дѣтскую душу мальчика вкладывались добрые, правдивые и высоко—нравственные взгляды на жизнь и на людей. Съ этими цѣнными вкладами онъ поступилъ сначала въ Кіевскій кадетскій корпусъ, по окончаніи курса въ которомъ, продолжалъ свое военное образованіе въ Константиновскомъ Военномъ Училищѣ. Какъ въ корпусѣ, такъ и въ училищѣ, Михалаповъ учился хорошо и былъ любимъ начальствомъ и товарищами за свое доброе, отзывчивое сердце, за смѣлые и честные жизненные принципы.

По окончаніи въ 1900 году училища, онъ выпущенъ былъ офицеромъ въ 1-ый Конно-горный артиллерійскій дивизіонъ, имѣвшій стоянку въ городѣ Кіевѣ, въ 1903 году женился на дочери Генералъ-Маіора Лабутина и въ томъ-же году былъ зачисленъ слушателемъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго штаба, откуда весною 1904 года, вскорѣ послѣ объявленія войны съ Японіей, вернулся въ свою часть. Въ 1905 году Михалаповъ былъ переведенъ во вновь сформированный въ Нижнемъ-Новгородѣ 2-ой Конно-горный дивизіонъ, предназначавшійся для отправки на Дальній Востокъ. Въ мартѣ 1905 года онъ отправился къ мѣсту своего новаго служенія, куда вскорѣ пріѣхала и жена его съ маленькимъ сыномъ Георгіемъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ того-же года состоялось распоряженіе о переводѣ изъ Нижняго-Новгорода батареи, въ которой служилъ Михалаповъ, сначала въ Кіевъ, а затѣмъ на Дальній Востокъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. 15-го іюня батарея, съ прикомандированными къ ней запасными нижними чинами, подъ начальствомъ командира батареи подполковника Гоголь-Яновскаго и младшаго офицера поручика Михалапова, выбыла въ Кіевъ. 17-го іюня на послѣдней станціи передъ Курскомъ командиръ батареи по какой-то причинѣ задержался на станціи, и вся команда, такимъ образомъ, на время отсутствія старшаго начальника, перешла подъ непосредственное начальство Михалапова. На станціи Курскъ солдатъ перевели изъ пассажирскихъ вагоновъ въ товарные. Подвыпившіе и уже раньше достаточно развращенные услужливыми агитаторами „освободителями“, въ то время шнырявшими по всѣмъ путямъ, градамъ и весямъ нашей взбаламученной родины, пропитые неуваженіемъ къ авторитету власти и къ дисциплинѣ, нижніе чины дивизіона легко взбунтовались подъ вліяніемъ такого ничтожнаго, въ другое время, обстоятельства, какъ пьяныя и вздорныя претензіи дерзкаго капонира Божикова, а въ результатѣ—вышеописанная безобразно — возмутительная сцена, завершившаяся такимъ ужаснымъ концомъ,

Честный, смѣлый, правдивый и вѣрный слуга Царю и

отечеству, поручикъ Михалаповъ, положилъ жизнь свою при исполненіи возложеннаго на него долга. Онъ палъ на своемъ посту, свято исполнивъ до конца своей жизни ту присягу, которую онъ принесъ, вступая на военную службу.

Память о немъ будетъ вѣчно жить не только въ душѣ его близкихъ и родныхъ, но и въ каждомъ русскомъ человѣкѣ, которому дороги Царь, Родина и ея вѣрные сыны.

Владиміръ Ивановичъ Болдыревъ.

Штабсъ-Капитанъ, Полицейскій Приставъ г. Кисловодска. Убитъ революціонерами 17 Декабря 1907 года въ г. Кисловодскѣ.

Владиміръ Ивановичъ Болдыревъ, сынъ подполковника родился 18 Іюля 1868 года, православнаго вѣроисповѣданія, окончилъ курсъ въ Тифлисскомъ Реальномъ Училищѣ и Кавказскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ. На службу поступилъ въ 82-й пѣхотный Дагестанскій полкъ, гдѣ дослужился до чина Штабсъ-Капитана. Былъ послѣдовательно Начальникомъ участка Управленія Грозненскаго округа, Начальникомъ Надтеречнаго участка, находился на Грознен-

скихъ нефтяныхъ промыслахъ и, наконецъ, назначенъ Приставомъ города Кисловодска 12 Августа 1907 года.

Предшественникъ В. И. Болдырева, бывшій Приставомъ Кисловодска Капитанъ Высоцкій былъ убитъ революціонерами. Однако назначеніе на такой постъ не смутило беззавѣтно храбраго Владиміра Ивановича. Будучи не только. храбръ, но честенъ, безкорыстенъ и справедливъ, онъ пользовался уваженіемъ среди чеченцевъ.

На Грозненскихъ нефтяныхъ промыслахъ онъ въ 1907 г. рѣшительно подавилъ возникшіе безпорядки среди рабочихъ, которыхъ возбуждали революціонеры и рабочіе, подготовленные къ взрыву, успокоились совершенно и стали трезво относиться ко всякимъ вожделѣніямъ проходимцевъ, сѣявшихъ смуту, и принялись ихъ изгонять изъ своей среды.

Тотчасъ по назначеніи приставомъ (онъ же и Полиціймейстеръ) въ Кисловодскѣ, Владиміръ Ивановичъ твердо и неуклонно принялся за укрощеніе распустившейся съ 1905 г. молодежи. Благодаря его энергіи прекратились почти всякія безобразія и благомыслящее трудовое населеніе вздохнуло свободно.

Такихъ двухъ побѣдъ надъ освободительнымъ движеніемъ революціонеры не могли простить.

17 Декабря 1907 года около часу ночи Владиміръ Ивановичъ возвращался со своими знакомыми послѣ любительскаго спектакля и танцовальнаго вечера домой. Въ паркѣ было темно. Неожиданно грянулъ залпъ. Шесть пуль пронизали тѣло стойкаго сына своей родины и двѣ изъ нихъ попали въ самое сердце. Владиміръ Ивановичъ былъ убитъ наповалъ. Вѣрный его тѣлохранитель городовой Якубъ, раненый тяжело въ голову и бокъ, упалъ на землю. Кровь залила ему глаза, но онъ еще живъ, надо дѣйствовать. Мѣткимъ выстрѣломъ изъ карабина убиваетъ онъ одного изъ нападающихъ. Злодѣи бѣгутъ. Якубъ хочетъ пустить нѣсколько пуль въ догонку—экстракторъ не дѣйствуетъ—карабинъ испорченъ. Онъ бросаетъ его, схватываетъ револьверъ, выпускаетъ заряды, но за дальностью разстоянія и изъ-за потери крови, промахивается и падаетъ безъ чувствъ рядомъ со своимъ начальникомъ.

Убитый злодѣй былъ опознанъ и благодаря этому обнаружена шайка изъ трехъ человѣкъ, которые, отстрѣливаясь отъ полиціи, смертельно ранили хозяйку своей конспиративной квартиры. Одинъ, при попыткѣ бѣжать, былъ застрѣленъ, остальные же двое застрѣлились сами.

Въ день похоронъ Владиміра Ивановича, одинъ изъ обнаруженныхъ злодѣевъ, въ Ессентукахъ, успѣлъ отравиться, а въ скоромъ времени были арестованы прикосновенные къ убійству мужчина и женщина; изъ нихъ первый приговоренъ къ 6 лѣтней каторгѣ, а вторая въ Сибирь на поселеніе.

Такимъ образомъ, смерть Владиміра Ивановича Болдырева обошлась дорого. Мѣстная организація соціалистовъ-революціонеровъ заплатила за нее смертью шести дѣятельнѣйшихъ своихъ сочленовъ, не считая двухъ осужденныхъ.

Торжественное погребеніе тѣла убитаго, вѣрнаго своему долгу и присягѣ, Владиміра Ивановича состоялось 19 Декабря при огромномъ стеченіи народа и прошло въ образцовомъ порядкѣ, причемъ въ сопровождавшей толпѣ ярко замѣчалось сочувственное отношеніе къ покойному и слышались негодующія порицанія террору.

Покойный отличался рѣдкимъ добродушіемъ, смѣлымъ характеромъ и рвеніемъ къ службѣ. Его одинаково любили какъ подчиненные, такъ и начальствующіе, а равно и всѣ тѣ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло.

Послѣ покойнаго Владиміра Ивановича осталась молодая жена, готовившаяся стать матерью. Безгранично было ея горе и страшное потрясеніе и Господу Богу было угодно послать ей въ утѣшеніе сына, названнаго, въ честь отца, Владиміромъ

И вотъ будетъ расти этотъ осиротѣвшій, по милости друзей человѣчества, мальчикъ. Поинтересуется онъ, спроситъ свою мать, гдѣ его отецъ? Что она ему скажетъ? Убитъ. За что? За то, что онъ честно исполнялъ свой долгъ. Выростетъ ли этотъ мальчикъ съ убѣжденіемъ, что долга исполнять не нужно? Нѣтъ, онъ будетъ расти гордый, съ сознаніемъ, что отецъ его въ тяжелую для родины годину грудью заслонилъ ее отъ враговъ и принялъ въ свое благородное и мужественное сердце двѣ пули. Онъ палъ въ

неравной борьбѣ, подкарауленный злодѣями въ темнотѣ, изъ-за угла—эти трусы не рѣшились-бы встрѣтиться съ нимъ грудь съ грудью.

Онъ убитъ, но живъ и будетъ жить его духъ, еще болѣе сильный въ его сынѣ . . . . . .

А сколько такихъ сиротъ сыновей! Они оплотъ Святой Руси и сокрушить ихъ не удастся никакой революціи.

Мы, остающіеся въ живыхъ, всѣми силами должны помочь ихъ воспитанію.

Ямщикъ Сергѣй Грамоченко.

Убитъ террористами при нападеніи почты 20 іюня 1908 г.

Не снимался: гдѣ тамъ—сниматься, когда новой шапки и рукавицъ купить было не на что?

Они шли на службу, зная, что, за угломъ, можетъ быть, поджидаетъ врагъ съ браунингомъ или бомбой въ карманѣ, что мгновенье—и глянетъ въ глаза смерть своими ужасами и страданьемъ.

Если не идти—семья останется безъ хлѣба и совѣсть скажетъ, что не исполнилъ долга.

„За Вѣру, Царя и Отечество!"

Святыя эти слова и въ чистыхъ сердцахъ будятъ воодушевленіе и геройство, заставляя самаго обыкновеннаго, съ виду, человѣка идти на подвигъ, пренебрегать опасностью.

Что мы,—кратковременные пришельцы на землѣ,—безъ совѣсти, вѣры, службы Царю и Отечеству и заботы о семьѣ своей?

Во всякомъ случаѣ—другой сейчасъ же замѣнитъ ушедшаго въ могилу или—въ лагерь враговъ.

А пойдешь исполнять долгъ—и вотъ неописанный ужасъ здороваго тѣла, полнаго жизни, при видѣ направленнаго дула револьвера, бомбы, нечеловѣчески-злобныхъ, ужасныхъ взглядовъ убійцъ—палачей, ожиданіе послѣдняго мгновенія жестокой, несказанно-мучительной смерти... Вотъ, вотъ разорвутъ тебя, разстрѣляютъ, оторвутъ руки, ноги, голову!.. Сколько было ихъ, нечеловѣчески страдавшихъ: не собрать ни мозговъ, ни внутренностей, ни костей!

Но они знали: если они пойдутъ—истерзанныхъ, убитыхъ будетъ меньше, убивать будутъ по одиночкѣ, если же не пойдутъ—умирать придется тысячамъ, сотнямъ тысячъ.

И рѣшали они, каждый по—одиночкѣ, что должны работать, кормить семью, стоять твердо на посту и завѣщать дѣтямъ: Вѣрьте и молитесь Богу, служите честно Царю и Отечеству.

Ямщикъ Сергѣй Грамоченко часто слышалъ такіе раз-

говоры, слыхалъ и другіе, но думалъ: „не віростутъ на вербі груші, що мпэ за діло до того, що будэ за сотню літъ“.

Въ рѣдкіе часы отдыха ямщики говорили, что страшно стало возить почту и жизнь вздорожала. Со „свободой“ тяжелѣй стало зарабатывать кусокъ хлѣба“.

20 іюня 1908 г., только что пріѣхалъ Сергѣй на разгонную станцію въ Тифлисѣ и, убравъ лошадей, хотѣлъ пойти провѣдать, въ родильномъ, больную жену, какъ къ нему подошелъ „староста“ ямщиковъ—туземецъ и потребовалъ, чтобы онъ опять сейчасъ запрягалъ: везти деньги въ Манглисъ (60 верстъ отъ Тифлиса).

— „Побойся Бога, вѣдь я только что пріѣхалъ, не провѣдалъ больной жены, не видалъ новорожденной дочки. Да и ѣхать-то не моя очередь, а твоего брата!“

— „Не хочешь служить, такъ отказывайся отъ мѣста и убирайся вонъ“,—отвѣчаетъ туземецъ.

Вздохнулъ Сергѣй, слеза навернулась на глаза, пошелъ запрягать лошадей.

Въ 6 ч. утра выѣхали съ двумя почтальонами и стражниками. Жутко везти деньги 20 числа! А денегъ то много: 18 тысячъ!

Стражники, вотъ, тоже еще поотстали. Не боятся, видно. На 5-ой верстѣ духанъ Хуніева, возлѣ него группа туземцевъ. Въ оврагѣ, напротивъ духана, вооруженные люди.

Охъ, наводятъ винтовки, залпъ. Падаютъ съ телѣги оба почтальона.

Хочетъ ямщикъ повернуть лошадей, ускакать обратно. но летятъ подъ повозку, одна за другой бомбы...—Лошади изранены, одна убита. Съ разбитой телѣги валится ямщикъ, Середина груди у него вырвана, голова поранена въ нѣсколькихъ мѣстахъ, весь раздробленный, истекающій кровью.

Сквозь холодный туманъ, спускающійся на глаза, чудятся ему лица „забастовщиковъ“ почтовыхъ чиновниковъ-агитаторовъ, посаженныхъ, было, въ тюрьму, выгнанныхъ со службы. Они вспарываютъ почтовыя посылки.

Вотъ опять стрѣльба. Прискакали стражники, перестрѣлка, но уже ничего не слышитъ, ничего не помнитъ Сергѣй. Одинъ злодѣй убитъ, другого, называвшагося то

Гарсіевымъ, то Цинцадзе, то Болквадзе поймали и судили— приговорили къ ссылкѣ въ безсрочныя каторжныя работы.

Вотъ что сдѣлали тѣ, которые говорятъ, что они стоятъ за народъ.

Сергѣя Грамоченко безъ чувствъ привезли въ Михайловскую больницу въ Тифлисъ.

А когда пришли сказать женѣ его, съ перваго слова она закричала: „убитъ!“ и упала въ обморокъ на полъ.

Приведя въ чувство, еле довели ее въ больницу къ мужу. Умирающій просилъ жену не плакать, увѣряя, что теперь ему лучше. Говорилъ, что злодѣи—бывшіе почтовые чиновники... Недолго позволили женѣ побыть при мужѣ, велѣли уходить домой. Вечеромъ къ мужу не пустили, а на завтра она увидѣла холодный трупъ. Не было родной души при послѣднихъ минутахъ умирающаго.

Михайловская больница, на которой въ дни свободъ развѣвался красный флагъ, не очень то церемонится со слугами правительства.

Кончились страданья отца, начались страданья матери.

Кто позаботится о сиротахъ?

Второй годъ со смерти мужа не получаетъ она пенсіи слѣдуемой ей по закону, Высочайше утвержденному 18 марта 1909 г.

Почтовое начальство не только не возбудило ходатайства объ этомъ, а даже отказывалось выдать нужные документы. А у вдовы 3-е малыхъ сиротъ.

О русскихъ хлопотать некому. Бываетъ—хлопочетъ начальство, но больше о туземцахъ.

Надрывается бѣдная больная женщина надъ стиркой бѣлья, но прокормить троихъ малышей не можетъ, а грудной ребенокъ мѣшаетъ работать.

18 то тысячъ, видно не для народа похитили злодѣи!

А Евдокія и Сергѣй Грамоченко съ сиротами, не народъ, развѣ?

Кто имъ поможетъ?

За нихъ законъ Царскій и Царская Милость.

Сергѣй Дмитріевичъ Литвиновъ.
Начальникъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.
Убитый 20 января 1909 г.

Казалось съ перваго взгляда, что ничто не могло возстановить даже нашихъ освободителей противъ Сергѣя Дмитріевича. Онъ былъ всегда справедливъ, и вполнѣ равнодушенъ къ собственнымъ выгодамъ, которыми онъ охотно жертвовалъ для полезнаго общественнаго дѣла.

Съ рабочими онъ, правда, былъ строгъ и взыскателенъ, но строгость эта не исключала всегдашней готовности входить въ ихъ нужды, не придерживаясь одной сухой буквы взаимныхъ обязательствъ. Сергѣй Дмитріевичъ требовалъ работы настоящей, работы по совѣсти, но придирчивымъ формалистомъ онъ не былъ никогда и охотно принималъ

въ разсчетъ нужды рабочаго и всякое его семейное горе. Исполненіе долга, съ одной стороны, неутомимое человѣколюбіе съ другой, всегда опредѣляли собою его отношеніе къ подчиненнымъ. Онъ заботился дѣятельно, по собственной иниціативѣ и объ умственномъ развитіи этихъ подчиненныхъ. Онъ старался довоспитать ихъ до настоящихъ культурныхъ людей. Казалось, такой человѣкъ долженъ былъ избѣгнуть ненависти самихъ революціонеровъ. Но какъ разъ благодаря высокимъ качествамъ своей благородной души, онъ являлся у нихъ бѣльмомъ на глазу. Его выдающіяся качества могли стать поперегъ крамольной пропаганды среди рабочихъ, ослабивъ въ нихъ стремленіе пошатнуть общественное зданіе,—и въ глазахъ освободителей это было недопустимо; онъ долженъ былъ пасть жертвою своего благородства: самыхъ хорошихъ людей революція особенно не щадитъ.

Литвиновъ родился въ 1855 г. Происходилъ онъ изъ старинной дворянской семьи Пензенской губерніи. Высшее образованіе онъ получилъ въ институтѣ путей сообщенія, хотя передъ тѣмъ окончилъ курсъ въ классической гимназіи. У него серьезныя прикладныя знанія были надстройкой надъ твердой общеобразовательной основой. Къ ученію онъ относился всегда вдумчиво и старательно, не ограничиваясь однимъ формальнымъ заучиваніемъ наизусть лекцій или руководствъ.

Такую же серьезность онъ выказалъ потомъ, поступивъ на дѣйствительную службу. Сергѣй Дмитріевичъ не гонялся за скороспѣлыми, богатыми окладами, но хотѣлъ прежде всего основательно познакомиться съ бытомъ и нуждами жел.-дорожныхъ рабочихъ, въ ряды которыхъ онъ добровольно поступилъ. По его взгляду, цѣлая жизнь должна быть непрекращающейся школой. Литвиновъ постепенно занималъ всѣ низшія степени рабочей службы, былъ сначала кочегаромъ, потомъ машинистомъ, чтобы хорошенько освоиться съ тѣмъ, что можно требовать отъ будущихъ его подчиненныхъ. Отсутствіе всякаго личнаго разсчета, явленіе настолько рѣдкое у большинства инженеровъ, что долгое пребываніе Литвинова машинистомъ, когда ему представлялась карьера

болѣе соблазнительная, нельзя не отмѣтить какъ черту высокаго благородства и рѣдкаго безкорыстія. Строгое соблюденіе законности, но законности не по одной буквѣ, было руководящей чертой всей его службы. Онъ никогда не сваливалъ порученнаго ему дѣла на чужія плечи и не довольствовался отписками или отговорками. Ему прежде всего хотѣлось, чтобы дѣло было исполнено хорошо и честно, и похвальный отзывъ начальства никогда не замѣнялъ для него голоса совѣсти.

Необыкновенная скромность Литвинова доходила до поразительныхъ размѣровъ. Онъ не хотѣлъ даже пользоваться тѣми удобствами, на которыя онъ имѣлъ право по служебному положенію. Выдѣляться чѣмъ-либо среди подчиненныхъ было ему глубоко ненавистно. Онъ допускалъ для начальника одну только привиллегію—болѣе усидчивый и отвѣтственный трудъ. Онъ не хотѣлъ во время своихъ поѣздокъ по желѣзнымъ дорогамъ пользоваться своимъ правомъ на вагонъ-салонъ, предназначенный для начальства. Для того, чтобы хорошо и справедливо управлять людьми-надо прежде всего жить одною съ ними жизнью, надо знать, ихъ обстановку, и Сергѣй Дмитріевичъ, вѣрный этому принципу, старался какъ можно меньше отличаться въ своемъ обиходѣ отъ простыхъ служащихъ. Не прельщало его служебное повышеніе и богатые оклады, какъ будто онъ чурался того, что для прочихъ составляетъ приманку. Нѣсколько разъ Литвинову представлялась возможность перейти съ получаемаго имъ 5000 оклада на болѣе крупный, и онъ предпочелъ, не смотря на свои недостаточныя средства, не идти вверхъ по той лѣстницѣ обогащенія, которая такъ привлекательна для заурядныхъ людей.

Одного онъ искалъ — искренняго, сердечнаго сближенія со своими рабочими. Ихъ онъ хотѣлъ приподнять до себя, а себя возвысить надъ ними и не думалъ. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ это ему удалось, но что касается его самого, онъ подчиненнымъ отдавался всей душой, ища духовнаго сближенія съ ними, не скупясь на доказательства сердечной заботливости объ ихъ бытѣ. Къ рабочему,какъ разъ изъ великоруссовъ Литвиновъ питалъ самую теплую любовь,

признавая въ немъ высокія качества—вѣрность долгу и незаурядную душевную теплоту. Распространяя это лестное мнѣніе на всю массу рабочаго люда, онъ шелъ, конечно, слишкомъ далеко въ своемъ поклоненіи народу! Едва-ли за тѣ сердечныя сокровища, которыя онъ ему расточалъ, Сергѣю Дмитріевичу удавалось получить соотвѣтственную уплату. Но такого рода ошибки говорятъ только въ пользу ошибающагося. Думать преувеличенно о людяхъ, оцѣнивать ихъ слишкомъ высоко—это грѣхъ исключительно благородныхъ натуръ. Сергѣй Дмитріевичъ предпочиталъ великороссійское племя малороссамъ, въ которыхъ подмѣчалъ наклонность хитрить, а хитрость была чертой мало ему симпатичной. Даже подъ самый конецъ своей жизни въ мятежный 1905 г. онъ не разстался съ своими иллюзіями и не переставалъ оптимистически вѣрить, что проявленіе неблагодарнаго буйства среди рабочихъ навѣяны со стороны и затихнутъ, уступая мѣсто природной добротѣ русскаго человѣка.

Въ одномъ онъ не ошибался, эти проявленія въ самомъ дѣлѣ навѣяны со стороны. Нозатихнуть они еще не успѣли. Дѣятельная рука прятавшихся враговъ С. Д. Литвинова, которые были въ то же время и врагами Россіи, не переставала усердно подыскивать себѣ послушное орудіе среди одураченной ею толпы. Несмотря на все великодушіе, на всю доброту, на всю справедливость Литвинова, враги у него все-таки были и какъ разъ потому, что признавали они наличность у него этихъ самыхъ высокихъ качествъ, С. Д. Литвиновъ былъ не только скроменъ въ своихъ привычкахъ, онъ урѣзывалъ не только до послѣдней крайности свои личныя потребности, онъ доходилъ до того, что отказывалъ себѣ въ необходимомъ, дабы помогать нуждающимся. Дивиденды съ общихъ бумагъ онъ отдавалъ въ кассу рабочихъ. Въ годы недорода онъ съ доступною ему щедростью жертвовалъ, что могъ, на продовольствіе голодающихъ, а о будущности своихъ пятерыхъ дѣтей какъ будто не заботился. Въ самое только послѣднее время жена успѣла ему напомнить про обязанности передъ семьей, про нужды подраставшихъ дѣтей. Но лишь появлялась какая-нибудь просьба о пособіи, Литвиновъ тотчасъ забывалъ про свои обѣщанія

женѣ и отдавалъ сбереженныя крохи безъ процентовъ. Сергѣй Дмитріевичъ былъ твердо увѣренъ, что Господь не оставитъ его семьи и попеченіе о ея будущемъ найдетъ себѣ вѣрную опору въ Промыслѣ. Пока силы его еще были бодры, онъ не безпокоился о завтрашнемъ днѣ, буквально исполняя законъ, данный Спасителемъ въ Нагорной проповѣди. Но была, однако, у Литвинова граница довѣрчивости и добродушію. Существовала черная точка, на которую онъ не переставалъ озираться подозрительно, сознавая въ ней вѣчнаго лукаваго врага христіанства. Здѣсь, въ Малороссіи, въ представителяхъ Моисеева закона, народа нѣкогда избраннаго, не было недостатка. И милостивый ко всѣмъ, щедрый и мягкій Литвиновъ не въ силахъ былъ побороть своей глубокой антипатіи къ еврейскому элементу. Конечно, нелюбовь его къ евреямъ не походила на ту могучую, непримиримую вражду, какая наполняла ихъ сердца противъ начальника полтавскихъ жел. дор. мастерскихъ. Они понимали, насколько для нихъ опасенъ такой рѣдкій по своему убѣжденному къ жизненному христіанству человѣкъ, какимъ былъ Литвиновъ. И за его доброту они ему отомстили. Онъ и не думалъ скрывать своего отрицательнаго отношенія къ этой отрасли семитическаго племени. Съ свойственной ему откровенностью, онъ на этотъ счетъ высказывался прямо. Но къ неимущимъ евреямъ, особенно къ молодымъ, онъ не питалъ нелюбви и всегда обращался съ ними самымъ примирительнымъ образомъ. Литвиновъ видѣлъ въ нихъ только матеріалъ, безпомощное тѣсто, изъ которыхъ ихъ вожди мѣсятъ, что угодно. Вся его прозорливая ненависть сосредоточилась на этихъ вождяхъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на его подозрѣнія, на него сыпались угрожающія письма. Отъ такъ называемыхъ сознательныхъ рабочихъ, науськанныхъ на Литвинова евреемъ Сандомірскимъ, носившаго среди рабочихъ кличку „товарища Антона“. Предостерегали С. Д. не разъ и друзья, но онъ не обращалъ ни на предостереженія, ни на угрозы достаточно вниманія. Разъ только, во время первой забастовки, когда онъ собственноручно заперъ свистокъ и безстрашно вступилъ въ ряды толпы, собираясь увѣщевать

бунтовщиковъ, кто-то, оставшійся неизвѣстнымъ, сзади ударилъ его по затылку и повергъ на землю безъ чувствъ. Когда Литвиновъ очнулся. то вокругъ никого уже не было. Но и тутъ онъ остался совершенно спокойнымъ, не сообщивъ даже женѣ про то, что ему писали и будто самъ не вѣрилъ въ опасность. Но смерть была уже близка. Отъ мастерскихъ до его квартиры путь въ одномъ мѣстѣ пролегалъ по узкой лощинѣ, будто самой судьбой предназначенной для покушенія.

Вившаяся по этой лощинѣ тропинка, правда, была не длинна,—всего она тянулась какихъ-нибудь 200 шаговъ,—но въ началѣ этого опаснаго пути нельзя было видѣть, что дѣлается на его концѣ—такъ круто повертывала тропинка, а высоту стѣны съ обѣихъ сторонъ замыкалъ видъ изгиба. 20 января 1905 г., въ самый разгаръ смуты, С. Д. уже подъ вечеръ возвращался домой, не задумываясь, вступилъ въ опасное ущелье,—такъ мало боялся онъ смерти. И вотъ, въ 20 шагахъ отъ выхода, двумя пулями, изъ которыхъ одна попала въ сердце, онъ былъ убитъ на мѣстѣ. Преступникъ до сихъ поръ не разысканъ. Извѣстна только его по еврейски звучащая фамилія и безслѣдное его исчезновеніе заставляетъ предполагать, что единомышленники и единовѣрцы покончили съ нимъ, какъ съ ненужнымъ больше орудіемъ. Такъ всего проще было спрятать концы въ воду. Въ тотъ же день другой еврейской рукой былъ сраженъ въ Полтавѣ и другой мученикъ за правое дѣло, Филоновъ. Ненавистники русскаго народа, зная, что ему всего святѣе и драгоцѣннѣе, принесли своей ненависти разомъ двѣ жертвы.

Въ нашъ вѣкъ циничнаго эгоизма и ненасытнаго своекорыстія, Литвиновъ являлся рѣдкимъ исключеніемъ среди русскаго общества и какъ служитель родины, отдававшій ей, не считая, время и старанія, и какъ отецъ семейства, посвящавшій свободныя минуты подготовкѣ будущихъ вѣрныхъ гражданъ, въ лицѣ своихъ пятерыхъ дѣтей. Не остановилась рука нафанатизированнаго убійцы ни передъ заслугами С. Д—ва, ни передъ его незаурядным истинно-

христіанскимъ братолюбіемъ, ни передъ тѣмъ, что онъ былъ единственной опорой многочисленной семьи.

Блестящія качества его чистой души какъ будто даже подстрекнули съ нимъ покончить, какъ съ опаснымъ представителемъ христіанскаго добра въ рядахъ ненавистнаго начальства и болѣе еще какъ опаснымъ примѣромъ и для подчиненныхъ и для чужихъ.

Николай Модестовичъ Богдановичъ

Уфимскій губернаторъ, убитъ 6 мая 1903 г.

На окраинѣ города Уфы, въ одномъ изъ его отдаленныхъ, глухихъ уголковъ, въ бѣдно обстановленной компаткѣ одноэтажнаго деревяннаго домика, вечеромъ, собралось общество человѣкъ въ 15—20.

Керосиновая лампочка слабо освѣщала сидѣвшія въ комнатѣ фигуры. Всѣ присутствующіе, среди которыхъ были три молодыхъ женщины, имѣли тотъ неряшливый, небрежный и взъерошенный видъ, который присвоила себѣ, осо-

бенно въ послѣдніе годы, молодежь, принимающая участіе въ революціонномъ „освободительномъ“ движеніи. Тутъ были и студенты, и фельдшера земской больницы, нѣсколько желѣзнодорожныхъ служащихъ и народныхъ учителей,однимъ словомъ та зеленая молодежь, которая, начитавшись Маркса, Каутскаго и т. п. книжекъ, наслушавшись соціально-революціонныхъ рѣчей, рѣшила боротся за „освобожденіе“ народа.

Взоры всѣхъ сидящихъ за столомъ были обращены къ невзрачнаго вида человѣку, который, видимо, господствовалъ надъ собраніемъ.

— Товарищи,—сказалъ онъ, и его непріятный голосъ съ акцентомъ прозвучалъ строго и рѣшительно,—мы собрались сюда по экстренному распоряженію Центральнаго Комитета, дающаго свои указанія нашему кружку, какъ вамъ это извѣстно, черезъ меня. Распоряженіе чрезвычайной важности...

Глаза оратора заблестѣли, и не большая голова гордо откинулась назадъ... Вся его маленькая фигурка всѣмъ своимъ видомъ, казалось, говорила о горделивомъ самосознаніи такого порученія.

— Товарищи,—продолжалъ ораторъ,—вы всѣ очень хорошо знаете, что здѣшній представитель Правительства, губернаторъ Богдановичъ, намъ не на руку. Этотъ человѣкъ, сильный и энергичный, ставитъ намъ на каждомъ шагу препятствія; онъ мѣшаетъ намъ свободно идти къ завѣтной цѣли — уничтоженію Самодержавія и превращенію этой страны въ независимую республику, въ которой не теперешніе чиновники и бюрократы будутъ помыкать нами, а мы ими... Но всѣ наши начинанія разбиваются о рѣшительность и строгость этого слуги Самодержавнаго Правительства... Цѣлый рядъ фактовъ показываетъ намъ, какъ опасенъ для нашего дѣла этотъ человѣкъ. Напримѣръ, такъ долго подготовляемые нами безпорядки на Уральскихъ заводахъ, которые должны были принести такіе плодотворные, блестящіе результаты для нашего освободительнаго дѣла, не удались, благодаря его бдительности и принятымъ имъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Полиція, подъ его давленіемъ, не спуская глазъ, зорко наблюдаетъ за всѣми нашими дѣйствіями,

на каждомъ шагу обнаруживая наши самыя тайныя конспиративныя собранія и типографіи... Такъ далѣе продолжаться не можетъ!.. Богдановича надо удалить, надо стереть съ лица земли этого врага нашей освободительной тактики!..

Глаза оратора злобно сверкали, отъ напряженія лицо было красно, голосъ хрипѣлъ.

Эти наглыя, дерзкія слова встрѣтили живое сочувствіе въ неуравновѣшенныхъ умахъ его слушателей.

— Итакъ, товарищи, Богдановича надо уничтожить... Какъ, гдѣ и когда—это будетъ указано впослѣдствіи... Надзоръ за совершеніемъ акта возложенъ на меня, остается только рѣшить,—кто же явится исполнителемъ этого важнаго порученія, кто возьметъ на себя великое мужество исполнить волю Центральнаго Комитета?

Но на этотъ разъ отвѣтомъ собранія было глубокое молчаніе. Мысли огненнымъ зигзагомъ проносились въ возбужденномъ мозгу слушателей, въ сердца же невольно прокрадывалась тихая, ноющая тоска...

— Убійство... кровь... За что-же!?. Развѣ необходимо примѣнить эту жестокость!?. Развѣ Богдановичъ такъ сильно виноватъ передъ народомъ!?. Вѣдь, онъ только строгій и энергичный исполнитель закона, исполнитель приказаній той власти, которая поставила его на такой отвѣтственный постъ... Убить!..—Убить-то можно, да только попадешься и самого повѣсятъ... Нѣтъ лучше не вызываться...

Такія разнообразныя мысли роились въ головахъ „освободителей“ и заглушали собою тотъ наглый вызовъ, который былъ первымъ отвѣтомъ на предложеніе оратора. Очевидно, отъ словъ приступить къ дѣлу было не такъ легко и просто, какъ это казалось раньше...

— Ну, что-же, товарищи, желающихъ нѣтъ никого? Въ такомъ случаѣ, я предлагаю тянуть жребій... Всѣ мы здѣсь присутствующіе облечены особымъ довѣріемъ Центральнаго Комитета и собранные сюда по его приказанію мы должны оправдать это высокое для насъ довѣріе... Итакъ, приступимъ къ жребію... Товарищъ Ивановъ, приготовьте билетики по числу присутствующихъ, на одномъ напишите букву

„я“, и кто вытянетъ этотъ отмѣченный билетикъ, тотъ освободитъ нашу губернію отъ ея угнетателя. .

Гробовое, подавленное молчаніе сопровождало эти слова... Но тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ присутствующихъ не обмолвился ни однимъ словомъ протеста. Это было безсловесное стадо, ведомое вожакомъ на закланіе. Началась жеребьевка.

Сердце у каждого замирало, когда рука тянулась къ маленькому, бѣленькому кусочку бумажки, на которомъ одна только буква приговаривала одного—къ безпощадной смерти, а другого—къ совершенію возмутительнѣйшаго преступленія въ мірѣ.

Жуткая, тишина воцарилась по всей комнатѣ.

— Слава Богу, не я,—мелькало въ головѣ у каждаго, кто вытягивалъ чистую бумажку; отъ сердца словно отваливался тяжелый камень, становилось снова легко и свободно.

— Я!..—вдругъ раздалось въ тишинѣ, и молодой человѣкъ, высокій и худощавый, протянулъ предсѣдателю бѣленькую бумажку, на которой была написана роковая буква.

— Поздравляю васъ, товарищъ,—сказалъ предсѣдатель.—Я и всѣ собравшіеся тутъ желаемъ вамъ успѣха, а слѣдить и помогать исполненію нашего плана будемъ я и вы, товарищъ,—обратился ораторъ къ сидѣвшему возлѣ него юношѣ.— Ну, о подробностяхъ этого дѣла поговоримъ въ слѣдующій разъ, а теперь, господа, разойдемтесь...

Судьба Богдановича была рѣшена.

Было уже за полночь. Свѣтлая весенняя ночь... Степи, горы, рѣка, и весь городъ словно купаются въ серебряныхъ волнахъ луннаго свѣта... Тишина мягкая и торжественная разлита по всей природѣ... У всякаго естественно здороваго человѣка просыпаются въ сердцѣ неясныя, сладкія мечты, желаніе правды, любви и свѣта такого-же чистаго, хрустальнаго, какъ эта голубая, прозрачная ночь...

И въ такую-то весеннюю ночь, когда, казалось, должны исчезнуть злоба и вражда, была рѣшена смерть человѣка, виновнаго лишь въ томъ, что онъ былъ не угоденъ кучкѣ

крикливыхъ наглецовъ, пресловутыхъ „освободителей“ народа... Въ эту теплую лунную ночь смерть простерла свое черное крыло надъ головой Н. М. Богдановича, готовая вцѣпиться въ свою жертву острыми когтями...

Пропѣли пѣтухи... Ночь прощалась съ землею... На востокѣ загоралась блѣдно-розовая молодая заря...

. . . . . .

„Вчера, 6-го мая свершилось злодѣйское покушеніе на жизнь губернатора Уфимской губерніи Н. М. Богдановича. Злодѣй подстерегъ губернатора,когда послѣдній гулялъ въ 4 часа дня въ Ушаковскомъ паркѣ и нѣсколькими выстрѣлами убилъ наповалъ. Преступникъ скрылся незамѣченнымъ. Слѣдствіе производится“.

Такъ гласили мѣстныя газеты на слѣдующій день убійства Богдановича.

Итакъ, злодѣйскій замыселъ анархистовъ былъ приведенъ въ исполненіе и для нихъ удачно. Рука преступника не дрогнула подняться и однимъ ударомъ сразить жизнь человѣка смѣлаго, энергичнаго, вѣрнаго слуги Царя и Родины, идеальнаго администратора, поборника правды и глашатая государственной идеи.. Убійцамъ — крамольникамъ такіе люди не по сердцу. Эти вѣрные слуги Царя, благоговѣющіе, и оберегающіе, какъ зѣницу ока, интересы Монарха и своей Родины, смотрящіе безстрашно въ глаза смерти, своей прямой честной дѣятельностью мѣшаютъ, препятствуютъ развитію революціоннаго преступнаго дѣла, подрывающаго государственные, экономическіе, нравственные и религіозные устои Россіи...

„Исполнитель долга и государственный дѣятель обязанъ быть на виду у всѣхъ и смотрѣть съ вызовомъ въ глаза смерти,“ вотъ каковъ былъ девизъ Н. М. Богдановича, и онъ своей дѣятельностью и трагической кончиной доказалъ всему русскому народу, что онъ съ этимъ девизомъ жилъ, работалъ и умеръ.

Николай Модестовичъ Богдановичъ происходилъ изъ дворянской семьи. По окончаніи курса средняго образованія онъ поступилъ въ С.-Петербургскій Университетъ на юридическій факультетъ, который кончилъ въ 1875 году.

Поступивъ на службу по Министерству Юстиціи, онъ сразу выдался своими способностями въ выполненіи разныхъ серьезныхъ порученій и этимъ самымъ обратилъ на себя вниманіе высшаго начальства, такъ что менѣе, чѣмъ черезъ годъ по окончаніи курса былъ назначенъ товарищемъ прокурора Кіевскаго Окружного Суда, а затѣмъ, эту-же должность исполнялъ въ Варшавѣ и Петербургѣ. Прослуживъ въ Министерствѣ Юстиціи 12 лѣтъ, Николай Модестовичъ въ 1887 году перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ качествѣ Ломжинскаго вице-губернатора, а черезъ три года на ту-же должность въ Лифляндію. Въ 1892 году онъ получаетъ новый отвѣтственный постъ Тобольскаго губернатора.

На этомъ самостоятельномъ поприщѣ Сибири Н. М. Богдановичъ въ полномъ ея расцвѣтѣ проявилъ свою дѣятельность. Не щадя ни силъ, ни здоровья, онъ работалъ и заботился о крестьянскомъ населеніи, приводя въ исполненіе много полезныхъ мѣропріятій, касающихся ввѣреннаго ему народа.

Съ перваго-же года своего вступленія на постъ губернатора, Н. М. пришлось приложить массу труда и напряженія силъ въ борьбѣ съ тяжелымъ экономическимъ состояніемъ крестьянъ, которое было послѣдствіемъ цѣлаго ряда бѣдствій: голодный 1891 годъ, неурожай слѣдующаго 1892 года, вслѣдствіе развившейся въ необъятномъ количествѣ кобылки, появленіе холеры,—всѣ эти обстоятельства окончательно сокрушили крестьянскія силы, какъ экономическія, такъ и физическія. Только что назначенный губернаторомъ Н. М. Богдановичъ, не заѣзжая даже въ г. Тобольскъ, прямо отправился въ болѣе пострадавшія мѣстности, дѣлая быстрыя, рѣшительныя распоряженія, воодушевляя своимъ твердымъ, бодрымъ словомъ служащихъ и упавшій духомъ народъ къ общей и дружной работѣ. Энергичная и дѣятельная работа Н. М. Богдановича принесла блестящіе результаты въ этотъ тяжелый періодъ экономической жизни Тобольской губерніи: для борьбы съ кобылкой онъ вызалъ опытныхъ людей съ агрономическимъ образованіемъ, которые прекратили развитіе этого зловред-

наго насѣкомаго въ самомъ его началѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ почти въ то-же время, цѣлымъ рядомъ основательныхъ и рѣшительныхъ мѣръ, Богдановичъ предупредилъ распространеніе холерной заразы по большому Сибирскому тракту и по водному пути. Съ такою-же лихорадочной поспѣшностью онъ принимается и за созидательную работу.

Прежде всего, по настоянію Николая Модестовича увеличивается число крестьянскихъ чиновниковъ, въ которыхъ онъ видѣлъ могучее орудіе для проведенія въ жизнь многихъ крайне важныхъ для крестьянскаго населенія мѣропріятій. Горячо любя свой родной народъ, Н. М. Богдановичъ заботился объ улучшеніи его сельскаго хозяйства, объ охраненіи его здоровья и о духовномъ просвѣщеніи его.

Благодаря его усиліямъ въ г. Тобольскѣ создается должность губернскаго агронома, на которую приглашается опытный и знающій свое дѣло человѣкъ; въ Ялуторовскѣ организуется нѣсколько сельско-хозяйственныхъ складовъ; отъ Министерства Земледѣлія испрашивается опытный инструкторъ маслодѣлія,—это положило начало устройству артели крестьянскихъ и общественныхъ маслодѣловъ, развившихся теперь по всей Сибири въ большомъ количествѣ, и образовавшихъ ядро крупнаго экспорта изъ Сибири сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, ввидѣ сибирскаго масла; въ Курганѣ въ 1893 году устраивается сельскохозяйственная выставка, давшая толчекъ къ образованію въ г. Курганѣ отдѣленія Московскаго сельско-хозяйственнаго общества, развившагося въ солидное учрежденіе, дѣйствующее и понынѣ. Заботясь объ охраненіи народнаго здоровья въ ввѣренной ему губерніи, отзывчивый и добрый сердцемъ, Н. М. Богдановичъ очень страдалъ, видя, что медицинская помощь недостаточна, и народъ, лишенный врачебнаго ухода и помощи, легко поддается всякимъ болѣзнямъ и эпидеміямъ. Подъ его вліяніемъ, благодаря частнымъ пожертвованіямъ и средствамъ крестьянскаго общества начинаютъ создаваться сельскія больницы. Это дало основаніе хлопотать объ увеличеніи штата врачей и фельдшеровъ и объ ассигнованіи средствъ на ихъ содержаніе.

И народное образованіе не осталось безъ заботъ и вниманія со стороны энергичнаго Н. М. Богдановича. Въ періодъ его дѣятельности въ Сибири значительно увеличилось число народныхъ школъ, улучшилась ихъ обстановка и школьныя зданія, которыя строило крестьянское общества на свой счетъ, а въ Ялуторовскомъ округѣ появились даже передвижныя народныя школы. Кромѣ всего этого въ волостныхъ правленіяхъ и школахъ повсюду начали устраиваться библіотеки и до тѣхъ поръ невиданные крестьянами волшебные фонари, которые иллюстрируютъ народныя чтенія. По иниціативѣ Н. М. Богдановича при волостныхъ правленіяхъ былъ устроенъ рядъ упрощенныхъ почтовыхъ отдѣленій и организована болѣе правильная почта.

Много такого-же горячаго участія и большого вниманія проявилъ онъ и въ переселенческомъ дѣлѣ, слѣдя за дѣятельностью крестьянскихъ чиновъ по устройству переселенцевъ, за своевременной выдачей домообзаводственныхъ ссудъ. Покойный губернаторъ стремился удовлетворить ихъ сельскохозяйственными орудіями и лѣсомъ для построекъ; съ этой цѣлью въ Тарскомъ округѣ, близъ г. Омска, были устроены лѣсные склады. Идя навстрѣчу желаніямъ Сибирскаго Комитета, Николай Модестовичъ принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ церквей и школъ въ переселенческихъ поселкахъ. Среди этой кипучей дѣятельности онъ успѣлъ посѣтить Березовскій округъ на сѣверѣ губерніи и принять мѣры въ защиту инородческаго населенія отъ эксплоатаціи рыбопромышленниковъ.

Сколько надо было имѣть силъ, терпѣнія и энергіи, чтобы взвалить себѣ на плечи такую разнообразную и трудную работу и совершить ее успѣшно въ такой короткій срокъ, какъ три года!.. Великая сила Н. М. Богдановича заключалась въ постоянномъ личномъ трудѣ и въ имѣніи заставить трудиться другихъ. Ласковый, отзывчивый, онъ придавалъ энергію своимъ помощникамъ, давалъ инициативу, самъ выслушивалъ и интересовался каждымъ дѣломъ, и дѣлалъ это совершенно просто, отбросивъ ненужныя формальности и оффиціальность.

Въ 1896 году покойный Николай Модестовичъ получилъ назначеніе въ Петербургъ на должность начальника Главнаго Тюремнаго Управленія. Но канцелярская работа, отсутствіе правильнаго образа жизни и климатъ Петербурга не соотвѣтствовали его живому характеру и надорванному здоровью. Онъ сталъ хлопотать о другомъ назначеніи, которое и получилъ въ томъ-же 1896 году. Ему былъ предложенъ постъ Уфимскаго губернатора, на которомъ онъ прослужилъ семь лѣтъ и умеръ мученической смертью, оставшись до конца своихъ дней вѣрнымъ Царю и Отчеству.

Обширная и разнообразная по составу населенія Уфимская губернія предъявляла массу вопросовъ и создавала цѣлый рядъ все новыхъ и новыхъ осложненій.

Прежде всего Н. М. Богдановичу въ концѣ 1896 года, по прибытіи на мѣсто своей службы, пришлось произвести народную перепись, которая, неправильнымъ ея толкованіемъ, вызвала среди магометанскаго населенія безпорядки. Эти смуты, благодаря энергіи и рѣшительному образу дѣйствій новаго губернатора, были скоро и удачно прекращены, и темное башкирское населеніе, подстрекаемое фанатиками религіи, сознало безсмысленность своихъ волненій. Ознакомившись быстро съ характеромъ губерніи и съ разнообразнымъ ея населеніемъ,—аборигенами страны—башкирами и переселенцами, которые стремились на земли инородцевъ, Николай Модестовичъ быстро уяснилъ себѣ причины происходившихъ въ губерніи земельныхъ неурядицъ. Желая облегчить малоземельному мѣстному населенію путь къ пріобрѣтенію башкирской земли, Богдановичъ испрашиваетъ въ Уфимскую губернію переселенческаго чиновника, ходатайствуетъ о расширеніи покупокъ земли за счетъ Поземельнаго Крестьянскаго Банка, а земскимъ начальникамъ и губернскому присутствію даетъ цѣлый рядъ указаній по упорядоченію и быстрому разрѣшенію земельныхъ сдѣлокъ. Особенно заботило его поземельное устройство горнозаводскихъ крестьянъ. Отстаивая интересы этой части населенія, Н. М. Богдановичъ часто ѣздилъ на совѣщанія въ г. Златоустъ и посылалъ сильныя представленія по этому дѣлу въ разныя Министерства.

Пришлось и въ этой губерніи покойному бороться съ неурожаемъ 1898 года и его губительными послѣдствіями. Много трудовъ и на этотъ разъ приложилъ губернаторъ, чтобы облегчить народу перенести экономически этотъ бѣдственный годъ и не допустить распространенія болѣзней, а тѣмъ болѣе не допустить массовыхъ смертельныхъ исходовъ. Испрашивая суммы, необходимыя для продовольствія населенія и обсѣмененія полей, Н. М. Богдановичъ привлекъ въ губернію дѣятелей Краснаго Креста, давшаго для нуждъ населенія 800.000 р. и 12.500 лошадей. Сознавая силу и пользу крестьянскихъ учрежденій, Богдановичъ, за все время своей дѣятельности, идетъ рука объ руку съ земствомъ и въ союзѣ съ нимъ блестяще проводитъ первую продовольственную кампанію неурожайнаго 1901—года. Подъ его энергичнымъ руководствомъ задача эта была умѣло и успѣшно выполнена, и Уфимская губернія была одной изъ передовыхъ по результатамъ этой кампаніи.

Конечно, такой усиленный трудъ не могъ безслѣдно пройти для здоровья Николая Модестовича: его головокруженія и слабость слуха, вслѣдствіе мучившей его ушной болѣзни, стали усиливаться. Здоровье его окончательно пошатнулось, когда печальная Златоустовская исторія вселила безпокойство и омрачила его мягкую и добрую душу. Какъ опытный администраторъ, какъ человѣкъ, принявшій на себя долгъ и свято его исполнявшій въ теченіе всей своей службы, Н. М. Богдановичъ былъ спокоенъ. Онъ отлично понималъ, что бурное возбужденіе полутемной толпы, ея разгорѣвшіяся страсти требовали отъ него рѣшительныхъ мѣръ; онъ хорошо сознавалъ, что не щадя себя, своей жизни, онъ долженъ оберечь отъ озвѣрѣвшей толпы людей, поставленныхъ Свыше для управленія народомъ, онъ чувствовалъ, что на происходившее событіе зорко смотрятъ ближайшіе заводы, весь Уралъ. Необходимо было пресѣчь волненіе въ корнѣ, предотвратить широкую волну безпорядковъ. Останавливаться передъ вопросомъ о сохраненіи жизни нѣсколькихъ зачинщиковъ, чтобы оградить благосостояніе и жизнь всей прочей рабочей массы, а равно и промышленно-экономическое

значеніе Златоустовскаго района,—не приходилось, Богдановичъ все это прекрасно понималъ и принялъ строгія и рѣшительныя мѣры.

Безпорядки были прекращены.

Но революціонеры рѣшили отомстить за это губернатору, и онъ сталъ получать угрозы и предупрежденія о смерти: Н. М. смѣло глядѣлъ ей въ глаза и отказывался отъ всякой охраны. Онъ спокойно появлялся на улицѣ и въ общественныхъ мѣстахъ, пока подлые мстители убійцы, воспользовавшись этимъ его благородствомъ и довѣрчивостью не подняли на этого идеальнаго начальника и руководителя губерніи свою грязно—кровавую руку.

Изъ этого краткаго біографическаго очерка видно, какой свѣтлой личностью былъ Николай Модестовичъ Богдановичъ. Можно ли назвать его врагомъ простого народа, угнетателемъ его свободы, высокомѣрнымъ попирателемъ его жизненныхъ, экономическихъ и духовныхъ интересовъ??!! Можно-ли оправдать кощунственную руку, поднявшуюся на его жизнь, якобы въ защиту того именно народа, благодарнымъ слугой и работникомъ котораго былъ всю свою жизнь почившій Николай Модестовичъ??!!.

Но революціонеры судятъ по другой логикѣ: будь хоть семи пядей во лбу, будь хоть кристальной души, расточи хоть по каплѣ всю свою кровь на пользу и благо простого народа, но если не покланяешься идоламъ и фетишамъ революціи, не подхалимствуешь передъ ея „Азефами“, не продаешь родину за цѣну жидовскаго золота, тогда—смерть тебѣ, смерть безпощадная, жестокая и безсмысленная!.....

Хотя дѣятельность Н. М. Богдановича въ Уфимской губерніи не была такъ захватывающа, какъ въ Сибири, но, во всякомъ случаѣ, это была дѣятельность живая, полная энергіи и добрыхъ начинаній, полная любви къ народу, къ Родинѣ и къ Царю—Самодержцу....

Его свѣтлый умъ, мягкій характеръ, отзывчивое, доброе сердце и глубокая христіанская религіозность располагали къ нему сердца всѣхъ, знавшихъ его, и онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовію.

Торжественные проводы его тѣла, несмѣтное скопленіе народа на всемъ пути шествія печальной процессіи, масса вѣнковъ съ трогательными, задушевными надписями отъ частныхъ лицъ и разныхъ учрежденій, и горячія прочувствованныя рѣчи—вотъ послѣдняя дань благодарности и уваженія къ свѣтлой личности Богдановича.

И не одна искренняя, горячая слеза скорби и печали была лучшимъ, неувядаемымъ цвѣткомъ на его безвременной могилѣ....

Елисавета Сытина
и земскіе стражники:
Семенъ Горбаченко и Ѳома Янецъ.

Среди тѣней жертвъ, замученныхъ и убитыхъ революціонерами, встаетъ окровавленный образъ молодой 16-ти лѣтней дѣвушки, сраженной 9-ью пулями и скончавшейся на мѣстѣ, воскликнувъ только:

— „Боже, Боже!“

Эта молодая дѣвушка, почти ребенокъ, привѣтливая и кроткая, никому не причинившая зла, любимая окружающими—имѣла, казалось бы, всѣ права на счастье жизни, но какое дѣло до того „освободителямъ“, прикрывающимъ громкими фразами о „правахъ человѣка“ свою слѣпую ненависть къ людямъ? Они только лишній разъ обагрили невинной кровью свои руки.

Если бы убита была какая-нибудь еврейка,—газеты всего міра подняли бы вопль о звѣрскомъ преступленіи, общество заволновалось бы, невинную жертву оплакивали бы на всѣ лады и печать громко требовала бы отъ русскихъ властей разыскать и наказать убійцъ, на которыхъ посыпались бы проклятья...

Но убита была русская — Елисавета Сытина, дочь генералъ-маіора, начальника Кѣлецкаго Губернскаго Жандармскаго управленія, — убійцы безслѣдно скрылись и событіе прошло незамѣченнымъ; къ тому же совершилось оно 12-го іюня 1909., г. когда, по глубокому убѣжденію нашего правительства, въ странѣ уже наступило полное успокоеніе.

Елисавета Сытина была ученицей Кѣлецкой женской гимназіи и только что весной перешла съ наградой 2-ой степени въ 7-ой классъ. Она много трудилась и первая полученная ею награда очень ее радовала. Въ гимназіи она была любима подругами; всегда отзывчивая, доброжелательная и оживленная, хотя не по дѣтски задумчивая. Не принадлежа къ числу современныхъ типовъ, для которыхъ нѣтъ ничего святого и дорогого, она горячо любила своихъ родителей и въ особенности отца и признавалась подругамъ, что дрожитъ за его жизнь и молится за него, когда ему приходится куда-нибудь уѣзжать по службѣ.

Этотъ страхъ за жизнь отца преслѣдовалъ ее послѣднее время и, въ лѣтнюю ночь, она съ замираніемъ сердца вглядывалась въ небо, загадывая мысленно: „если упадетъ звѣзда,— убьютъ папу“... За нѣсколько дней до смерти она сама разсказывала объ этомъ близкимъ людямъ.

Но вмѣсто отца суждено было умереть ей самой.

Въ іюнѣ 1909 г. генералъ-маіоръ Юліанъ Федоровичъ Сытинъ отправился для обревизованія подвѣдомственныхъ ему жандармскихъ чиновъ въ посадѣ Бускъ, Стопницкаго уѣзда, Кѣлецкой губ., гдѣ находится водолѣчебный курортъ и по этому случаю съ нимъ поѣхала въ Бускъ семья (жена и три дочери). На обратномъ пути ген.-м. Сытинъ съ семьей заѣхалъ въ имѣніе „Липа“, Андреевскаго уѣзда, ротмистра Анненкова, начальника Жандармскаго Управленія Кѣлец-

каго и Влощовскаго уѣздовъ и выѣхалъ оттуда 12-го іюня около 4-хъ часовъ по полудни въ двухъ открытыхъ экипажахъ: въ первомъ ѣхала жена со старшей и самой младшей дочерьми Ольгой и Инной, а во второмъ Ю. Ф. Сытинъ съ дочерью Лизой. Отъѣхавъ отъ имѣнія „Липа“ 1½ версты, на губернскомъ шоссе они увидѣли двухъ неизвѣстныхъ молодыхъ людей, шедшихъ имъ на встрѣчу, которые, поровнявшись со вторымъ экипажемъ, открыли стрѣльбу изъ браунинговъ по сидѣвшимъ почти въ упоръ, причемъ Лиза Сытина была сразу убита 9-ью пулями въ голову, Ю. Ф. Сытинъ раненъ въ грудь на вылетъ и также тяжело раненъ кучеръ. Умирая, Лиза Сытина успѣла только проговорить: „Боже, Боже!“ . . .

Совершивъ свое ужасное дѣло, убійцы скрылись въ расположенномъ вблизи шоссе лѣсу, въ которомъ, говорятъ, шайка изъ 6-ти человѣкъ нѣсколько дней караулила свою жертву.

Услышавъ выстрѣлы, ѣхавшія въ первомъ экипажѣ остановились и поспѣшно выскочивъ, подбѣжали къ мѣсту несчастья. Они увидѣли Ю. Ф. Сытина въ крови, распростертаго въ дрожкахъ, а на немъ, защищая отца своимъ маленькимъ тѣломъ, лежала мертвая дочь...

Выразить словами все горе, весь ужасъ, овладѣвшій матерью при видѣ этого потрясающаго зрѣлища, — нельзя. Только тѣ, которые когда-либо сами теряли близкихъ, любимыхъ людей, поймутъ безъ словъ нестерпимую боль и отчаяніе несчастной и содрогнутся отъ негодованія на тѣхъ изверговъ, которые не пожалѣли молодой жизни!

Вечеромъ того же дня, 12-го іюня, когда семья земскаго стражника Семена Горбаченко собиралась на покой, прибѣжалъ служащій съ телефонной станціи и потребовалъ Горбаченко къ телефону. Сходивъ туда, онъ вернулся и сталъ быстро переодѣваться, надѣлъ вмѣсто кителя мундиръ и

наскоро объяснилъ женѣ, что на шоссе между Бусскомъ и Кѣльцами было совершено нападеніе на начальника Кѣлецкаго Губернскаго Жандармскаго управленія ген.-м. Сытина, причемъ убита его дочь, а самъ генералъ раненъ и что начальникъ Кѣлецкаго уѣзда приказалъ по телефону ему и земскому стражнику Ѳомѣ Янцу пойти по шоссе на розыски двухъ скрывшихся преступниковъ.

Для Семена Горбаченко, прослужившаго двадцать два года въ Земской стражѣ, опасная служба была дѣломъ привычнымъ. Тѣмъ не менѣе жена Горбаченко стала предостерегать его, а старшая дочь 16-ти лѣтъ, сидя за работой, начала плакать и просить отца не идти, на что послѣдній сердито сказалъ: „Ты занимайся своимъ дѣломъ и шей, а это не твое дѣло!“ и ни съ кѣмъ не простившись, ушелъ, захвативъ съ собою Ѳому Янца.

Когда семья улеглась и успѣла заснуть, раздался стукъ въ окно. Жена Горбаченко въ испугѣ вскочила, подбѣжала къ окошку... Стучалъ сотскій со старшиной.—„Давайте намъ подушекъ, надо нести на дачу къ начальнику уѣзда, тамъ гости пріѣхали, ночевать не на чемъ!“ Страхъ прошелъ, и, поворчавъ на то, что безпокоятъ людей въ такой поздній часъ, она дала подушки, снова улеглась и спокойно проспала всю ночь.

А между тѣмъ подушки вовсе не нужны были начальнику уѣзда, а требовались онѣ для ея израненнаго и умирающаго мужа; сотскій изъ жалости не рѣшился нанести ударъ этимъ извѣстіемъ беременной женщинѣ и придумалъ невинную ложь.

На слѣдующее утро квартирная хозяйка сообщила несчастной женщинѣ ужасную правду и она побѣжала въ городъ Кѣльцы, въ больницу, куда былъ перевезенъ ея мужъ.

Когда Горбаченко и Янецъ отправились по шоссе и прошли нѣсколько верстъ, они увидѣли, что изъ лѣсу вышли двое неизвѣстныхъ. Ввиду того, что по близости было много дачныхъ мѣстъ, стражники сначала приняли ихъ за гуляющихъ, но нѣкоторая странность въ этихъ людяхъ привлекла къ

нимъ вниманіе Янца, который послѣдовалъ за ними. Неизвѣстные оглянулись и одинъ изъ нихъ опустилъ руку въ карманъ за револьверомъ. Янецъ крикнулъ имъ: „Руки вверхъ!..“ Но въ ту же минуту раздались выстрѣлы. Янецъ упалъ. „Ну, Горбаченко, больше не увидимся, пришелъ конецъ мой...“ проговорилъ онъ, смертельно раненый, и тутъ-же умеръ. Тогда Горбаченко началъ стрѣлять въ злоумышленниковъ, но самъ получалъ одну пулю за другой: первая попала ему въ голову, вторая въ ногу, третьей оторвало палецъ правой руки и лишило возможности стрѣлять, а съ четвертой пулей въ пахъ, онъ упалъ. Злодѣи бѣжали и скрылись. Горбаченко пролежалъ на дорогѣ до тѣхъ поръ, пока его не подобрали проѣзжіе.

Несчастный промучился въ больницѣ 5 дней. Все время онъ былъ въ сознаніи и говорилъ женѣ: „Не плачь, такъ суждено отъ Бога, не приводи дѣтей и уйди сама, мнѣ тяжело на васъ смотрѣть!“ Онъ умеръ 17-го іюня въ ужасныхъ страданіяхъ.

Когда дѣти узнали о смерти отца, они страшно убивались, въ особенности средняя, 13-ти лѣтняя дочь, которая долго не могла прійдти въ себя, билась головой объ полъ и кричала.

Горбаченко оставилъ послѣ себя вдову съ 6-ью человѣками дѣтей, въ ожиданіи седьмого. Двѣ дочери его приняты въ пріютъ Св. Вѣры на ст. Камінскъ, въ усадбѣ Казаринова.

Семенъ Горбаченко былъ сынъ крестьянина, родился въ г. Кіевѣ, служилъ въ артиллеріи въ Радомѣ. Окончивъ службу, онъ поступилъ земскимъ стражникомъ въ Радомскую губернію и тамъ же женился. Онъ прослужилъ 22 года въ Земской стражѣ, сначала въ Радомѣ, а потомъ въ Бѣлогопахъ, Кѣлецкой губ. Скончался онъ 46-ти лѣтъ отъ роду.

Ѳома Янецъ умеръ 36-ти лѣтъ и по немъ осталась вдова съ тремя дѣтьми.

Три убійства, совершонныя во имя свободы двумя негодяями въ одинъ и тотъ же день, повлекшія за собою несчастіе и разореніе цѣлыхъ семействъ, — остались до сихъ поръ безнаказаннымп. Но кровь невинныхъ мучениковъ долга взываетъ къ небу и если преступникамъ удалось ускользнуть отъ земного суда, мы вѣримъ, что ихъ ждетъ другой, болѣе грозный—судъ Божій.

Семенъ Васильевичъ Руденко.

Правитель канцеляріи начальника Кубанской области. Палъ жертвой долга 21 сентября 1907 г. въ г. Екатеринодарѣ.

Всѣмъ, кому приходилось имѣть въ послѣдніе годы дѣла въ кубанскомъ управленіи, хорошо памятна симпатичная личность С. В. Руденко.—Красивый, видный мужчина, высокаго роста, блондинъ, онъ казался прямо неутомимымъ. Всякій имѣвшій къ нему дѣла могъ разсчитывать на самое предупредительное отношеніе.

Семенъ Васильевичъ Руденко происходилъ изъ духовнаго званія. Родился 1 сентября 1866 г. Окончилъ курсъ въ Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ по юридическому факультету и былъ опредѣленъ кандидатомъ на

судебныя должности при виленской судебной палатѣ 18 сентября 1891 года.

Съ этого года и до 1907 года, до момента смерти, послѣдовавшей отъ руки убійцы 21 сентября, Семенъ Васильевичъ послѣдовательно занималъ слѣдующія должности: помощника секретаря въ уголовномъ департаментѣ виленской судебной палаты, судебнаго слѣдователя при иркутскомъ окружномъ судѣ, товарища прокурора иркутскаго окружнаго суда, преподавателя законовѣдѣнія въ иркутскомъ промышленномъ училищѣ и горнаго законодательства въ иркутскомъ горномъ училищѣ, коммисара по крестьянскимъ дѣламъ въ Лифляндской губ., правителя канцеляріи начальника Кубанской области и наказнаго атамана кубанскаго казачьяго войска (эту должность Семенъ Васильевичъ занималъ послѣднею передъ смертью) и завѣдующаго дѣлопроизводствомъ кубанскаго присутствія по промысловому налогу, секретаря кубанскаго статистическаго комитета, директора кубанскаго областнаго попечительства о тюрьмахъ, секретаря по городскимъ дѣламъ присутствія и редактора неофиціальной части „Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей“.

При его прекрасныхъ душевныхъ качествахъ, обходительности и щепетильному отношенію къ своимъ обязанностямъ, казалось С. В. не могъ возбудить противъ себя чьелибо неудовольствія.

Онъ былъ убѣжденный, твердый приверженецъ русскихъ исконныхъ началъ и непоколебимый слуга Престола и Отечества, и съ глубокимъ негодованіемъ отнесся къ выбору отъ Кубанскаго войска въ Госуд. Думу кадета Бардижа, которому возмущенное офицерство Войска, послѣ его поведенія въ Думѣ перваго и второго созыва пересталъ подавать руку. За эти осужденія и за статьи въ „Кубанскихъ Вѣдомостяхъ“ возстало противъ него революціонное подполье и въ началѣ сентября его хотѣли привлечь къ суду за его мнѣніе о бывшемъ депутатѣ отъ Ногбаи.

— Суда я нисколько не боюсь,—говорилъ онъ нѣкоторымъ знакомымъ,—судъ меня всегда оправдаетъ. Но этотъ господинъ такого пошиба, что не остановится ни передъ

чѣмъ и со мной не постѣснится раздѣлаться черезъ своихъ единомышленниковъ. Моя пѣсенка спѣта,—но я не отступлю никогда отъ своихъ убѣжденій.

Въ роковой день, 21 сентября въ 8½ час. утра, С. В. изъ квартиры своей направился пѣшкомъ въ статистическій комитетъ. Убійца, очевидно, слѣдилъ за нимъ изъ квартиры, но совершить преступленіе раньше, почему-либо, не представлялось возможнымъ. Дойдя до зданія комитета, на углу Красной и Штабной улицъ, С. В. повернулъ къ крыльцу его. Этимъ моментомъ воспользовался убійца и сзади выстрѣлилъ въ него. Пуля попала въ затылокъ и застряла въ шейномъ позвонкѣ. С. В. упалъ, но черезъ нѣсколько секундъ поднялся. Тогда злодѣй вторично подскочилъ къ нему и произвелъ еще три выстрѣла: два въ животъ и одинъ въ ногу, а затѣмъ, считая свое дѣло покончennымъ, бросился бѣжать по Красной улицѣ по направленію къ Крѣпостной площади. Добѣжавъ до армянской церкви, злодѣй перескочилъ заборъ и направился черезъ церковный дворъ на Графскую улицу. Церковный сторожъ, видя бѣгущаго человѣка безъ фуражки, которая осталась въ церковномъ дворѣ и не зная въ чемъ дѣло, пытался было задержать его, но убійца сдѣлалъ выстрѣлъ и побѣжалъ дальше; безпрепятственно перелѣзъ черезъ заборъ и направился по Графской улицѣ къ Карасупу, гдѣ и скрылся. Раненнаго С. В. служащіе типографіи Областнаго правленія подняли на руки и отнесли ближе къ крыльцу комитета; на вопросъ одного изъ нихъ, не знаетъ-ли онъ убійцу, С. В. отвѣтилъ отрицательнымъ движеніемъ головы. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ доставленъ въ войсковую больницу, гдѣ ему оказана была возможная медицинская помощь. При помощи морфія и кислорода удалось поддержать жизнь С. В. въ теченіе четырехъ часовъ, а въ часъ дня С. В. не стало. До послѣдней минуты своей жизни С. В. сохранилъ память, узнавалъ присутствовавшихъ и вполнѣ осмысленно отвѣчалъ на всѣ задаваемые вопросы и все время твердилъ: „гдѣ портфель“? Въ немъ „важныя бумаги“, „сохраните портфель“. Не смотря на страшныя раны, онъ обнаружилъ рѣдкое присутствіе духа.

С. В. Руденко не стало—революціонная іудейская гидра вырвала еще одну жертву изъ ряда доблестныхъ слугъ Россіи.

Съ того момента, какъ выяснилось по дѣлу Бордижа, что С. В. убѣжденный монархистъ, революціонная банда прямо сорвалась съ цѣпи. Въ то время во главѣ Кубанской области находился яицкій выходецъ, который самъ якшался съ „товарищами“. Когда разразилась у насъ „освободительная“ вакханалія и потерпѣла неудачу, противъ С. В. повелась открытая агитація: со стороны неучащихся студентовъ, гимназистовъ, гимназистокъ, докторовъ, учителей, городской управы и особенно жидовъ; посыпались протесты, жалобы, петиціи, угрозы. Покойнаго обвиняли въ организаціи жидовскихъ погромовъ, избіеніи учащихся и интеллигенціи. Въ открытой борьбѣ покойный съ честью устоялъ, но злодѣйская пуля изъ-за угла прервала полезную и многообѣщавшую жизнь.

На наглыя письменныя требованія революціонеровъ оставить Кубанскую область и угрозы смертью С. В. не обращалъ вниманія и только когда приближались выборы въ 3-ю Думу, не задолго передъ смертью, предчувствіе ему предсказало, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ и что придется разстаться съ жизнью. Онъ заготовилъ отвѣтъ своимъ убійцамъ, который появился въ печати уже послѣ его смерти („Куб. Вѣд.“ 1907 г. № 216) и который вслѣдствіе его характерности мы приведемъ полностью:

„*Къ убійцамъ.* Въ послѣднее время ко мнѣ разными путями, иногда даже черезъ третьихъ лицъ, доходятъ угрозы лишить меня жизни за то, что я противодѣйствую „освободительному“ движенію и являюсь виновникомъ репрессій, принимаемыхъ въ отношеніи разныхъ лицъ. При послѣдней угрозѣ мнѣ преподанъ даже совѣтъ — поскорѣе оставить службу въ Кубанской области, такъ какъ моя участь рѣшена; до сихъ поръ меня щадили, какъ сказано въ угрозѣ, только благодаря моей безукоризненной честности. Если бы не ожидаемый мною переводъ изъ Кубанской области, то я оставилъ бы эти угрозы безъ вниманія, но въ виду ожидаемаго мною въ ближайшемъ будущемъ новаго назначенія, связаннаго съ оставленіемъ области, дабы желающіе при-

вести свои угрозы въ исполненіе не подумали, что я оставляю свою службу здѣсь именно въ виду ихъ угрозъ, считаю нужнымъ при помощи печати, заявить убійцамъ, что никакія угрозы, являющіяся слѣдствіемъ строгаго исполненія мною обязанностей службы, не удержатъ меня отъ исполненія долга и вѣрности службы Государю Императору. Что касается признанія убійцами моей честности, то въ такомъ признаніи съ ихъ стороны я не нуждаюсь, такъ какъ лучшимъ цѣнителемъ моей честности является для меня моя совѣсть, которая ни въ чемъ не упрекнула меня за все время моей девятилѣтней службы въ Кубанской области, хотя мои недоброжелатели и говорятъ, что я принесъ много зла. Къ свѣдѣнію убійцъ сообщаю, что, презирая всякія угрозы вообще, я еще послѣ первой угрозы, присланной мнѣ въ началѣ „освободительнаго“ движенія, пересталъ носить при себѣ оружіе, которое носилъ раньше, и въ то же время не измѣнилъ и не измѣню, подобно другимъ, ни своимъ убѣжденіямъ, ни долгу службы“.

И это свое заявленіе С. В. исполнилъ до конца — зная, что смерть его ждетъ въ любой моментъ, онъ продолжалъ спокойно и безстрашно работать и никто изъ окружающихъ не могъ замѣтить, чтобы онъ сколько-нибудь былъ обезпокоенъ предстоящей ему смертью.

Какъ человѣкъ, С. В. былъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ этого слова, всѣмъ доступный и на рѣдкость сердечный, всякаго готовъ былъ выслушать, никому никогда не отказывалъ ни въ чемъ, что было въ его власти; почтительный и предупредительный къ своему начальству, онъ говорилъ ему правду въ глаза.

Похороны С. В. происходили 23 сентября. Буквально весь Екатеринодаръ провожалъ убитаго къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. Весь путь печальной и торжественной процессіи, начиная отъ Воскресенской церкви, до могилы на Городское кладбище, усѣянъ былъ сплошной стѣной горожанъ всѣхъ классовъ и сословій, присутствіе которыхъ въ такомъ количествѣ у праха покойнаго и сочувственное отношеніе къ горю убитой супруги и дочери С. В. во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ краснорѣчиво доказывало, что общество въ ши-

рокой массѣ возмущено дикимъ преступленіемъ революціонеровъ, лишившихъ его, согласно своему „безпристрастному“ рѣшенію, кроткаго и энергичнаго работника.

Печальный кортежъ отъ Воскресенской церкви открылся въ 2 часа дня, послѣ заупокойной литіи, совершенной въ храмѣ, шествіемъ казаковъ со знаками отличія и вѣнками отъ различныхъ мѣстъ и учрежденій города, растянувшихся на цѣлый кварталъ; за вѣнками слѣдовало духовенство и гробъ, который поднятъ былъ въ храмѣ и несенъ на рукахъ до собора. На каждомъ кварталѣ, возлѣ квартиры покойнаго и мѣста убійства совершались краткія литіи. Изъ собора гробъ, установленный на катафалкѣ, въ сопровожденіи сотни казаковъ и полуроты солдатъ при двухъ оркестрахъ музыки, исполнявшихъ поочередно похоронные марши, направился на Городское кладбище, на которое прибыли только въ 5 час. пополудни. Когда гробъ опущенъ былъ въ могилу, прот. Воскресенскій произнесъ экспромтомъ небольшую, но въ высшей степени вразумительную рѣчь, подчеркнувши лишній разъ, только болѣе образно и краснорѣчиво то, что было у всѣхъ стоявшихъ въ мысляхъ—произволъ тѣхъ, кто дерзко, вопреки божескихъ и человѣческихъ законовъ, присвоилъ себѣ право убивать представителей власти, дѣйствующей несогласно съ ихъ планами. Послѣ рѣчи гробъ былъ опущенъ въ могилу и въ 6 час. вечера надъ прахомъ покойнаго возвышалась насыпь земли, скрывшая отъ людскихъ глазъ человѣка, которому безусловно слѣдовало бы жить. 11 вѣнковъ, въ числѣ которыхъ отъ союза Русскаго Народа, отнесены были въ сторожку. *Вѣнокъ отъ Городской управы и сами представители управы на похоронахъ отсутствовали, не смотря на то, что покойный нѣсколько лѣтъ состоялъ секретаремъ по городскимъ дѣламъ присутствія.*

Миръ праху твоему, честный, вѣрный слуга Царя и Отечества, да будетъ вѣчная память о твоихъ подвигѣ и жертвѣ въ средѣ русскаго народа во вѣки вѣковъ.

Кн. Соломонъ Учаковичъ Анчабадзе.

Товарный кассиръ станціи „Михайлово". Закавказской желѣзной дороги.

Скончался отъ ранъ 9 сентября 1905 года.

Кн. С. У. Анчабадзе родился 15 октября 1851 года въ г. Сухумѣ. Онъ былъ родомъ абхазецъ, изъ старинной княжеской фамиліи. Образованіе получилъ въ Кутаисской классической гимназіи, по окончаніи которой поступилъ, въ 1871 году, на желѣзнодорожную службу въ г. Поти. Въ 1883 г. перешелъ въ г. Баку, но, вслѣдствіе тяжелыхъ климатическихъ условій, вредно отзывавшихся на его слабомъ здоровьи, принужденъ былъ оттуда вскорѣ уйти: перешелъ онъ на ст. „Михайлово", хотя и на меньшій окладъ, но безъ

опасности для здоровья. Здѣсь онъ оставался на службѣ до конца своей жизни, такъ ужасно прерванной злодѣями-революціонерами.

Строгій исполнитель служебнаго долга, кн. Анчабадзе ознаменовалъ свою служебную дѣятельность двукратнымъ обнаруженіемъ преступниковъ, совершившихъ грабежъ и воровство на Закавказской желѣзной дорогѣ.

Первый случай относится къ 80-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Былъ ограбленъ артельщикъ, везшій жалованье служащимъ въ суммѣ 50 тыс. руб. Въ цѣляхъ скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго обнаруженія виновныхъ, тогдашній начальникъ движенія телеграммой сообщилъ начальнику ст. „Михайлово“, что, при производствѣ слѣдствія по дѣлу, будутъ арестованы всѣ служащіе на станціи, и что, если не будутъ обнаружены виновные и найдены похищенныя деньги, то, для пополненія похищенной суммы, будутъ производиться вычеты изъ жалованія служащихъ. Тогда кн. Анчабадзе вызвался принять участіе въ розыскѣ виновныхъ и приступилъ къ этому вмѣстѣ съ товарищемъ прокурора Сталинскимъ. Вскорѣ ихъ усилія увѣнчались успѣхомъ: виновные были обнаружены, хотя изъ похищенныхъ 50 т. руб. налицо оказались только 43 т. руб.,—7 т. преступники успѣли истратить.

Второй случай относится къ 90-мъ годамъ прошлаго столѣтія, — къ тому времени, когда жилъ Великій князь Наслѣдникъ Цесаревичъ Георгій Александровичъ. Такъ-какъ, во время перевезенія тѣла Цесаревича, поѣздовъ въ сторону Батума не пускали, то ст. „Михайлово“ оказалась запруженной поѣздами. Возлѣ станціи стояло 40 поѣздовъ. Идя вечеромъ со службы домой и проходя по полотну желѣзной дороги, кн. Анчабадзе замѣтилъ что-то блестящее и, поднявъ, увидѣлъ, что это — пучекъ шелковыхъ нитокъ, изъ которыхъ приготовляются бумажныя деньги. У него сейчасъ же мелькнула мысль, что изъ вагона, въ которомъ провозились эти нитки, сдѣлана кража. Онъ тотчасъ возвращается на станцію, беретъ съ собой жандармовъ и отправляется на поиски воровъ, которыхъ и находитъ въ городскомъ саду съ добычей на сумму 120 т.-руб. Ворами

оказались два кондуктора, которые за совершонное преступленіе и понесли заслуженное наказаніе.

Эти два случая, бывшіе еще до революціи, не могли не внушить ненависти къ кн. Анчабадзе всѣмъ тѣмъ негодяямъ, которые пріютились на желѣзнодорожной службѣ. Когда же началось въ Россіи революціонное движеніе, выразившееся, между прочимъ, въ желѣзнодорожныхъ забастовкахъ съ грабежами и убійствами, то кн. Анчабадзе, заявившій себя смѣлымъ преслѣдованіемъ воровъ и грабителей, сталъ предметомъ особенной ненависти революціонеровъ, такъ же какъ и всѣ вообщѣ люди долга, свято исполнявшіе свои обязанности. И вотъ съ января мѣсяца 1905 года кн. Анчабадзе сталъ получать письма съ требованіемъ денегъ на революцію и съ угрозами, что его убьютъ, если онъ не исполнитъ этихъ требованій. Нечего и говорить, что революціонеры не дождались отъ кн. Анчабадзе исполненія своихъ требеваній. Тогда они приступили къ исполненію угрозъ.

Первое покушеніе на жизнь кн. Анчабадзе, произведенное 28 января 1905 года было неудачно. Вечеромъ, когда кн. Анчабадзе былъ въ буфетѣ, изъ двухъ оконъ раздалось одновременно два выстрѣла: одинъ сзади, другой сбоку стоявшаго князя.

Два злодѣя, казалось стрѣляли павѣрняка, но, къ сожалѣнію, промахнулись: одна пуля пролетѣла надъ головой князя, другая мимо праваго виска. Злоумышленники скрылись, и обнаружить ихъ не удалось...

Но чѣмъ дальше, тѣмъ положеніе на желѣзной дорогѣ дѣлалось тревожнѣе: настроеніе служащихъ—все возмутительнѣе, честно служить становилось—все тягостнѣе. Кн. Анчабадзе продолжалъ получать угрожающія письма, но не поддавался, готовясь пострадать за свою вѣрность долгу.

Такъ продолжалось до 8-го сентября. Въ этотъ день, измученный нравственно, кн. Анчабадзе получилъ давно желанный двухмѣсячный отпускъ и собирался ѣхать въ Кутаисъ къ женѣ и дѣтямъ, чтобы въ семейномъ кругу отдохнуть душой отъ пережитыхъ волненій.

Около 8 часовъ вечера, собравшись въ путь, онъ вмѣстѣ

съ инженеромъ Далемъ (впослѣдствіи тоже убитымъ!) вышелъ изъ дому и направился къ вокзалу. Пути были заняты поѣздами и приходилось перелѣзать черезъ площадки вагоновъ. Вдругъ они замѣчаютъ, что вслѣдъ за ними пролѣзаетъ подъ вагонами какой-то человѣкъ. Кн. Анчабадзе остановился и крикнулъ: „Что ты дѣлаешь? Вѣдь, тебя можетъ раздавить поѣздъ!“ Но въ это время ихъ вниманіе было отвлечено внезапно раздавшимся у товарнаго склада взрывомъ петарды. Послышался шумъ и движеніе народа къ складу.

Въ предчувствіи чего-то недобраго кн. Анчабадзе сдѣлалъ движеніе обратно къ дому, но Даль его остановилъ, говоря: „что? ты боишься, что тебя убьютъ? Пойдемъ, посмотримъ, что тамъ случилось!“ Отвѣтивъ: „я не боюсь!“, кн. Анчабадзе повернулъ на станцію. Но едва они подошли къ мѣсту взрыва и успѣли услышать отъ толпившихся людей, что, слава Богу, несчастія никакого не случилось, какъ подкравшійся незамѣтно сзади злоумышленникъ, тотъ самый, который пролѣзалъ подъ вагонами, приставилъ къ спинѣ кн. Анчабадзе револьверъ и выстрѣлилъ. Князь схватился за животъ, въ который вышла пуля, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и упалъ. Раненаго отвезли на ст. Сурамъ. Оттуда на носилкахъ перенесли въ военный госпиталь. Но спасти ему жизнь не удалось: на слѣдующій день, въ 9 ч. утра, онъ скончался...

Скончался кн. Анчабадзе въ полномъ сознаніи, на рукахъ у пріѣхавшихъ изъ Тифлиса жены и дочери. Послѣднія его слова были: „Ну, что-же? Убили?... Значитъ, судьба!... Господь и Царь не оставятъ дѣтей!“...

Убійца былъ заключенъ въ Метехскомъ замкѣ, откуда черезъ 8 мѣсяцевъ благополучно бѣжалъ. А его соучастникъ, сторожъ товарнаго склада, давшій убійцѣ свой револьверъ и взрывомъ петарды, очевидно, желавшій отвлечь вниманіе отъ условленнаго убійства, былъ судомъ почему-то оправданъ.

Еще одна ужасная и отвратительная подробность, характеризующая и время, и среду, въ которой жилъ покойный. У него передъ убійствомъ были въ кармапахъ, лично ему

принадлежащія, цѣнныя бумаги, составлявшія сбереженіе его жизни, и ихъ потомъ не оказалось... Одни злодѣи отняли у него жизнь, а другіе—ограбили несчастнаго по пути въ госпиталь...

Такъ погибъ кн. Апчабадзе—жерва невинная подлаго революціоннаго времени!

Абхазецъ по происхожденію, духомъ онъ былъ нашъ, русскій. Безропотно отошелъ онъ въ вѣчность съ твердой вѣрой въ Бога и съ надеждой на Царскую милость къ семьѣ!...

Да будетъ же ему вѣчная память въ народѣ!..

Мичманъ **Николай Николаевичъ Юхновичъ**

Смертельно раненый 17 октября 1907 года во Владивостокскомъ рейдѣ.

Мичманъ Н. Н. Юхновичъ происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ. Среднее образованіе закончилъ въ Тифлисской 2-й классической Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Николаевича гимназіи въ 1902 году. Въ томъ же году поступилъ въ С.-Петербургскій Императорскій университетъ на физико-математическій факультетъ. Не будучи въ состояніи мириться съ окружавшей его об-

становкой: сужденіями товарищей по формѣ, Н. Н. въ апрѣлѣ 1903 года оставляетъ университетъ и, сдавъ конкурсный экзаменъ, поступаетъ въ Морской Кадетскій корпусъ. По окончаніи корпуса въ 1906 году, корабельнымъ гардемариномъ Н. Н. получаетъ командировку со своимъ выпускомъ въ заграничное плаваніе. Въ продолженіи 9 мѣсяцевъ онъ плавалъ на эскадренномъ броненосцѣ „Слава“ подъ начальствомъ контръ-адмирала Бострема. По окончаніи плаванія въ 1907 году въ мартѣ Н. Н. былъ произведенъ въ мичманы и по личному своему желанію получилъ назначеніе въ составъ Сибирскаго флота и въ продолженіе 37 мѣсяцевъ плавалъ на минномъ транспортѣ „Монсу-сай“, съ котораго 2 октября былъ переведенъ на миноносецъ „Скорый“. На миноносцѣ онъ пробылъ лишь двѣ недѣли и 17 октября палъ жертвой предательскаго удара гнусной убійцы.

Несмотря на то, что наканунѣ были безпорядки въ минныхъ ротахъ, утромъ 17 октября, казалось, все было спокойно и нѣкоторые изъ офицеровъ миноносца, въ ихъ числѣ и Н. Н., готовились въ каютахъ къ участію въ парадѣ по случаю чудеснаго избавленія Царственной Семьи отъ опасности въ этотъ день 1888 года. Экипажъ, казалось, также готовился къ параду.

Но вотъ на палубѣ движеніе замѣтно увеличилось. Доносившійся въ каюту Н. Н. шумъ съ палубы показался ему подозрительнымъ и онъ поспѣшилъ на палубу. Едва лишь онъ показался на палубѣ, какъ русская ружейная пуля выпущенная изъ ружья русскаго матроса жидовкой-агитаторшей нанесла честному воину смертельную рану: пуля выбила глазъ и разрушила часть мозга.

Въ страшныхъ страданіяхъ прожилъ Н. Н. 9 дней и 25 октября въ 6 часовъ вечера скончался на 23 году своей, полной силъ тѣлесныхъ и духовныхъ, жизни. А убійца— что-же? Совершивъ злодѣяніе надъ однимъ, она совершила то-же и надъ командиромъ миноносца; затѣмъ среди отуманенныхъ невинно-пролитою кровью начальниковъ нижнихъ чиновъ, она стала направлять ружейные выстрѣлы на городъ, на другія суда съ чисто сатанинскимъ озлобленi-

емъ. Однако, когда командуемый ею миноносецъ „Скорый“ стали засыпать снарядами другіе, вѣрные присягѣ миноносцы, а съ берега стрѣлки мѣткимъ пулеметнымъ огнемъ стали сметать ряды бунтовщиковъ, гнусная убійца направила судно къ берегу, въ надеждѣ спасти свою и своихъ сообщниковъ предательскую жизнь позорнымъ бѣгствомъ. Но Богъ судилъ иначе: пуля въ спину пригвоздила ее къ землѣ...

Съ Высочайшаго разрѣшенія гробъ съ останками безвинно и безвременно-погибшаго воина былъ перевезенъ на Кавказъ въ Тифлисъ, куда прибылъ 19 ноября въ 4 часа пополудни и поставленъ въ Миссіонерскую церковь, расположенную недалеко отъ дома, гдѣ онъ росъ, воспитывался, учась быть честнымъ, гдѣ онъ оставилъ осиротѣвшую мать, двухъ сестеръ и ближайшихъ родственниковъ.

Много вѣнковъ покрыло гробъ; выдѣлялся роскошный серебряный вѣнокъ съ надписью: „Мичману Николаю Николаевичу Юхновичъ, за вѣру, царя и Отечество животъ свой положившему отъ Тифлисскаго патріотическаго общества и „юношѣ, павшему за Царя и Отечество отъ руки безумныхъ кровопійцъ“. Было также много вѣнковъ отъ Владивостокскаго гарнизона.

Въ церкви была отслужена торжественная панихида; *) по окончаніи панихиды протоіереемъ С. Городцовымъ была произнесена рѣчь, выяснившая: что такое патріотизмъ, какъ онъ развивается, какъ нужны для Россіи въ данное время самоотверженно-любящіе свое Отечество люди, какимъ былъ убитый герой-мичманъ. Рѣчь свою отецъ протоіерей закончилъ молитвою, чтобы Богъ увеличилъ среди нашего молодого поколѣнія число лицъ, преданныхъ нашему Государю Самодержцу и Отечеству, а душу усопшаго раба своего, воина Николая вселилъ въ Свое Небесное Царство, „идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная...“

На слѣдующій день въ 8 часовъ утра состоялся выносъ

*) На коей присутствовали всѣ Начальствующія лица.

тѣла изъ Миссіонерской церкви въ военный соборъ. Гробъ несли на рукахъ члены тифлисскаго патріотическаго общества. Богослуженіе совершалъ бакинскій епископъ, преосвященный Григорій.

Много народа провожало гробъ съ останками честнаго слуги Царя и Отечества.

Тѣло предано землѣ въ сѣверномъ скверѣ военнаго собора, недалеко отъ могилы, такого же вѣрнаго слуги Царя и Отечества убитаго за вѣрность, генерала Грязнова.

Есть что то символическое въ сочетаніи этихъ двухъ могилъ, украсившихъ собою ограду военнаго собора. Убѣленный сѣдинами генералъ и юный мичманъ—оба пали подъ предательскимъ ударомъ революціоннаго рока. Одинъ въ сердцѣ Кавказа, другой на рейдѣ Владивостока—они оба не уклонились отъ стези долга и выпили до самаго дна горькую чашу страданій. Они оба принесли себя въ жертву на одинъ и тотъ же алтарь и потому должны лежать рядомъ...

Намъ, патріотамъ, понятно желаніе молодого офицера служить Царю и Отечеству на Дальнемъ Востокѣ, тамъ, гдѣ еще не забыто непріятное недавнее прошлое, стремленіе молодого офицера поднять значеніе Андреевскаго флага, гдѣ его старались умалить. Но миноносецъ, на которомъ мичманъ Юхновичъ прослужилъ полтора десятка дней, оказался зараженнымъ ранѣе злостной революціонной пропагандой. Уже испорченная команда намѣтила себѣ новаго командира въ лицѣ жидовки, и этотъ новый командиръ, какъ говорятъ, съ иконою Спасителя на груди, зная, что нашъ юный патріотъ низачто не измѣнитъ Андреевскому флагу и, оставшись въ живыхъ можетъ привести въ себя обезумѣвшихъ матросовъ, собственными руками изъ винтовки смертельно ранитъ честнаго слугу отчизны.

Онъ умеръ... Онъ мало жилъ, не долго служилъ, но сдѣлалъ все, что возможно человѣческимъ силамъ, онъ отдалъ все, чѣмъ располагалъ: свою молодую, полную силъ жизнь; его померкшій взоръ не видѣлъ ни поруганія Андреевскаго флага, ни красной тряпки, болтавшейся на кормѣ роднаго судна,—ни, наконецъ, этой жидовки.

У насъ въ рукахъ была фотографическая карточка, гдѣ мичманъ Н. Н. Юхновичъ снятъ вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ, докторомъ, нынѣ офицеромъ гвардіи; надпись на этой карточкѣ, подаренной Н. Н. его братомъ, гласитъ: „Француузъ!“ (домашнее прозвище) „Начавъ службу Его Величества, во всѣ дни ея помни крѣпко слова присяги и то, что „больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя. „Твой братъ Петя“. 3 іюня 1907 года (день отъѣзда Мичмана Н. Н. Юхновича на Дальній Востокъ изъ Тифлиса).

Вѣрный завѣту онъ и исполнилъ его.

Григорій Карповъ, Михаилъ Пекаржъ, Михаилъ Шуранъ, Василій Ходачукъ, Христіанъ Кревинъ, и Кондратій Барашенко.

Земскіе стражники убитые въ гор. Люблинѣ и губерніи.

Въ тревожное революціонное время 1905—1906 г. г. когда всюду шли грабежи, поджоги и убійства, когда жители городовъ и глухихъ деревень, дрожа за свою жизнь, не были увѣрены въ завтрашнемъ днѣ—безвѣстные герои, вѣрные своему долгу, стражники и городовые, защищали своею грудью мирное населеніе и принимали на себя удары злодѣевъ. Не было дня, чтобы въ газетной хроникѣ не отмѣчалось: тамъ то убитъ стражникъ, къ такомъ то городѣ убитъ городовой..... За что? За то ли, что эти люди по долгу службы въ темную ночь, въ дождь и въ холодъ, стояли гдѣ нибудь на перекресткѣ улицъ, или ходили вокругъ ограды селенія, въ то время какъ другіе мирно спали по домамъ? Отдаемъ ли мы себѣ достаточный отчетъ, какую благодарность со стороны общества заслуживаютъ всѣ эти стражники, рисковавшіе жизнью ради нашего благополучія, ставшіе за насъ мишенью для революціонеровъ и доблестно павшіе на своемъ посту?

Освободительное движеніе проявилось въ городѣ Люблинѣ, какъ и всюду, цѣлымъ рядомъ убійствъ, столь же жестокихъ, сколько безсмысленныхъ, причемъ жертвами революціонной злобы пали 6 стражниковъ: Григорій Карповъ, Михаилъ Пекаржъ, Михаилъ Шуранъ, Василій Ходачукъ, Христіанъ Кревинъ и Кондратій Барашенко.

25-го Іюня 1905 г. въ 11 час. вечера на углу Краковскаго предмѣстья и Вѣнявскаго переулка стоялъ младшій земскій стражникъ Люблинской городской команды Григорій Антоновъ Карповъ. Краковское предмѣстье—одна изъ лучшихъ и наиболѣе оживленныхъ частей города Люблина. Карповъ внимательно слѣдилъ за движеніемъ на улицѣ,

а на душѣ его лежала забота: времена настали тяжелыя, поляки злобно косятся на русскихъ, слышны угрозы, а дома жена и 6 человѣкъ дѣтей... Если бы не нужда,—жилъ бы онъ себѣ мирно въ родномъ селѣ, въ Тамбовской губерніи, но надо было кормить семью,—пошелъ въ земскіе стражники. Жалованье скудное, всего 10[illegible] руб. въ мѣсяцъ, съ трудомъ перебиваться можно. А теперь каждый день, выходя изъ дому, не знаешь вернешься ли домой....

Мимо Карпова проѣзжали экипажи, польскіе паны и панны возвращались изъ лѣтняго театра, по тротуарамъ сновали люди.

Вдругъ, сзади послышался выстрѣлъ и Карповъ почувствовалъ жгучую боль въ спинѣ... Смертельно раненый онъ зашатался, но имѣлъ настолько силы, что вынулъ револьверъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ убійцѣ, но выстрѣлить уже не могъ и упалъ мертвый на мостовую.

Убійца, со свойственной революціонерамъ низостью подкрался къ Карпову сзади: пуля прошла черезъ спину и задержалась въ грудной полости покойнаго.

Послѣ него осталась вдова и 6 человѣкъ дѣтей.

Григорій Антоновъ Карповъ, православнаго вѣроисповѣданія, родился въ 1863 г. въ селѣ Ивановѣ, Липецкаго уѣзда Тамбовской губерніи. Воинскую повинность онъ отбылъ въ 37 Драгунскомъ полку. На службу въ Люблинскую городскую команду онъ поступилъ въ 1897 г.

28-го Августа 1905 г. въ 8 час. вечера по Шевской улицѣ шелъ Михаилъ Осиповъ Пекаржъ, младшій земскій стражникъ Люблинской городской команды.

Улица была пустынна, прохожихъ мало. На встрѣчу ему шло нѣсколько незнакомыхъ людей. Поровнявшись съ Пекаржемъ, неизвѣстные выстрѣлили въ него, при чемъ двѣ пули попали ему въ грудь, а одна въ лѣвую ногу. Онъ упалъ, обливаясь кровью, убійцы же, по обыкновенію, бѣжали и скрылись.

Доставленный въ больницу Св. Викентія, Пекаржъ промучился ночь и скончался въ 9 час. утра.

Покойному было 30 лѣтъ. Послѣ него осталась въ горѣ молодая жена съ двумя малолѣтними дѣтьми.

Михаилъ Осиповъ Пекаржъ былъ мѣстный уроженецъ, католическаго вѣроисповѣданія. По отбытіи воинской повинности въ Лейбъ Гвардіи Московскомъ полку, онъ вернулся въ Люблинъ и въ 1902 г. поступилъ въ земскую стражу, гдѣ его ждалъ роковой конецъ.

3-го Іюня 1906 г. младшій участковый стражникъ Михаилъ Ѳомичъ Шуранъ сопровождалъ денежную почту изъ города Красностава къ желѣзнодорожной станціи Реіовецъ. Съ почтой посылались вѣсти и деньги, сбереженія трудовыхъ копеекъ, быть можетъ съ трепетомъ ожидаемыя многими лицами въ разныхъ углахъ Россіи. Сопровождать денежную почту въ тѣ безпокойные годы—означало подвергаться смертельной опасности. Но Шуранъ, вѣрный долгу, не уклонился отъ возложенной на него обязанности оберегать чужое достояніе.

На шестой верстѣ отъ г. Красностава на почту напали современные разбойники и убивъ наповалъ Шурана, ограбили почту во славу революціи.

Михаилъ Ѳомичъ Шуранъ, православнаго вѣроисповѣданія, происходилъ изъ крестьянъ Красноставскаго уѣзда Люблинской губерніи. Въ 1890 г. онъ по жребію поступилъ въ военную службу въ 67-й Пѣхотный Тарутинскій полкъ, откуда выбылъ въ запасъ съ званіемъ унтеръ-офицера. Въ 1904 г. онъ былъ назначенъ младшимъ уѣзднымъ стражникомъ 4-го разряда Красноставской уѣздной команды. Шуранъ убитъ 37-ми лѣтъ отъ роду.

24-го Марта 1906 г. въ 6 час. вечера старшій участковый стражникъ Люблинской городской команды, Василій

Петровичъ Ходачукъ, возвращался въ городъ домой послѣ обхода своего участка въ предмѣстьи Пяски. Ходачукъ шелъ въ сопровожденіи патруля, но у моста на рѣкѣ Быстрицѣ онъ отпустилъ патруль и пошелъ одинъ. Здѣсь чрезвычайно бойкое мѣсто, т. к. на мосту происходитъ безостановочное движеніе экипажей на вокзалъ, съ вокзала и на предмѣстье Броновицы. Проходя мимо будки Ходачукъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ револьвера неизвѣстнымъ злодѣемъ, который безслѣдно скрылся въ толпѣ.

Василій Петровъ Ходачукъ, православнаго вѣроисповѣданія, крестьянинъ по происхожденію, родился въ 1869 г., въ селѣ Черничинѣ, Грубешовскаго уѣзда, Люблинской губерніи. По отбыванію воинской повинности рядовымъ въ 60 Замостскомъ полку, онъ былъ зачисленъ въ Люблинскую городскую команду. За исправную службу онъ былъ назначенъ старшимъ земскимъ стражникомъ.

4-го Іюня 1906 г. почти въ одно и то же время, въ разныхъ кварталахъ города Люблина были убиты два стражника.

Въ 4 часа пополудни Христіанъ Петровъ Кревинъ, младшій земскій стражникъ Люблинской городской команды, стоявшій на своемъ посту на Любартовской улицѣ, въ еврейскомъ кварталѣ, былъ убитъ на мѣстѣ 5-ью выстрѣлами изъ револьвера неизвѣстными злодѣями, скрывшимися безслѣдно въ трущобахъ жидовскихъ домовъ....

Христіанъ Петровъ Кревинъ евангелическаго вѣроисповѣданія, родился въ 1864 г. въ имѣніи Прекулинѣ Гробинскаго уѣзда, Курляндской губерніи. По отбываніи воинской повинности въ 69 Пѣхотномъ Рязанскомъ полку, онъ вышелъ въ запасъ младшимъ унтеръ-офицеромъ и поступилъ на службу въ Люблинъ.

Въ тотъ же день, 4-го Іюня, около 5 час. пополудни, Кондратій Ивановъ Барашенко, младшій земскій стражникъ

Люблинской городской команды, убитъ выстрѣломъ изъ револьвера неизвѣстнымъ лицомъ въ конторѣ редакціи польской газеты „Земя Любельска.“ Убійство совершилось не гдѣ нибудь на улицѣ въ ночную пору, а среди бѣла дня, въ кругу „интеллигентовъ,“ кичащихся своею гуманностью и культурностью, которые не остановились передъ тѣмъ, чтобы застрѣлить простого русскаго человѣка. Послѣ Барашенка осталось трое дѣтей круглыхъ сиротъ, причемъ одинъ сынъ—калѣка, слѣпой. Лишить дѣтей единственной опоры и защиты, отнявъ у нихъ отца—дѣло достойное революціонной гуманности.

Кондратій Ивановъ Барашенко, православнаго вѣроисповѣданія, происходилъ изъ крестьянъ Курской губерніи, родился въ 1862 г. въ селѣ Веселомъ, Рыльскаго уѣзда. Воинскую повинность онъ отбылъ въ 66-мъ Пѣхотномъ Бутырскомъ полку и въ запасъ вышелъ старшимъ унтеръ-офицеромъ, овдовѣлъ и поступилъ на службу въ Люблинскую городскую команду за годъ до своей смерти.

Заканчивая списокъ стражниковъ Люблинской городской и уѣздной команды убитыхъ въ теченіе одного года (съ 25 Іюня 1905 по 4 Іюня 1906 г.) при исполненіи обязанностей службы, нельзя не воздать должную честь нижнимъ чинамъ.

Кровавыя страницы освободительнаго движенія отмѣчены позорною чертою: революціонеры устроили какую то охоту на простыхъ и бѣдныхъ исполнителей долга, несшихъ честно тяжелую службу ради заработка насущнаго хлѣба для пропитанія семействъ. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что многіе польскіе помѣщики и лица, сочувствовавшіе освободительному движенію, когда ихъ имѣнія подверглись опасности со стороны грабителей,—обратились съ ходатайствомъ къ администраціи о присылкѣ земскихъ стражниковъ для охраны ихъ имущества. Да и наши петербургскіе и иные либералы, удобно сидящіе въ своихъ кабинетахъ, могли

развязно разсуждать о всѣхъ свободахъ, зная что на улицѣ, передъ ихъ домомъ, ночью и днемъ стоитъ городовой, охраняющій ихъ неприкосновенность..... Но когда городового убивали и на его мѣсто становился другой,—они же являлись защитниками убійцъ.

Но пусть имена погибшихъ скромныхъ мучениковъ будутъ памятны и дороги всѣмъ, любящимъ свою родину!

Сергѣй Васильевичъ Александровскій.

Пензенскій губернаторъ.

Михаилъ Яковлевичъ Заринъ.

Помощникъ пензенскаго полиціймейстера.

Михаилъ Антоновичъ Саблинъ.

Полицейскій города Пензы.

Всѣ эти доблестные слуги Царя и отечества пали въ одинъ и тотъ же злополучный для нихъ день 25 января 1907 года отъ руки революціонера, крамольника-убійцы.

За что они пострадали, за что лишены жизни? На этотъ вопросъ не отвѣтилъ бы прежде всего самъ преступникъ-убійца. Они убиты за то, что были честные русскіе люди, за то, что были вѣрными слугами Царя и родины, за то, что доблестно исполняли долгъ весьма тяжелой службы въ то безумное, крамольное время, когда всякій мальчишка подстроенный, наговоренный, а часто и подкупленный жидовской крамольной, революціонной партіей, бралъ револьверъ въ руки и шелъ на безсмысленное преступленіе!

Сколь высокъ долженъ быть пьедесталъ, на который должны быть поставлены люди, твердо стоявшіе на своихъ постахъ въ то время, когда жизнь ихъ завѣдомо была подвержена ежеминутной опасности! Нужно понять весь ужасъ положенія, когда человѣкъ находится постоянно подъ страхомъ смерти! Тяжело быть подъ страхомъ смерти на войнѣ, но еще много тяжелѣе жить подъ постояннымъ опасеніемъ тайнаго убійцы, не имѣя ни днемъ, ни ночью минуты покоя. На войнѣ люди находятся подъ страхомъ смерти, когда они стоятъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ; но—кончился бой, началось перемиріе, и нервы людей отдыхаютъ. Другое дѣло имѣть передъ собою тайнаго врага, дѣйствующаго предательски изъ-за угла, причемъ жертва не знаетъ ни мѣста, ни времени, когда будетъ сражена пулей или бомбой.

Въ революціонный, пережитый нами періодъ времени въ такомъ положеніи находились всѣ лица, занимавшія адми-

нистративные посты, начиная отъ министра и кончая городовымъ, конечно, тѣ изъ нихъ, кто честно исполняли свой долгъ не дѣлая уступокъ крамолѣ...

Если были люди, которые не покидали службы изъ-за необходимости ея, исполненіе долга отъ этого не было легче. Еще большая имъ заслуга, потому что они почитали долгомъ служить и постыднымъ покидать ввѣренные имъ посты въ то время, когда отечеству грозила опасность отъ союза внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Къ такимъ доблестнымъ гражданамъ слѣдуетъ отнести Сергѣя Васильевича Александровскаго.

Какъ человѣкъ, покойный С. В. Александровскій отличался рѣдкой добротой, мягкостью обхожденія со всѣми; былъ больше, чѣмъ простъ и доступенъ, любилъ людей смѣлыхъ и энергичныхъ, такъ какъ самъ онъ обладалъ чрезвычайною энергіей и смѣлостью. Въ возможность смерти своей отъ руки убійцы онъ не вѣрилъ и всякій разъ, когда близкіе къ нему люди, увидѣвъ его поздно вечеромъ гуляющимъ одного, безъ охраны, предупреждали о возможности покушенія, онъ весело отвѣчалъ: „мой смертный часъ еще не пробилъ, я нуженъ Царю и Родинѣ". Въ дѣлахъ былъ вспыльчивъ, но не злопамятенъ и справедливъ; свои служебныя ошибки, допущенныя въ моментъ вспыльчивости, самъ первый сознавалъ и нерѣдко извинялся передъ самыми маленькими чиновниками.

Какъ администраторъ—покойный владѣлъ всѣми данными къ тому: онъ достаточно былъ опытенъ въ знаніи своихъ служебныхъ обязанностей и почти всѣ дѣла просматривалъ самъ; благодаря рѣдкой энергіи и неутомимости, онъ не пропускалъ ни одного собранія или засѣданія, особенно по животрепещущимъ въ то время вопросамъ—продовольственнымъ и политическимъ. Владѣя мощнымъ властнымъ голосомъ и внушительной внѣшностью начальника, Сергѣй Васильевичъ однимъ видомъ и энергичнымъ выкрикомъ приказанія заставлялъ цѣлыя толпы разъяренныхъ, только что совершившихъ убійство исправника крестьянъ, стать на колѣна и выдать зачинщиковъ. Какъ глубокій и искренній монархистъ, всею душою любившій Императора,

онъ былъ въ полномъ смыслѣ безстрашенъ ко всякой опасности и нерѣдко во имя преданности своему гражданскому долгу, подвергалъ себя очевидной опасности, но все время Господь хранилъ его. Для всѣхъ враговъ Царя и Родины онъ былъ опаснѣйшимъ и безпощаднѣйшимъ начальни-

Сергѣй Васильевичъ Александровскій.

комъ; вся его и служебная и внѣ служебная дѣятельность была направлена къ искорененію въ ввѣренной ему губерніи сильно распространившейся крамолы. По его личной инициативѣ въ губерніи, особенно въ мѣстахъ болѣе распропагандированныхъ крамолой, г. Розановымъ производились мирныя политическія собесѣдованія съ крестьянскимъ на-

селеніемъ, что въ значительной степени ослабило крамолу и спасло населеніе отъ многихъ бѣдъ и несчастій.

С. В. Александровскій происходилъ изъ дворянъ Пензенской же губерніи. Родился онъ 28 декабря 1863 г., воспитаніе получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1886 г., послѣ чего вышелъ въ кавалерійскій полкъ, состоя на военной службѣ до 17 апрѣля 1898 г., когда, по Высочайшему повелѣнію онъ былъ откомандированъ въ распоряженіе главнаго управленія россійскаго общества Краснаго Креста для выясненія степени нужды въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ въ Воронежскую и Тамбовскую губ., и для распредѣленія Высочайше пожалованныхъ суммъ. 3 ноября того же года, по Высочайшему повелѣнію Августѣйшей покровительницы общества Краснаго Креста, онъ былъ прикомандированъ въ распоряженіе общества Краснаго Креста, въ каковой командировкѣ находился до 2 сентября 1899 года. Въ томъ же году онъ былъ уволенъ отъ службы ротмистромъ съ назначеніемъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ Финансовъ. Затѣмъ, въ 1901 г. Сергѣй Васильевичъ вновь обратился къ дѣлу служенія ближнему, занявшись организаціей медицинской помощи при южно-манчжурскомъ отрядѣ, за что былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра съ мечами за выдающіяся отличія въ дѣлѣ помощи раненымъ. Въ 1905 г. мы уже видимъ С. В. на поляхъ битвы на Дальнемъ Востокѣ въ должности начальника санитарной части 1-й манчжурской арміи. 5 января 1906 г. онъ былъ назначенъ екатеринославскимъ губернаторомъ, а 1 іюля того же года былъ перемѣщенъ на должность губернатора въ Пензу, гдѣ, послѣ многотрудной службы страждущему человѣчеству, нашелъ себѣ преждевременную кончину отъ злодѣйской руки убійцы.

М. Я. Заринъ. Погибшій одновременно съ С. В. Александровскимъ помощникъ пензенскаго полицеймейстера титулярный совѣтникъ Михаилъ Яковлевичъ Заринъ, принадлежалъ къ тѣмъ незамѣнимымъ, честнымъ труженикамъ, которыхъ такъ много на Руси, и которыми держится много-

милліонная Русь. Люди этого разряда начинаютъ свою тяжелую службу обыкновенно съ канцелярскихъ служителей, добиваясь упорнымъ трудомъ дальнѣйшаго повышенія по службѣ. Живутъ они впроголодь не только въ низшихъ чинахъ, но и получая повышеніе, продолжаютъ нуждаться,

Михаилъ Яковлевичъ Заринъ.

получая болѣе, чѣмъ скромное содержаніе. И при всей этой неблагопріятной обстановкѣ они усердно и честно несутъ долгъ службы съ полной самоотверженностію рискуя жизнію, когда это требуется, не смотря на то, что эти люди нерѣдко обременены большими семьями.

М. Я. Заринъ родился въ сентябрѣ 1866 г. Образованіе получилъ въ городскомъ 3-хъ классномъ училищѣ и вступилъ на службу канцелярскимъ чиновникомъ Керенскаго полицейскаго управленія. Затѣмъ онъ былъ привлеченъ къ

отбытію воинской повинности, которую отбывалъ въ 14 гренадерскомъ грузинскомъ полку; по отбытіи службы онъ вновь поступилъ на государственную службу въ то же Керенское полицейское управленіе. Въ 1891 г. былъ назначенъ полицейскимъ надзирателемъ въ г. Н.-Ломанъ. 5 сентября 1896 г. назначенъ приставомъ 3-го стана Инсарскаго уѣзда. Въ 1904 г. перемѣщенъ на должность пристава въ г. Пензу и 5 декабря 1905 г. назначенъ помощникомъ пензенскаго полиціймейстера.

М. Я. Зарипъ, какъ то видно изъ его формуляра, тяжелымъ и упорнымъ трудомъ дошелъ до довольно виднаго поста провинціальной службы, конечно не имѣя никакой протекціи. Онъ былъ усердный служака, незамѣнимый товарищъ и чрезвычайно сердечный, отзывчивый къ нуждамъ ближнихъ, человѣкъ. Гибель его отъ предательской пули вызвала искреннюю, неподдѣльную скорбь среди товарищей и подчиненныхъ. По немъ были отслужены панихиды во всѣхъ мѣстахъ прохожденія имъ службы. На гробъ его было возложено много вѣнковъ, изъ коихъ выдѣлялись вѣнки отъ пензенскаго гарнизона и отъ управляющаго губерніей. По желанію товарищей, тѣло М. Я. Зарина было перенесено изъ больницы въ городское полицейское управленіе и гробъ его былъ поставленъ рядомъ съ гробомъ одновременно погибшаго городового Саблина.

27 января состоялось торжественное отпѣваніе погибшихъ епископомъ Тихономъ соборне, съ многочисленнымъ духовенствомъ. Украшенные вѣнками гробы были поставлены на катафалки и печальная процессія, во главѣ тысячной толпы народа двинулась къ мѣсту погребенія, сопровождаемая военнымъ оркестромъ и мѣстнымъ гарнизономъ для отданія военныхъ почестей безвременно погибшимъ на служебномъ посту героямъ. Оба гроба, по желанію братьевъ покойнаго Зарина, были опущены въ общую могилу, на которой былъ вскорѣ воздвигнутъ памятникъ съ надписью:

„Жертвы безумнаго террора: помощникъ полиціймейстера Зарипъ и городовой Саблинъ, погибшіе одновременно съ губернаторомъ Александровскимъ“.

Городовой Саблинъ. Погибшій вмѣстѣ съ Заринымъ городовой Саблинъ происходилъ изъ крестьянъ Пензенской губерніи и вступилъ на службу по полиціи въ 1899 г. Имѣя отъ роду 65 лѣтъ, онъ до послѣдняго времени былъ бодръ, отличался строгимъ исполненіемъ службы при совершенно трезвомъ поведеніи. Онъ былъ любимъ начальствомъ, кото-

Городовой Саблинъ.

рое давало ему самыя отвѣтственныя порученія. Среди товарищей Саблинъ пользовался большимъ уваженіемъ и популярностью; они его иначе не звали, какъ „Дѣдушка“, прозвище даваемое простыми людьми лишь лицамъ заслуживающимъ особаго уваженія. Саблинъ былъ награжденъ многими медалями до золотой, шейной включительно. Въ дополненіе

къ характеристикѣ этого стараго служаки считаю интереснымъ привести послѣднія слова его, сказанныя имъ передъ кончиной. Когда Саблинъ, тяжело раненый, упалъ около желѣзной лѣстницы, выходящей въ переднюю изъ бельэтажа театра, умирая онъ воскликнулъ: „Вотъ грѣхъ какой, ужъ никакъ я не думалъ, что придется умирать въ театрѣ, да еще подъ лѣстницей"!

Убійство произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 25 января по окончаніи спектакля въ Зимнемъ театрѣ губернаторъ, сопровождаемый помощ. полиціймейстера В. Я. Зоринымъ и группою лицъ бывшихъ съ нимъ въ ложѣ, пройдя выходной корридоръ до двери запасного выхода, въ которую всегда выходилъ, былъ встрѣченъ тамъ убійцей, который почти наставилъ револьверъ къ затылку Серг. Вас. и выстрѣлилъ, послѣ чего губернаторъ упалъ лицомъ на порогъ двери и разшибъ себѣ переносицу. Убійство было такъ неожиданно, что всѣ присутствовавшіе здѣсь, даже офицеры, стали вдоль стѣнъ съ опущенными по швамъ руками. Прежде всѣхъ пришелъ въ себя В. Я. Зоринъ и, доставъ изъ кабура револьверъ, далъ по убійцѣ выстрѣлъ,—произошла осѣчка, а въ этотъ моментъ убійца послалъ ему пулю въ полость живота отъ которой Зоринъ тутъ же рядомъ съ губернаторомъ легъ мертвымъ. Стоявшій поодаль заслуженный старецъ городовой Саблинъ, тоже засуетился съ оружіемъ, но былъ тотчасъ же смертельно раненъ убійцей. На рядъ выстрѣловъ изъ уборныхъ сбѣжались артисты. Изъ толпы ихъ смѣло выдѣлился старичекъ декораторъ Румянцевъ съ цѣлью сзади схватить убійцу, но тоже былъ немедленно раненъ въ животъ и спустя 6—7 дней скончался. 4 жертвы были убиты въ моментъ 3—5 минутъ; убійца стрѣлялъ безъ промаха. Когда общій испугъ прошелъ и многіе бросились схватить убійцу, послѣдній, не зная расположенія помѣщеній театра, побѣжалъ вмѣсто выхода въ общій залъ, по направленію къ дамской уборной, изъ которой навстрѣчу ему выбѣжала горничная. При видѣ бѣгущаго съ дымящимся револьверомъ убійцы, горничная не растерялась и посовѣтовала ему бѣжать въ дамскую уборную, гдѣ есть лѣстница на чердакъ. Довѣрившись совѣту, убійца бросился въ указанную уборную,

а горничная тотчасъ же затворила за нимъ дверь и заперла на ключъ. Оказалось, что горничная умышленно заманила его въ уборную, съ тѣмъ чтобы запереть, т. к. существовавшій когда то ходъ на верхъ былъ задѣланъ и лишь осталась одна лѣстница. Скоро прибывшая полиція начала разстрѣливать дверь, за которой скрылся убійца и когда, послѣ сотни выстрѣловъ вскрыли ее, то оказалось, что убійца на верхней ступени ложной лѣстницы, пустилъ себѣ пулю въ високъ, хотя былъ еще живъ, и въ безсознательномъ состояніи, былъ отвезенъ въ больницу.

Вскорѣ въ театръ прибылъ полиціймейстеръ, докторъ и судебныя власти, которымъ пришлось лишь констатировать смерть погибшихъ.

Убійцей оказался молодой человѣкъ по фамиліи Гитерманъ, сынъ инженера Ряз. Ур. желѣзной дороги. Онъ, какъ оказалось, прибылъ въ Пензу 16 января, остановился на частной квартирѣ и повидимому все время искалъ случая совершить задуманное преступленіе. 25 января онъ находился въ числѣ публики на галлереѣ; къ концу спектакля онъ незамѣтно помѣстился въ пустую ложу бенуара, противъ губернаторской ложи, очевидно думая совершить преступленіе въ театрѣ, что ему однако не удалось, и вынудило его ждать губернатора при выходѣ. Кѣмъ былъ подосланъ убійца, былъ ли онъ одинъ, были ли сообщники, зачѣмъ, во имя чего, совершено имъ злодѣяніе, убиты ни въ чемъ неповинные люди, все это покрыто мракомъ неизвѣстности.

Ужасное время! Ужасные люди! Да люди ли это? невольно задаемъ себѣ вопросъ, ибо поступки ихъ стали такъ дики, жестоки, безразсудны, безцѣльны, что не хочется вѣрить что они могли быть совершены разумнымъ существомъ, созданнымъ по образу и подобію Творца!

Пензенская трагедія произвела самое угнетающее впечатлѣніе на все мѣстное населеніе. Люди ходили по улицамъ нѣсколько дней удрученные, какъ бы внѣ себя, посылая проклятія революціи, революціонерамъ и всему освободительному движенію, выразившемуся въ рядѣ безумныхъ, безцѣльныхъ злодѣйствъ. Всякій задавалъ себѣ вопросъ: для кого, во имя чего происходятъ злодѣянія, чего доби-

ваются эти сверхъ-злодѣи и кому какая польза отъ смерти людей, случайно занявшихъ извѣстные служебные посты? Ужели могли думать эти злодѣи, что можно достигнуть счастья при посредствѣ злодѣйства? или, думали они, что, когда они убьютъ нѣсколько губернаторовъ и полицейскихъ, на эти должности не найдется замѣстителей! Уже ли могли они думать путемъ преступленія добиться сочувствія и симпатій населенія, или добиться власти?

О! какъ ошиблись они въ своихъ разсчетахъ: каждое ихъ злодѣяніе, каждое убійство, каждая экспропріація вызывали лишь возмущеніе населенія противъ революціонеровъ и насильниковъ. Этимъ убійствамъ мы обязаны быстрому ходу послѣдующаго въ обществѣ отрезвленія, ибо послѣ каждаго убійства и насилія, общество въ негодованіи, громко взывало къ правительству и требовало достойной злодѣевъ кары.

Но можетъ ли кара злодѣямъ утолить горе и негодованіе народное, утереть слезы вдовъ и невинныхъ сиротъ оставшихся послѣ невинно убіенныхъ? Нѣтъ! пусть кровь невинно погибшихъ русскихъ доблестнѣйшихъ слугъ Царя и родины вопіетъ къ небу и останется на главахъ убійцъ, ихъ иниціаторовъ, ихъ сообщниковъ.

Когда Іудеи предавали Христа Пилату, они ему въ отвѣтъ вопили: „Кровь Его (Спасителя) на насъ и на дѣтяхъ нашихъ“! И эта невинная кровь доселѣ вопіетъ къ Небу, доселѣ лежитъ проклятіемъ на народѣ, который нигдѣ себѣ не можетъ найти ни родины, ни пріюта, ни покоя, ни любви окружающихъ. И потомки этого проклятаго народа продолжаютъ свое сатаническое дѣло убійства неповинныхъ путемъ предательства...

Пусть же кровь нашихъ страдальцевъ будетъ и впредь лежать на предателяхъ и на ихъ потомствѣ!

Адольфъ Осиповичъ Вишнякъ.

Старшій полицейскій городовой гор. Ошмяны. Скончался 1 Августа 1907 г. отъ ранъ, нанесенныхъ ему революціонерами.

Адольфъ Осиповичъ Вишнякъ скончался на 41 году отъ роду; происходилъ изъ крестьянъ Сальской волости, Ошмянскаго уѣзда; католикъ по религіи.

До службы городовымъ служилъ фелдьфебелемъ въ Лебедянскомъ резервномъ баталіонѣ; уволенъ въ запасъ арміи въ 1893 г. Старшимъ городовымъ города Ошмяны служилъ съ 1899 года и отличался энергичною дѣятельностью вообще по службѣ, а въ дни бывшихъ политическихъ движеній въ Ошмянахъ, особеннымъ усердіемъ въ дѣлѣ преслѣдованія опасныхъ лицъ революціонныхъ партій.

Такая преданность служебному своему долгу, несомнѣнно, была не въ пользу революціонеровъ въ гор. Ошмянахъ и поэтому они рѣшили избавиться отъ Вишняка, какъ опаснаго для себя правительственнаго агента.

8 Января 1906 г. въ 10 ч. вечера, когда Вишнякъ проходилъ по одной изъ улицъ, на него напали 6 челов. евреевъ—революціонеровъ и нанесли 7 огнестрѣльныхъ ранъ.

Изнемогая отъ боли и истекая кровью Вишнякъ упалъ и въ это время ему еще нанесена была кинжальная рана въ шею. Преступники безнаказанно скрылись, а Вишнякъ отъ полученныхъ ранъ получилъ туберкулезъ легкихъ и реберъ и умеръ 1-го Августа 1907 г. Послѣ покойнаго остались жена и двое дѣтей.

Миръ Праху твоему честный слуга Царя!

Служебный твой постъ былъ скроменъ и невеликъ, но твое честное отношеніе къ долгу службы, очевидно, было настолько велико, и страшно для враговъ твоихъ, что они рѣшили путемъ варварскаго убійства избавиться отъ тебя. Твои заслуги родинѣ не останутся забытыми: будущее потомство оцѣнитъ ихъ по достоинству.

Константинъ Васильевичъ Горчаковъ.

Приставъ 1-го стана Валуйскаго уѣзда, Воронежской губ. убитъ 16 Октября 1908 г.

Незаурядную личность видимъ мы въ злодѣйски убитомъ приставѣ 1-го стана Валуйскаго уѣзда (Воронеж. губ.) Константинѣ Васильевичѣ Горчаковѣ. Сильный, энергичный, смѣлый—онъ не лишенъ былъ нѣкотораго генія въ дѣлѣ, которому онъ былъ всегда искренно преданъ. Онъ не первый—онъ не послѣдній, но изъ всей плеяды погибшихъ борцовъ за отчизну личность Константина Васильевича выступаетъ рельефно и рѣзко-отчетливо.

Не баловала судьба К. В. Послѣ смерти отца онъ принужденъ былъ выйти изъ 5-го класса гимназіи за недостаткомъ средствъ къ образованію—и въ 1889 году 16-ти лѣтнимъ юношей самостоятельно начать свой жизненный путь. Первые шаги были довольно удачны. По блестящемъ

выдержаніи экзамена—онъ попалъ въ Виленское Юнкерское Училище, гдѣ и воспитывался въ числѣ лучшихъ юнкеровъ. Но передъ самыми выпускными экзаменами онъ долженъ былъ оставить Училище, чтобы поспѣшить на помощь матери, матеріальныя средства которой пришли въ совершенный упадокъ.

Немедленно же онъ поступилъ въ Ковенское Губернское Правленіе, гдѣ и числился съ 13 апрѣля 1894 г; но канцелярская жизнь была не по нутру К. В., онъ жаждалъ живой, кипучей дѣятельности и въ концѣ того же года онъ обратилъ на себя вниманіе начальства и былъ назначенъ Помощникомъ Пристава Ковенской Городской Полиціи. Здѣсь онъ очутился въ своей сферѣ и служилъ настолько успѣшно, что въ 1900 г. былъ назначенъ Приставомъ въ Поневѣжскій уѣздъ (Ковенской г.) Тутъ на его мощныя плечи легла тяжелая работа по усмиренію безпорядковъ въ 1903—5 годахъ, которые особенно сильны и ужасны были въ Западномъ Краѣ, гдѣ къ нимъ примѣшался характерный національный элементъ.

Въ 1906 году К. В. перевелся въ Валуйскій уѣздъ Воронежской губ., гдѣ долженъ былъ усиленно работать по раскрытію политическихъ преступленій, которыя исключительно, въ силу обстоятельствъ, пали на завѣдуемый имъ станъ.

Благодаря своему упорному и неустанному труду въ служеніи родинѣ К. В. нажилъ не мало враговъ, которые ежечасно ждали случая погубить его.

16-го октября 1908 года они дерзко исполнили свой планъ, посягнувъ на жизнь незабвеннаго для насъ работника на пользу Самодержавія и Русской народности.

Въ этотъ роковой день К. В. отправился по дѣламъ службы въ слободу Павловку, расположенную въ 25 верстахъ отъ становой квартиры.

Не доѣзжая двухъ верстъ до мѣста назначенія К. В. увидѣлъ шедшихъ впереди по направленію къ слободѣ четырехъ мужчинъ, которые, замѣтивъ его, сѣли въ канаву при дорогѣ; поровнявшись съ ними онъ приказалъ остановить лошадей и подозвалъ неизвѣстныхъ съ цѣлью узнать ихъ личности. Когда же злоумышленники стали проявлять

безпокойство и нежеланіе подойти—онъ вышелъ изъ экипажа и, сопровождаемый стражникомъ, ѣхавшимъ съ нимъ, подошелъ и сталъ задавать имъ вопросы.

Своими отвѣтами убійцы возбудили подозрѣніе К. В., который рѣшилъ ихъ обыскать, при чемъ лично сталъ осматривать карманы одного изъ нихъ. Въ это время другой злоумышленникъ, стоявшій тутъ же рядомъ, произвелъ изъ браунинга выстрѣлъ, смертельно ранивъ К. В. въ грудь.

Собравъ послѣднія силы, К. В. произвелъ три выстрѣла, однимъ изъ которыхъ въ свою очередь былъ раненъ убійца. Константинъ Васильевичъ скончался на мѣстѣ происшествія; злодѣи же были всѣ пойманы и преданы въ руки правосудія.

Тѣло К. В. было перевезено въ гор. Валуйки, гдѣ при небываломъ скопленіи народа и съ большой торжественностью погребено.

Сослуживцами покойнаго собрана достаточная сумма для постановки памятника надъ прахомъ борца за святое дѣло.

Димитрій Ивановичъ Ивановъ.

Бывшій начальникъ Привислинскихъ ж. д., убитъ 11-го февраля 1906 г. въ г. Варшавѣ.

Большой Соборный храмъ Новодѣвичьяго монастыря былъ полонъ народу.

Посреди церкви на возвышеніи стоялъ простой дубовый гробъ. У подножья его лежала масса красивыхъ вѣнковъ... Эти изящные, но холодные и безстрастные цвѣты были послѣднимъ знакомъ людского вниманія, безмолвному и равнодушному ко всему земному, усопшему...

Ярко горѣли свѣчи, пахло ладономъ... Молодые женскіе голоса стройно и печально пѣли „Со святыми упокой“... Эти

скорбныя, святыя слова усиливали боль осиротѣвшаго сердца и вызывали на глаза жгучія, горячія слезы...

Наконецъ, послѣдніе мучительное прощаніе... Крышка тяжело опустилась на гробъ и закрыла на вѣки дорогое лицо... Гробъ подняли на руки родные и знакомые покойнаго и вынесли изъ церкви...

Зимнее утро, тихое и все бѣлое встрѣтило печальной улыбкой погребальное шествіе... Молча стояли деревья, сѣдыя и пушистыя, покрытыя серебряннымъ инеемъ... Легкій морозный воздухъ пріятно освѣжалъ заплаканныя, блѣдныя лица близкихъ, родныхъ, шедшихъ за гробомъ... Печальная процессія медленно двигалась по снѣжнымъ аллеямъ Новодѣвичьяго кладбища и остановилась у свѣже вырытой могилы...

Еще нѣсколько послѣднихъ словъ молитвы, и гробъ тихо и осторожно опустили въ землю... Провожающіе стали расходиться, возвращаясь каждый къ своимъ ежедневнымъ заботамъ и треволненіямъ... Остались лишь нѣсколько человѣкъ, близкихъ покойному...

Ближе всѣхъ къ могилѣ стояли двѣ черныя, траурныя фигуры,—жены и сына усопшаго... Каждая горсть земли, падавшая на гробъ ихъ незабвеннаго мужа и отца, глубоко рѣзала ихъ сердца, нанося имъ никогда не заживающія раны...

Въ этотъ день, 16-го февраля 1906-го года похоронили Димитрія Ивановича Иванова, начальника Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ. Покойному было всего 53 года.

Не старость, и не тяжкая болѣзнь унесли его въ преждевременную могилу... Нѣтъ! Смерть подстерегала свою жертву и подкосила неожиданно еще бодрую, свѣжую жизнь и унесла ее отъ міра земного въ міръ, „идеже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханія, но жизнь безконечная“...

Димитрій Михайловичъ былъ однимъ изъ звеньевъ той безконечно-длинной, кровавой мученической цѣпи, которая протянулась отъ многострадальной Русской земли къ бездонному ясному небу, гдѣ царствуетъ великій Богъ и вѣчная жизнь...

. . . . . .

Димитрій Ивановичъ Ивановъ родился въ 1853 году. Окончивъ курсъ средняго образованія, онъ поступилъ въ институтъ путей сообщенія, и успѣшно кончилъ его. Послѣ окончанія института, Димитрій Ивановичъ отправился въ 1878 году на Кавказъ, гдѣ поступилъ въ управленіе Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ, а затѣмъ перешелъ на службу въ частныя желѣзно-дорожныя общества, гдѣ служилъ до 1893 года. Въ томъ-же году его назначили начальникомъ пути на Балтійской и Псково-Рижской желѣзныхъ дорогахъ. Честный, способный, и опытный работникъ на своемъ инженерномъ посту, неуклонно исполнявшій свой служебный долгъ, онъ быстро сталъ подниматься со ступени на ступень по служебной лѣстницѣ, и черезъ два года былъ назначенъ помощникомъ начальника той-же дороги, а въ 1897 году — управляющимъ частной Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги. По переводѣ этой линіи въ казну и съ присоединеніемъ ея къ Привислинскимъ дорогамъ, Димитрій Ивановичъ былъ утвержденъ въ должности начальника всей сѣти Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Уже съ 1897 года онъ, по мѣсту своей службы, долженъ былъ жить въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ приходилось ему постоянно сталкиваться какъ въ служебной, такъ и въ частной жизни, съ поляками, съ затаенной злобой относившимися къ каждому русскому человѣку. Но, благодаря своему уживчивому, справедливо-снисходительному характеру, Ивановъ былъ любимъ своими сослуживцами и умѣлъ ладить съ подчиненными.

Его мирная, и трудовая жизнь, текла маленькимъ ручейкомъ и сливалась съ необъятнымъ жизненнымъ Россійскимъ моремъ...

И вдругъ, нежданно-негаданно, на это море налетѣлъ сердитый, свирѣпый шквалъ... Заволновалось, забурлило житейское море, со злымъ ревомъ вздымались громадныя волны, поднимая со дна жизни всю муть и липкую тину... Съ глухимъ шумомъ ударялись высокіе валы о неприступныя скалы и разбивались безчисленными милліонами кровавыхъ брызгъ...

Надъ Россіей стряслась бѣда... Пришла бѣда мрачная, давящая, крѣпко сжала въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ

матушку-Россію, силясь раздавить ея могущество, сломить ея силу и потомъ надсмѣяться злобной, торжествующей улыбкой побѣдителя...

Въ 1904-мъ году была объявлена война съ Японіей.

Россія собирала всѣ свои молодыя, смѣлыя силы и богатства страны и послала эти драгоцѣнные дары на Дальній Востокъ.

И вотъ, въ то время, какъ Русская земля глухо стонала отъ ранъ, наносимыхъ врагами, обливалась кровью и рыдала жгучими сиротскими слезами, изнутри ея, пользуясь внѣшней слабостью Россіи и отвлеченностью ея интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, выползла на свѣтъ Божій революціонная гидра... Она притягивала къ себѣ и зачаровывала своими змѣиными очами людей слабыхъ волей и податливыхъ, будила въ нихъ дерзкія, наглыя мысли, дѣлая изъ нихъ преступниковъ и измѣнниковъ Царю и Родинѣ... Во всѣхъ закоулкахъ земли Русской измѣнники-революціонеры проповѣдывали свои безумныя идеи, возбуждали народъ, пробуждая его кровожадные инстинкты. Въ деревняхъ они играли на больной стрункѣ мужика, склоняя его къ захвату у помѣщиковъ земли, на томъ основаніи, что земля крестьянская, побуждали его къ поджогамъ и бунтамъ... Въ городахъ агитаторы пропагандировали идеи полной свободы, низверженія существующаго строя, уничтоженія ненавистнаго правительства, призывали общество къ забастовкамъ и демонстраціямъ.

Самое дѣятельное участіе въ этой революціонной пропагандѣ принимали, конечно, сыны Іуды. Эти пронырливые, хитрые и лживые, „освободители“ прекрасно знали, среди какого слоя многомилліоннаго Русскаго народа можно скорѣе всего найти себѣ послѣдователей, и помощниковъ въ словѣ и дѣлѣ. Конечно-же, не среди коренныхъ русскихъ людей, въ огромномъ большинствѣ преданныхъ православной вѣрѣ, Самодержавному Царю и своей Родинѣ, могли они найти себѣ поощрителей и пособниковъ. Надо было поискать такихъ среди людей, ненавидящихъ Россію, желающихъ ей позора и паденія... И вотъ къ жидамъ—крамольникамъ примкнули многочисленные инородцы, наводняющіе

Россію. Каждый изъ нихъ, подъ краснымъ флагомъ революціи, старался выдвинуть тотъ вопросъ, который наиболѣе волновалъ ихъ, и, пользуясь суматохой, волненіями и разваломъ всѣхъ нравственныхъ устоевъ Россіи, привести въ исполненіе завѣтныя мечты. Къ рядамъ этихъ „недовольныхъ существующимъ положеніемъ вещей“ не преминули присоединиться и поляки. Да и странно было-бы, если-бы не присосались къ этой „пресловутой“ революціи эти, хотя и родственные намъ по крови, но ненавидящіе Россію, славяне... Вся исторія поляковъ показываетъ наглядно, какъ они умѣли ненавидѣть все русское и проводить въ жизнь эту ненависть.

Въ 1905—1906-мъ годахъ, послѣ злосчастной войны съ Японіей, закончившейся постыднымъ Портсмутскимъ миромъ, дѣломъ рукъ врага Россіи—графа Витте, разгорѣлась, поджигаемыми жидами-революціонерами, кровавая сумятица и неразбериха въ Россіи...

Спокойствіе жизни русскихъ людей въ Польшѣ было нарушено.

По вновь изобрѣтенной польской системѣ русскіе люди начинаютъ исчезать съ горизонта польской жизни... Представители администраціи, чины городской и сельской полиціи, чины судебнаго вѣдомства, представители русскаго инженернаго искусства, всѣ начинаютъ испытывать на себѣ остроту польскаго кинжала, мѣткость польской пули и разрушительность польской бомбы...

Въ числѣ всѣхъ этихъ русскихъ людей, попавшихъ въ проскрипціонные списки польской интеллигенціи, руководимой подпольными трибунами еврейской революціи, былъ и Димитрій Ивановичъ Ивановъ, который уже 8 лѣтъ служилъ вѣрой и правдой Матушкѣ Россіи въ Царствѣ Польскомъ на скромномъ посту, въ качествѣ начальника Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ.

А между тѣмъ, служить стало трудно, а подчасъ и невыносимо тяжело, особенно на желѣзной дорогѣ, гдѣ сумасбродныя революціонерныя идеи привились особенно крѣпко и глубоко.

Желѣзно-дорожные служащіе, (большей частью поляки),

очень хорошо понимали, какъ важно правильное и нормальное теченіе желѣзно-дорожнаго, почтоваго и телеграфнаго дѣла въ такое тяжелое для Россіи время. Преслѣдуя несбыточныя, затаенныя мечтанія возстановить свое царство, поляки не могли не воспользоваться этимъ моментомъ и выступили, угрожая бунтами, волненіями и забастовками, если ихъ соціальныя требованія не будутъ исполнены.

Многія начальствующіе лица старались мирными путями уладить недоразумѣнія; а другіе, болѣе рѣшительные, смѣлые и энергичные, видя, что нѣкоторыя требованія противорѣчатъ русскимъ интересамъ и законамъ русской общественной жизни, отказывали въ исполненіи ихъ и тѣмъ еще болѣе возбуждали противъ себя революціонеровъ.

Тогда-то польскій революціонный комитетъ и рѣшилъ приступить къ уничтоженію русскихъ должностныхъ лицъ и путемъ террора заставить уйти малодушныхъ русскихъ людей, а Правительство — назначать на эти должности мѣстныхъ уроженцевъ, что, при могущихъ быть политическихъ осложненіяхъ, могло сыграть извѣстную роль въ области желѣзно-дорожнаго дѣла, особенно на такой большой линіи, какую представляютъ изъ себя Привислинскія дороги.

Послѣдовалъ рядъ политическихъ убійствъ. Отъ руки анархистовъ пали вѣрные слуги Царя и Родины — начальникъ службы тяги М. К. фонъ-Мейеръ, помощникъ начальника станціи Прага-Привислинская — Афанасьевъ, начальникъ станціи Люблинъ—Шпаковъ, помощникъ начальника станціи Радомъ—Шуховъ и другіе...

Слухъ объ этихъ убійствахъ волновалъ русское общество... Многіе стали ждать своей участи, и въ то-же время безбоязненно оставались на своихъ постахъ, сознавая, что благо Родины—дороже ихъ личной жизни и интересовъ...

Дошла очередь и до Димитрія Ивановича Иванова. Онъ сталъ получать письма, въ которыхъ ему объявлялся смертный приговоръ, который долженъ быть приведенъ въ исполненіе въ теченіе десяти дней... Въ другихъ письмахъ ему совѣтовали уѣхать изъ Варшавы ради сохраненія своей жизни... Но Ивановъ не обращалъ вниманія ни на угрозы,

ни на совѣты, рѣшивъ до конца своихъ дней остаться вѣрнымъ своему Царю и Царской службѣ...

Рука убійцы вписѣла уже надъ жизнью Димитрія Ивановича и нанесла ей смертельный ударъ 11-го февраля 1906-го года.

Димитрій Ивановичъ со своимъ сыномъ шелъ въ первомъ часу дня по Братской улицѣ. За ними слѣдомъ шли два прилично одѣтыхъ молодыхъ человѣка. Около дома № 6 одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ затылокъ Иванова. Раненый упалъ на тротуаръ и тотчасъ же скончался. А убійцы быстро дошли до поджидавшаго ихъ извозчика и уѣхали по Новгородской улицѣ.

Спустя нѣкоторое время охранное отдѣленіе арестовало преступниковъ, которые сознались въ убійствѣ Иванова...

Тѣло Димитрія Ивановича было перевезено въ Петербургъ, и, при большомъ стеченіи родныхъ, знакомыхъ и высшихъ чиновъ Министерства, было предано землѣ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Игнатій Антоновъ Потыранскій.

Младшій земскій стражникъ Холмской уѣздной команды.
Убитъ неизвѣстнымъ злоумышленникомъ 4 Декабря 1905 г.

Игнатій Антоновъ Потыранскій происходилъ изъ крестьянъ деревни Круны, Красноставского уѣзда Люблинской губер. православнаго вѣроисповѣданія. Служилъ старшимъ военнымъ писаремъ во 2-й батареѣ, 2-й запасной артиллерійской бригады. По отбытіи воинской повинности Потыранскій въ 1905 году поступилъ въ команду земской стражи въ г. Холмѣ.

Вечеромъ 4 декабря 1905 г. Потыранскій сопровождалъ въ уѣздное управленіе своего начальника Преображенскаго. Внезапно появившійся между нимъ и начальникомъ неизвѣстный злоумышленникъ, выстрѣлилъ 2 раза въ Преображенскаго, ранивъ его не опасно, а затѣмъ выстрѣломъ въ упоръ въ грудь смертельно ранилъ Потыранского.

За-что убитъ былъ человѣкъ? невольно напрашивается вопросъ. Очевидно Потыранскій лично не имѣлъ враговъ даже въ средѣ политическихъ изувѣровъ-изверговъ. Неужели только за то, что по долгу службы своей, провожая начальника, котораго выслѣживалъ убійца, онъ очутился невольнымъ свидѣтелемъ преступленія и защитникомъ отъ дерзкаго убійцы.?

Грустно и до слезъ обидно становится отъ сознанія, что жизнь неповиннаго человѣка, честнаго, ради куска хлѣба труженика, оцѣнивается бездушными выродками рода человѣческаго ниже и дешевле жизни всякаго неразумнаго животного.

Филиппъ Смоголь.

Сцѣпщикъ вагоновъ, убитъ 19 Февраля 1906 г. въ г. Варшавѣ.

Темною ночью спускался изъ свѣтлаго рая на грѣшную землю Господенъ ангелъ; бережно, тихо спускался, потому что въ рукахъ его билась и трепетала бѣдная душа людская, для тяжкой доли земной, для муки и слезъ покинувшая блаженство рая. Чѣмъ ближе спускались они, тѣмъ слышнѣе становилось имъ грѣшное дыханіе земли—и въ страхѣ прижалась душа небесному къ своему спутнику:

— Зачѣмъ, куда ты ведешь меня? такъ тепло и блаженно было въ свѣтломъ раю!

— Ты вернешься туда, утѣшалъ ее ангелъ; сверши путь свой земной, терпи, какъ бы труденъ онъ ни былъ; отъ голода, холода земного—мы утѣшимъ, отогрѣемъ тебя, твое мѣсто въ раю будетъ ждать тебя.

— А если...меня не узнаютъ...не пустятъ?..

Они летѣли какъ разъ надъ густой терновой рощей, разросшейся отъ того куста, изъ котораго сплетенъ былъ терновый вѣнецъ на главу Спасителя міра.

Ангелъ нагнулся и сорвалъ одну вѣтку:

— Возьми ее, сказалъ онъ душѣ; съ ней передъ тобой откроются двери рая; по ней—тебя узнаютъ, примутъ, согрѣютъ...

Изъ бумаги за № 159.

„Сообщаю, что бывшій сцѣпщикъ вагоновъ ст. „Прага“ Привислинск. ж. д. Филиппъ Смоголь былъ убитъ на мѣстѣ неизвѣстными злоумышленниками тремя выстрѣлами изъ револьвера системы „браунингъ“ въ грудь на вылетъ, въ то время, когда шелъ со своей квартиры на службу. Фотографической карточки у жены Смоголь не оказалось.“

...Тихо подымалась ввысь изстрадавшаяся, измученная душа и, полный тайной тревоги, страданія и надежды взоръ

ея глядѣлъ туда, гдѣ издалека, небеснымъ свѣтомъ сіяли райскія врата; судорожно сжатыя, грубыя и черныя рабочія руки ея, держали на груди вѣтку Христова терновника, красную, отъ алой крови, струившейся изъ прострѣленной груди...

Съ поникшей головой приближалась душа къ желанной обители и со страхомъ силилась вспомнить какія нибудь добрыя дѣла свои—напрасно, прошлое такъ бѣдно и пусто, только сцѣпщикъ вагоновъ, съ вѣчнымъ страхомъ остаться безъ мѣста, или быть раздавленнымъ и оставить нѣсколько маленькихъ ртовъ безъ хлѣба!..

Но у него была вѣтка Христова терновника, и широко распахнулись передъ нимъ двери рая.

195

Составъ редакціонной комиссіи **„Книги Русской Скорби“** при Главной Палатѣ Русскаго Народнаго Союза имени Михаила Архангела.

Предсѣдатель комиссіи:

Пуришкевичъ, Владиміръ Митрофановичъ.

Секретарь комиссіи:

Казаринова, Надежда Алексѣевна.

Ч Л Е Н Ы:

1) **Бородкинъ**, Михаилъ Михайловичъ.
2) **Балаклѣевъ**, Иванъ Ивановичъ.
3) **Башинскій**, Борисъ Петровичъ.
4) **Буксгевденъ**, графъ, Александръ Анатольевичъ.
5) **Бурнашевъ**, Сергѣй Николаевичъ.
6) **Балицкій**, Левъ Алексѣевичъ.
7) **Балицкая**, Марія Ѳадеевна.
8) **Бодиско**, Дмитрій Михайловичъ.
9) Отецъ Іоаннъ **Восторговъ**.

10) Отецъ Александръ **Вераксинъ.**

11) **Васнецовъ**, Викторъ Михайловичъ.

12) **Вязигинъ**, Андрей Сергѣевичъ.

13) **Воейковъ**, Сергѣй Валеріановичъ.

14) **Гершельманъ**, Дмитрій Ѳедоровичъ.

15) **Гершельманъ**, Романъ Робертовичъ.

16) **Головинъ**, Константинъ Ѳедоровичъ.

17) **Губченко**, Михаилъ Алексѣевичъ.

18) **Грузевичъ-Нечай**, Алексѣй Николаевичъ.

19) **Даниловъ**, Георгій Георгіевичъ.

20) **Дитрихъ**, Марія Николаевна.

21) **Жеденовъ**, Николай Николаевичъ.

22) **Кривошеина**, Елена Геннадіевна.

23) **Кавелинъ**, Александръ Александровичъ.

24) **Казариновъ**, Валеріанъ Валеріановичъ.

25) **Кулибина**, Ольга Константиновна.

26) **Леонтьевъ**, Иванъ Сергѣевичъ.

27) **Ладомирскій**, Николай Николаевичъ.

28) **Облеухова**, Софія Львовна.

29) **Образцовъ**, Василій Афиногеновичъ.

30) **Ососовъ**, Андрей Васильевичъ.

31) **Пашутина**, Ольга Васильевна.

32) **Пеневскій**, Ѳедоръ Викентьевичъ.

33) **Плеве**, Николай Вячеславовичъ.

34) **Самокишъ-Судковская**, Елена Петровна.

35) **Соломко**, Сергѣй Сергѣевичъ, художникъ.

36) **Соколовскій.**

37) **Скворцовъ**, Василій Михайловичъ.

38) **Сезеневскій**, Борисъ Андреевичъ.

39) **Тимошкинъ**, Ѳедоръ Ѳедотовичъ.

40) **Федоровскій**, Борисъ Андреевичъ.

41) **Шавровъ**, Николай Николаевичъ.

42) **Шаховской**, князь, Михаилъ Львовичъ.

43) **Шелехова**, Юлія Юліевна.

44) **Шечковъ**, Георгій Алексѣевичъ.

45) **Штейнъ**, Владиміръ Александровичъ.

46) **Шульгинъ**, Василій Витальевичъ.

47) **Шульгина**, Екатерина Григорьевна.

48) **Юрьевъ**, Сергѣй Владиміровичъ.

49) **Юткевичъ**, Наталья Михайловна.

50) **Якушевъ**, Дмитрій Павловичъ.

51) **Чегодаевъ**, князь, Алексѣй Павловичъ.

199

Оглавленіе.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ. Стихотвореніе. *В. М. Пуришкевича.*

Стр.

1) Шереметовъ, жандарм. ротмистръ, г. Керчи, его жена Наталья Семеновна и генералъ-лейтенантъ Трубниковъ . . . 1
2) Поддубный, кондукторъ. 8
3) Слѣпцовъ, тверской губернаторъ 11
4) Отецъ Андрей Борецкій, священникъ. 20
5) Грибоѣдовъ, жандармскій подполковникъ 25
6) Прохоровъ, подпоручикъ 1-й стрѣл. бригады. 32
7) Щелоковъ, жандармскій унт.-офицеръ 43
8) Мировичъ, президентъ г. Сѣдлеца 46
9) Ничипорчукъ, жандарм. унтеръ-офицеръ. 50
10) Плохотниковъ, инспекторъ народн. училищъ. 53
11) Драгуновъ, сельскій староста 56
12) Афанасьевъ, начальникъ учебной дирекціи 60
13) Служащіе Одесской городской полиціи 63
14) Станкевичъ, начальникъ учебной дирекціи 68
15) Снитко, приставъ г. Тифлиса. 79
16) Акимовъ, мастеръ. 88
17) Вестенрикъ, генералъ-маіоръ. 95
18) Пырскій, помощникъ начальника тюрьмы 100
19) Михалаповъ, поручикъ 106
20) Болдыревъ, приставъ г. Кисловодска. 117
21) Грамоченко, ямщикъ 121
22) Литвиновъ, начальникъ ж.-д мастерскихъ 124
23) Богдановичъ, уфимскій губернаторъ 131

Стр.

24) Сытина, дочь генералъ-маіора, Горбаченко и Янецъ, земскіе стражники 143
25) Руденко, правитель канцеляріи 149
26) Князь Анчабаузе, кассиръ 155
27) Юхновичъ, мичманъ 160
28) Земскіе стражники убитые въ г. Люблинѣ и губерніи . . . 165
29) Александровскій, губернаторъ, Заринъ, помощникъ полиціймейстера и городовой Саблинъ. 171
30) Вишнякъ, городовой 182
31) Горчаковъ, приставъ 184
32) Ивановъ, начальникъ Привислинскихъ дорогъ. 186
33) Потыранскій, земскій стражникъ. 193
34) Смоголь, сцѣпщикъ вагоновъ. 194

2007041552